

**ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК**

**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

**1
'97**

СИМВОЛ ЧЕСТИ, ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ

*Министерству внутренних дел Российской Федерации
вручено Знамя, учрежденное
Указом Президента России.*

Фото В. НИКОЛАЙЧУКА

НА БОЕВОМ ПОСТУ

1'97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками: 111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой странице
обложки фото
В.НИКОЛАЙЧУКА.

В номере:

Актуальное интервью

ШКИРКО А.: "Войска остаются гарантом
общественной безопасности" 2

В особом районе

СИМОНОВ А. Звезда Олега Долгова 8
По страницам Книги памяти 12
КАРПОВ Б. Наши в Чечне: генералы 15
РОДНОВ А. Долгий путь домой 21
По сообщениям пресс-службы внутренних
войск МВД России 25

Служба

ТОРИН В. Профессионалы 27
ПЕТРОВ А. ЦИТО 32

Ретроспектива

ЖУРАВЛЕВ В. Солдаты сорок первого 38

Проза. Поэзия

ГУСЕВ Е. Пока горит свеча (стихи) 44
КОЗЛОВ И. Уходя уходи (повесть, начало) 46
Сапоги всмятку (сатира, юмор) 73

Калейдоскоп

ДУНАЕВ О. Коронация — это не фунт изюма . . . 75
СИПРОВ В. "Орденские" сервизы 77
Шахматный клуб 78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1997

Сдано в набор 28.10.1996 г. Подписано к печати 30.12.1996 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1944. Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 11000 руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 13500 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак почета" типография "Красная звезда",
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

Генерал-полковник

Анатолий

ШКИРКО:

**«ВОЙСКА
ОСТАЮТСЯ
ГАРАНТОМ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ»**

Первый номер журнала
В новом году мы открываем
беседой нашего корреспондента с
командующим внутренними
войсками МВД России
генерал-полковником
Анатолием Афанасьевичем Шкирко,
который делится своими мыслями о
сегодняшней роли и месте войск,
о некоторых проблемах
их строительства.

**— Товарищ генерал-полковник,
нынешний декабрь для внутрен-**

**них войск и для вас
лично — время не
только не простое,
но и во многом
знаменательное,
рубежное. Во-пер-
вых, ровно год, как
вы возглавляете
войска, во-вторых,
по большому
счету, закончена
тяжелая чеченская
кампания и, на-
конец в-третьих,
внутренние войска
МВД России пере-
живают вместе со
всеми силовыми
структурами время
реформ. Пробле-
мы видны на всех
уровнях — от
личного до госу-**

дарственного. С каких начнем?

— Да уж, конечно, не с личных. О государственных поговорим лишь в части, нас касающейся. Проблем же собственно войсковых хватит не на одну беседу.

Действительно, завершающийся год для войск был этапным. И не потому, что войдет в историю установлением по Указу Президента России Дня внутренних войск — 27 марта. Это не только дань уважения нашим военнослужащим, живым и павшим, но и признание государственной важности решаемых

войсками задач. Минувший год, в котором мы завершили передачу охраны исправительно-трудовых учреждений пенитенциарным органам, стал годом окончательного формирования нового облика войск. Считаю, что мы, по существу, перешли на тот состав и структуру, в которых будем функционировать ближайшие десять-пятнадцать лет. Разумеется, что-то придется совершенствовать. Настало время сосредоточить основные усилия на системной, методической работе по повышению качества служебно-боевой деятельности.

— Но прежде чем говорить о качественной стороне войсковых реформ, давайте поговорим и о количественных показателях нынешних перемен. В последнее время в печати, в передачах электронных СМИ приходилось встречаться с откровенно пугающим российскому обывателя (да и не только его) утверждением, что внутренние войска вырастают в некую "параллельную", "вторую" армию. Хотелось бы услышать из первых уст четкий ответ на двуединый вопрос: какова численность внутренних войск и для чего они предназначены сегодня?

— На первую часть вопроса отвечу коротко и однозначно: сегодня мы имеем около 250 тысяч личного состава, что на 23 с лишним тысячи меньше, чем было в начале года: расформировано 6 управлений дивизий, 6 бригад, 23 полка. Штатная численность взята не с потолка, многократно просчитана и обоснована не только нами, но и высшим военным, государственным руководством. Исходя из задач, возложенных на нас законом "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации", это необходимый минимум. Содержать такие войска в нынешних финансово-экономических условиях трудно, но возможно. Говорить же о создании какой-то "второй армии" по меньшей мере наивно. Ор-

ганизационно-штатная структура соединений и частей войск создается под конкретные, установленные законом и реализуемые в повседневной служебно-боевой деятельности задачи. У нас нет тяжелого вооружения и боевой техники. Они нам не нужны по содержанию и характеру задач, выполняемых войсками. Если говорить о боевой мощи, то она в нашем полку оперативного назначения гораздо меньше, чем в мотострелковом батальоне Российской армии.

О предназначении внутренних войск говорится в законе. Чтобы исключить всякие домыслы и спекуляции, могу напомнить строки из этого основополагающего для нас документа, который гласит, что на специальные моторизованные воинские части, соединения и воинские части оперативного назначения возлагается участие совместно с органами внутренних дел в охране общественного порядка посредством несения патрульно-постовой службы в городах и населенных пунктах, а также в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий. Этой же статьей закона запрещается привлекать внутренние войска для пресечения несанкционированных митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций ненасильственного характера. И раз уж мы вспомнили день 27 марта, когда отметили 185-летие наших войск, замечу, что задачи, выполняемые такими вооруженными формированиями, по сути своей мало в чем изменились со времен императора Александра I. Войска, привлекаемые "на охранение либо восстановление внутреннего порядка", также "могли быть употребляемы: на поимку воров, преследование и истребление разбойников и рассеяние запрещенных законом скопищ; на усмирение неповиновенных и буйства; на поимку беглых, ушедших преступников и дезертиров; на преследование запрещенных и тайно провозимых товаров; на охра-

нение порядка на ярмарках, торгах, народных и церковных празднествах и прочее..."

Это я вам процитировал исторический документ — Положение для внутренней стражи, утвержденное российским государем. Согласно концепции развития МВД до 2005 года, одобренной Президентом Российской Федерации Ельциным, внутренние войска в системе МВД России на ближайшую и дальнейшую перспективу сохраняют свое предназначение как федеральная сила обеспечения общественной безопасности. Специфика, даже уникальность задач, выполняемых внутренними войсками, сохраняется в веках, несмотря на всю непохожесть жизни тогдашней и нынешней. Хочу особо подчеркнуть, что и в прошлом, и сегодня мы выполняем задачи посредством боевой службы. Причем эти задачи не дублируются ни одним силовым ведомством.

— Законом предусмотрено и участие внутренних войск в территориальной обороне страны. Об угрозе внешнего нападения нынче, похоже, предпочитают вообще не говорить, рассуждая о сокращении Вооруженных Сил, демилитаризации. А что угрожает или может угрожать общественной безопасности в России, что здесь вызывает тревогу, только ли "скопища, запрещенные законом"?

— Если бы только это. Населению почему-то вбивают в голову, что мы только и предназначены "для разгона мирных демонстраций". Подход не только примитивный и вредный, но и обидный для честных солдат правопорядка. Направления строительства внутренних войск МВД России были избраны, исходя из определенных Основными положениями военной доктрины Российской Федерации источников внутренней угрозы безопасности государства. К ним можно отнести: противоправную деятельность отдельных националистичес-

ких, сепаратистских и других организаций, направленную на дестабилизацию внутренней обстановки в стране, нарушение ее территориальной целостности и осуществляемую с использованием вооруженного насилия; попытки насильственного свержения конституционного строя, дезорганизацию функционирования органов власти и управления; рост организованной преступности, контрабандной деятельности, терроризма, незаконного оборота наркотиков; нападения на объекты ядерной энергетики, химические, биологические производства и другие потенциально опасные объекты; создание незаконных вооруженных формирований; нападения на арсеналы, склады оружия, предприятия, производящие вооружение, военную и специальную технику и имущество, организации, учреждения и структуры, имеющие штатное оружие, с целью его захвата; незаконное распространение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств осуществления диверсий и террористических актов; множественное возникновение мест компактного проживания иностранных граждан.

Все перечисленные факторы, мне кажется, красноречиво подтверждают, что при нынешней внутренней обстановке в стране, когда существует реальная и потенциальная угроза безопасности личности, общества и государства, проблемы обеспечения внутренней безопасности приобретают особое значение.

— На сегодняшний день всем ясно, что тенденция к росту национализма и сепаратизма в ближайшие годы до конца преодолена не будет. Не исключены и иные социальные конфликты. Можно ли говорить, что внутренние войска остаются единственной силой, способной противостоять разному роду экстремизму, противоправным действиям?

— Не единственной, но одной из

основных, которую не заменят в ряде ситуаций подразделения местной и криминальной милиции, ОМОНЫ и СОБРы. Из целой совокупности факторов — подчиненности региональному руководству, комплектования из местного населения — вытекает их главный недостаток, который мы на практике ощутили в свое время в Средней Азии, Закавказье, а теперь уже в Чечне. В межнациональных и других конфликтах определенная часть местных органов внутренних дел, как правило, не беспристрастна, не независима. Именно поэтому без федеральной силы с ее экстерриториальным принципом комплектования личным составом в этих условиях не обойтись.

Однозначно — основу федеральной силы, о которой я сказал раньше, должны составлять наши соединения и части оперативного назначения, у которых двойная функция: в нормальных, мирных условиях быть гарантом спокойствия, сдерживающим фактором, а при обострении обстановки, при возникновении конфликтных ситуаций — подготовленной мобильной силой, предназначенной для защиты населения, восстановления правопорядка.

— Каковы сейчас эти силы? Что показало участие внутренних войск в боевых действиях в Чеченской республике?

— В начале нашей беседы я предупредил, что в ней не охватить всех войсковых проблем. Чечня — тема, точнее, широкий круг тем для обстоятельного разговора. Чечня — редкое исключение в практике применения войск. Там мы столкнулись с действовавшими массированно крупными бандформированиями, основательно подготовленными и оснащенными тяжелой техникой и вооружением, вплоть до авиации. Вместе с тем это территория России, и надо было действовать с учетом максимального сохранения жизни гражданского населения. Потому события

и приобрели столь затяжной и сложный характер.

Участие в чеченской кампании российских внутренних войск дало пищу для размышлений и выводов буквально по всем сторонам нашей сегодняшней и будущей деятельности: в боевой подготовке, организационно-штатной и кадровой работе, в оснащении техникой и вооружением, совершенствовании морально-психологического обеспечения боевых действий. Словом, всем нам есть над чем подумать, что сделать в самое ближайшее время.

В Чечне не было войны, которая ожидалась, к которой готовились войска и штабы, которую изучали в академиях и планировали, которая соответствовала бы уставам и наставлениям. У нас не отработан правовой и организационный механизм использования Вооруженных Сил и других силовых структур в случае вооруженного конфликта на территории Российской Федерации.

Но тяжелый опыт чеченских событий подтвердил правильность выбора приоритетов в строительстве внутренних войск: их основу составят соединения и воинские части оперативного назначения, готовые к переброске в короткие сроки, развертыванию и ведению маневренных действий в любом регионе, где возникает угроза внутренней безопасности страны. Не сомневаюсь, что события на Северном Кавказе могли бы и не приобрести столь трагического характера, если бы загодя были созданы, обучены и своевременно применены именно такие войска, которые мы строим только теперь, в условиях всеобщего дефицита, безденежья, социального упадка.

Да, мы понесли большие потери, отдельные боевые задачи до конца решены не были или решались не так, как хотелось бы. Дорогой ценой, но боевой опыт пришел — практически все части оперативного на-

значения теперь знают, как надо выполнять самые сложные задачи.

— Кроме частей оперативного назначения через Чечню прошли и многие специальные моторизованные части внутренних войск, чье основное предназначение — участие в охране общественного порядка. Страну захлестнула преступность. Расскажите, пожалуйста, о роли и месте внутренних войск на этом “внутреннем фронте”.

— Здесь, думаю, красноречивы будут беспристрастные цифры. Число противоправных деяний, совершенных на улицах, уменьшилось на 19,8 процента в 67 городах, где в охране общественного порядка участвуют наши части. Этот вид боевой службы сейчас реально вышел на первое место в войсках, стал основным содержанием их деятельности. В Главное управление командующего внутренними войсками МВД России постоянно идут заявки от глав администраций субъектов Российской Федерации о формировании там специальных моторизованных частей в целях борьбы с преступностью (в 1994 году таких просьб было 10, в 1995-м — 12, в нынешнем — уже 15). Были созданы соответственно 5, 9 и еще 5 таких частей. Эффект их применения налицо.

Но и здесь нередко общественное мнение настраивают против нас. Прежде сердобольные родители, правозащитники разного толка упрекали нас за то, что восемнадцатилетние мальчики (а ведь это солдаты, которые проходят специальную подготовку, которым доверено оружие!) охраняют осужденных преступников. Теперь такие же доброхоты возмущаются тем, что “мальчики” выступают в роли патрульных милиционеров. Но где же взять столько муниципальной, криминальной и прочей милиции, чтобы вовремя откликнуться на каждый крик о помощи “Милиция! Помогите!”?

Согласен, что молодой солдат — это не тридцатилетний опытный сотрудник. Но эффективность использования внутренних войск в борьбе с преступностью неуклонно повышается. И мы, в соответствии опять же с концепциями развития системы МВД и внутренних войск, с новым уголовным кодексом намерены увеличить объем полномочий военнослужащих в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (по мере насыщения войск офицерами с юридическим образованием) и на этой основе качественно повысить правоохранительную роль внутренних войск.

— Анатолий Афанасьевич, вы упомянули об офицерах с юридическим образованием. Такие дипломы получают теперь выпускники трех военных училищ и военного института внутренних войск МВД России. Перепрофилирование военных вузов, корректировка учебных программ не скажутся ли негативно на собственно военных, командирских качествах офицеров?

— Напротив. Абитуриентам, конкурс которых при поступлении вырос в нынешнем году до 5-6 человек на место, курсантам наших Владикавказского, Саратовского, Новосибирского военных училищ, Санкт-Петербургского военного института мы внушаем мысль: готовим из них не юристов с военным образованием, но командиров с юридическим. В этом большая разница. Если прежде мы давали правовой минимум нашим военнослужащим в системе боевой, командирской подготовки, на любительском, образно говоря, уровне, то теперь все наши вузы получили государственную лицензию на право подготовки специалистов с высшим юридическим образованием. Это позволит внутренним войскам МВД России в не слишком отдаленной, вполне обозримой перспективе перейти от

оказания содействия органам внутренних дел в обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности к самостоятельному выполнению этих задач. «Законность и правопорядок» — всегда были основополагающим девизом в жизни войск. Сегодня эта всеобъемлющая формула наполняется конкретным содержанием.

Уж коли заговорили о подготовке офицерских кадров, замечу, что коррективы в учебные планы училищ мы внесли и после боевых действий в Чечне. Каждый командир от взвода и выше должен умело владеть стоящими на вооружении войск техникой и вооружением, средствами связи. Офицеров с высшим инженерным, экономическим образованием для боевого, тылового и технического обеспечения войск готовит сегодня наш Пермский военный институт. Серьезное внимание мы уделим подготовке офицеров для подразделений специального назначения, разведки.

— Товарищ командующий, мы ничего не сказали о частях по охране важных государственных объектов и специальных грузов. Приходилось слышать мнение, что в «эпоху гласности, открытости и доверия» расточительно тратить деньги на содержание охраны объектов, которые перестают быть такими уж секретными. Охрану ИТУ войска передали органам исполнения наказаний. Вроде бы гора с плеч долой. Может, и другие объекты передать соответствующим заинтересованным ведомствам?

— Весьма упрощенный, недалековидный подход. Действительно, с началом конверсии, да еще на фоне акционирования, приватизации предприятий, исследовательских и научных организаций кое-где стал меняться вид их охраны. Однако подавляющее большинство объектов ядерного, оружейного, энергетического комплексов, ведущих работы по

государственным оборонным программам, производящих и хранящих государственные ценности, оружие, боеприпасы, взрывчатые и радиоактивные вещества, будет охраняться войсками. Подчеркну — это задача государственная, а не ведомственная. О реальной угрозе терроризма сегодня наслышаны все. У нас были предположения, что кое-кто откажется от войсковой охраны своих объектов. Вышло же с точностью до наоборот — осознавая предельную опасность угрозы техногенного терроризма, руководители ряда министерств обращаются с просьбой усилить охрану объектов, у нас лежат заявки с просьбой взять под войсковую охрану десятки новых. Но нет личного состава, нет финансирования. Поэтому в реформировании войск приходится выбирать наименее затратный путь — переформирование частей, изменение их предназначения.

Можно закончить этот наш разговор тем, с чего начали, — историей внутренних войск России. Она свидетельствует, что характер выполняемых задач существенных изменений не претерпел. Переменные составляющие — их объем, формы деятельности, а соответственно этому — состав и структура внутренних войск. Не является исключением и современный этап их развития. Вместе с тем правоохранительный аспект в деятельности внутренних войск будет возрастать. И мы считаем, что войска, с учетом своего предназначения, содержания и характера задач, должны оставаться в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Пользуясь случаем, хочу искренне пожелать читателям войскового журнала, всем боевым товарищам в наступившем 1997 году успехов в службе на благо России, стойкости и поддержки в преодолении трудностей, мира и благополучия.

Фото В.НИКОЛАЙЧУКА.

Твои Герои, Россия

Вот кто-то решил:
 “После нас хоть потоп!” —
 как в пропасть шагнул из окопа.
 А я для того свой покинул окоп,
 чтоб не было вовсе потопа...

В. ВЫСОЦКИЙ.

ЗВЕЗДА ОЛЕГА ДОЛГОВА

“Долгов — герой” — так сослуживцы, те, кто был с ним во многих известных лишь спецназовцам из отряда “Русь” переделках, сказали об Олеге год назад, после его гибели при освобождении заложников в дагестанском селе Первомайском. Указ Президента Российской Федерации, как принято теперь говорить, состоялся. 20 июля 1996 года рядовому Долгову Олегу Николаевичу было присвоено звание Героя России (посмертно).

В спецназ он пришел из российской глубинки

Если Россия и жива до сих пор, то только благодаря своим простым труженикам, которые не перевелись в провинции, в глубинке. Именно оттуда приходят люди, способные не щадя живота своего оберегать Отечество. Таким был и таким остался Олег Долгов, парень из поселка Луначарского, что на Самарщине. Биография его типична для мальчишек из российских сел, поселков, станиц и хуторов. Школа, ПТУ, армия. Плюс занятия спортом. Ну какой Иванов, Петров, Сидоров не мечтал и не мечтает стать эдаким русским Ван Даммом или Сильвестром Сталлоне, ведь “новорусское” телевидение ничего дру-

гого для потомков Невского, Донского, Румянцева, Ушакова, Суворова, Скобелева, Жукова предложить не может. Хотя патриотов на Руси меньше не стало. Долгов был одним из них.

Олежка — третий и самый младший сын в семье Долговых — учился в средней школе, затем в ПТУ, вкалывал по дому (местность-то сельская, свое хозяйство надо вести, и лишняя пара рабочих рук никогда не помешает) и выкраивал время для занятий спортом. Увлекался футболом, лошаадьми, рыбалкой, но больше всего ему нравилось дзюдо. А еще он с удовольствием играл на гитаре. И мечтал служить непременно в спецназе. Когда подошло время призыва в армию, в военкомате всем уши прожужжал:

хочу только в спецназ и баста. “Что ты там, парень, забыл? Малиной в “спецзах” не пахнет, и мед на блюдечке не подают”, — удивлялись бывалые военкоматовцы. А Олег настаивал на своем. Добился — просьбу его удовлетворили и направили служить в Отдельную дивизию оперативного назначения. Шел парнишке в ту пору девятнадцатый год.

В ОДОНе Долгова определили в отряд специального назначения “Русь”. Отряд только-только сформировался, а до ввода в Чечню федеральных сил оставались считанные недели. Людей нужно было готовить по полной программе — в бою на нехватку времени не посетуешь, да и поздновато будет.

Нелегко было Олегу и его однокашникам постигать спецназовскую науку. Прямо скажем, накаленная обстановка на Кавказе заставляла работать в поте лица. Вот послужной список рядового Долгова О.Н.: “Декабрь 1994 г. — январь 1995 г. — стрелок учебного сбора; январь 1995 г. — апрель 1995 г. — стрелок-курсант...” А 17 апреля он уже вместе с основными силами отряда — в Чечне.

Школа мужества

Из наградного листа: “Рядовой Долгов О.Н. с 17 апреля 1995 года по 16 января 1996 года принимал участие в специальных операциях по освобождению от незаконных вооруженных формирований населенных пунктов Орехово, Бамут, городов Аргун, Гудермес, обеспечения переговоров под эгидой миссии ОБСЕ по мирному урегулированию событий в Чеченской республике, обеспечения безопасности в зоне вооруженного конфликта лиц высшего государственного руководства, руководства МВД и командования внутренних войск МВД России. В условиях постоянного огневого противодействия со стороны бандформирований проявил

личное мужество и отвагу, высокий уровень профессиональной подготовки. В сложнейших ситуациях действовал смело и решительно...”

Насколько нужно было полюбить солдатскую профессию, чтобы уже через четыре месяца на равных включиться в трудную и опасную работу спецназовцев! Быть крепким физически для этого мало, нужно обязательно иметь то состояние души, которое присуще только “краповым беретам”. Иначе ничего не выйдет. У Олега вышло. Значит, умом и сердцем он сделал правильный выбор, и спецназ его принял как своего.

В Чечне и на сопредельных с ней территориях “русичи”, за редким исключением, находились в постоянном движении. Им приходилось выполнять подчас невыполнимые для простых смертных задачи. Это была настоящая школа мужества. Вместе со своими братишками, братьями по оружию ее проходил и Олег Долгов.

Однажды при въезде в населенный пункт Калиновская военную колонну заблокировала толпа боевиков. Чем заканчиваются подобные акции, известно по опыту: захватом заложников, оружия и боевой техники. На вырубку вылетели две “вертушки” с “витязями” и “русичами”. Переговоры ни к чему не привели. А тут еще бандиты здание школы подожгли. Огонь на поражение открывать нельзя — в толпе есть женщины и дети. Пришлось гордых горцев, чтобы не прятались за

Олег Долгов стоит третьим слева.

слабым полом и малолетками, проучить врукопашную.

— Мы сильно рисковали, — вспоминает старший лейтенант Валерий Ч. — Нас ведь было немногим больше десятка. Но действия оказались оправданными. Толпа рассеялась, потеря ни с чьей стороны не было, а колонна прошла. Долгов тогда мне очень понравился. Сержант бы из него вышел отменный, а в дальнейшем, возможно, и офицер. Жаль, не судьба...

Дни, недели, месяцы в непрерывных боях и походах. Доучивались "русичи" в боях и операциях, во время коротких привалов. Не прослужив в отряде и полугода, Долгов уже многое умел.

— Как-то в Ханкале выдался у нас свободный денек, — рассказывает сержант Андрей Запорожец, — и мы решили посостязаться с "витязями" в "рукопашке". Об уровне подготовки соперников можно не упоминать, название отряда спецназа "Витязь" само за себя говорит. Одним из лучших среди наших был Долгов. В схватке со своим визави он выглядел очень уверенно. Все три раунда вел в счете и заслуженно победил. И в командном зачете наша взяла. В том немалая заслуга Олега уже как советчика, помощника и даже тренера. На занятиях по рукопашному бою мы стараемся друг у друга перенимать все лучшее. Долгов и сам постоянно учился, и другим помогал осваивать те приемы, которыми в совершенстве владел еще с гражданки. Кроме того, мог из стрелкового оружия играючи достать цель на предельном расстоянии. Очень хорошо был подготовлен тактически, умел здорово маскироваться. И главное — у него, по-моему, было умение оправданно рисковать. Смелый был парень...

Краповый берет — за боевые заслуги

Чтобы заслужить право носить берет крапового цвета — символ гордости и чести спецназа внутренних войск МВД России, нужно пройти не только обязательный курс обучения и иметь высокие нравственные качества, но и суметь сдать труднейшие эк-

замены. Жизнь, однако, вносит порою свои поправки в существующие правила. Решением совета "краповых беретов" чести носить этот головной убор без предварительной сдачи экзаменов (или с последующей частичной досдачей отдельного предмета) может быть удостоен военнослужащий отряда за конкретные боевые заслуги. Олег такое право получил после ожесточенных столкновений "русичей" с радуевскими боевиками в Гудермесе в декабре 95-го.

Колонна из четырех грузовиков (в кузове одного из них находилась зенитная установка) на одной из гудермесских улиц нарвалась на засаду. Две группы "русичей" были направлены на помощь попавшим в беду товарищам. Бой выдался тяжелым: нужно было своих раненых и убитых выносить из-под шквального огня и бандитам давать отпор.

— Все мы не робкого десятка, — вспоминает сержант Андрей Запорожец, — но Олег тогда поразил меня своим бесстрашием и расторопностью. Крутился он как белка в колесе: и тела наших ребят на себе через забор к бэтээру передавал, и огрызался из автомата так, что только ключья летели от "духов". Когда всех пострадавших подобрали, мы без потерь отошли на прежние позиции. На следующий день опять был бой. По дороге из Гудермеса в Аргун нас внезапно обстреляли из пуствующего строения. Наша "коробочка" рванула вперед, но Долгов крикнул, что Белый (рядовой Олег Беляев) упал с брони. Несколько десятков метров мы промчались по инерции, а затем, остановившись, открыли огонь по зданию. С большим трудом отогнали бандитов. Долгов сразу же побежал к Белому. Кроме него у нас еще оказалось четверо раненых. Погрузились на бэтээр — и быстрее в Аргун, в госпиталь. Но не успели. Рана Беляева оказалась смертельной, а потом нам сообщили о смерти еще одного из наших — лейтенанта Василия Назаренко. Мы тогда сказали себе: шакалам, стреляющим из-за угла, прячущимся за спинами стариков, женщин и детей, пощады не будет.

Из наградного листа: "9 января 1996 года в г.Кизляре в составе груп-

пы специального назначения... принимал участие в разблокировании подразделения федеральных войск, окруженного превосходящими силами противника. Рискаю жизнью и ведя огонь из пулемета на поражение, пресек попытку группы террористов проникнуть в здание детского сада, расположенного рядом с воинской частью. Преступники, потеряв четырех человек убитыми, вынуждены были отступить... Тем самым была предотвращена угроза захвата бандитами новых заложников и арсеналов с оружием и боеприпасами..."

После таких переделок какой еще нужен экзамен на право ношения крапового берета? Но Олег после каждого боя думал только об этом, ему все казалось, что высот спецназовского мастерства он еще не достиг...

Первомайское. 16 января

Из наградного листа: "С 15 по 16 января 1996 года при проведении специальной операции по освобождению заложников в селе Первомайском действовал в составе одной из штурмовых групп. При подходе к юго-западной окраине населенного пункта штурмовая группа, несмотря на ураганный огонь противника, сумела преодолеть его сопротивление и проникнуть на территорию, контролируруемую террористами. Рядовой Долгов О.Н., проявив мужество и отвагу, одним из первых ворвался и закрепился на окраине села, обеспечив огневое прикрытие остального личного состава группы".

О том, как действовали "русичи" 16 января в дагестанском селе Первомайском, мы уже рассказывали на страницах нашего журнала. Вот как вел себя наш герой в последние часы своей жизни.

Из наградного листа: "16 января в течение более шести часов штурмовая группа, в составе которой действовал рядовой Долгов О.Н., сдерживала попытки прикрывающихся заложниками дудаевцев вытеснить штурмующих из села. Когда группа боевиков, оборудовав огневую позицию в одном из домов, остановила продвижение подразделений федеральных войск, рядовой Долгов О.Н., рискуя жизнью, незаметно подобрал-

ся к позиции противника и уничтожил его, забросав гранатами..."

Почти половину дня Олег в составе своей штурмовой группы сражался с радуевскими подонками в самом селе. В одном из боестолкновений ему удалось освободить несколько заложников, причем Долгов тогда, по словам товарищей, уничтожил трех террористов. Потом его группе (командиру, Олегу, Кирьяну и Руслану) была поставлена задача взять ящик с боеприпасами и во что бы то ни стало пробраться к соседям справа. Те глубоко вклинились в оборону боевиков, а патроны были на исходе.

Идти в обход — долгая песня. Пошли самым коротким, но и самым опасным путем — через простреливаемый пустырь. Ящик с цинками тащили попеременно. Чудом добрались до построек. Своих не видно, вокруг только враги. Пули не дают поднять голову и осмотреться. Прикрывая друг друга огнем, двинулись вдоль пустыря к соседнему зданию. Боевики их обнаружили и открыли сильный огонь. Долгова ранило в шею, Кирьяну прострелили кисть руки. Тут не то, чтобы куда-то еще ползти, шевелиться опасно. Но им о себе думать некогда, где-то в этом районе их товарищи ждут помощи. Надо вот только Кирьяну руку перевязать. Долгов помогает братишке укрыться за стенкой, уступая ему свое место, а сам в это время чуть-чуть привстает. Здесь его и находит снайперская пуля. Он даже молвить ничего не успел. Врачи потом сделают заключение: смерть наступила мгновенно.

Рискаю своими жизнями, "русичи" вынесут тело погибшего товарища из-под огня. Затем будут тяжелые минуты прощания в части и на родине Долгова. Хоронить своего земляка на кладбище соберется весь поселок. Море людей и море цветов. В российской глубинке не разучились чтить память русских чудо-богатырей.

Поднявшись из траншеи в атаку, Олег шагнул в вечность. Золотая Звезда Героя России Олега Долгова будет всегда освещать дорогу тем, кто по зову сердца пришел и придет в спецназ.

Подполковник А.СИМОНОВ.

Память о погибших — это не только поминальная молитва. Это и траурно-скорбное молчание у могилы, и засохший кусочек черного хлеба на заполненном горькой граненом стакане, и отклик сердца на материнскую боль. **Сегодня мы начинаем публиковать письма родителей погибших воинов, которые в будущем войдут в Книгу памяти военно-служащих внутренних войск, погибших при исполнении служебного долга.**

Вновь пуля просвистела
По кронам тополей...
Страна осиротела
На сотни сыновей.

Полковник А. ЧИКУНОВ.

По страницам Книги памяти

**ТАРАБАНОВСКИЙ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

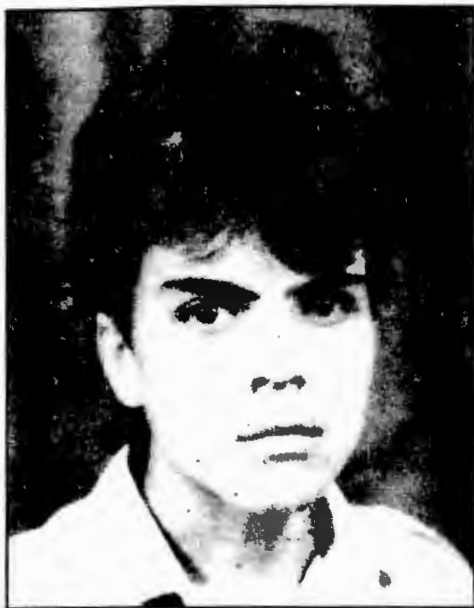
«ЗДРАВСТВУЙТЕ! Пишет вам мать погибшего в Чечне солдата. Давно собиралась написать, но вечера провожу впустую. Достану письма сына, почитаю, наплачусь и не могу сосредоточиться.

Сережа вырос спокойным, добрым ребенком. Хотя, честно признаюсь, особым вниманием не был наделен. Муж выпивал, в семье из-за этого часто были скандалы. На детей, бывало, накричу, зло сорву, обижу ни за что. Они могли бы вырасти огрубевшими к чужому горю. Но, к моему счастью, этого не произошло.

Сережа отслужил сколько положено, уже был подписан приказ — уволить ребят его призыва в сроки с 25 ноября по 25 декабря 1994 года. Но в это время их отравили в Чечню, увольнение задержали, и 3 января 1995 года Сережа погиб.

За несколько месяцев до этого, в сентябре, ему наконец-то дали небольшой отпуск — после трех месяцев пребывания в Северной Осетии. Грустный был отпуск, ничего Сережу не радовало.

Он очень любил брата, переживал за него. «Я очень волнуюсь за Лешу, — писал нам в письме. — Как прошла его операция? Я молю Бога, чтобы все было нормально, чтобы он оставался таким же резвым и веселым. Мой милый братик, скорее выздоравливай. Попалось мне на глаза стихотворение про любимого братика Лешу:

Алешка, Алешка, глаза — два лукошка,
С черникой, брусничкой.

Лисичек немножко,

Щепоть ежевики.

Алешка, Алешка, не хочешь клубники?

А может, орехов из дальнего леса?

Ах ты неумеха, мальчишка-повеса.

Глазищами точит насквозь, наизнанку.

Чего же ты хочешь?

Проехать на танке?..

Вот навалит снега, выйду на улицу и слеплю из снега тебя, Леха. Лысенького такого. А вместо носа будет морковка. И метлу дам. Все будет как положено. А ты меня слепи, хорошо? Только очень аккуратно и нежно...»

К службе Сережа относился добросовестно, хотя у меня об армии остались тягостные воспоминания. Несколько раз приезжали в часть, видели, как ему нелегко. С беспокойной душой уезжали домой. Потом получали письма, Сережа нас успокаивал: «Мама, ты не обижайся, что я так мало ел. Просто от радости, что мы вместе, я не мог на вас насмотреться. И вообще, быть всегда с вами рядом — вот моя мечта». Мечта его осуществилась, теперь никуда не уйдет, не уедет, всегда будет рядом...

Сейчас я очень жалею, что вырастила его честным, ответственным. Тяжело таким.

Л.В. ТАРАБАНОВСКАЯ.
г. Льгов Курской области».

Из письма

Сергея Тарабановского родителям

«...Если до 15 декабря не уедем в Чечню, то нас, дембелей, увезут в полк, и к Новому году я буду дома. Я, например, не могу бросить свой взвод, у меня сейчас нет командира, и я исполняю обязанности командира взвода. У меня во взводе такие сержанты, которым нет никакого дела до солдат, до своего личного состава. Так же будет и там, в бою. Они будут думать только о себе. У меня сейчас больше доверия к рядовым, которые стоят на должностях командиров отделений. Мне жалко ребят, которые пойдут в бой с этими сержантами. А в остальном — у меня все нормально...»

Это было его последнее, восьмидесятое письмо. В этот день, 10 декабря, их часть передислоцировали на границу с Чечней, а 3 января 1995 года в районе станицы Ассиновская Сергей Тарабановский погиб.

Указом Президента России № 323 от 1 апреля 1995 года старший сержант Тарабановский С.А. за мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания, награжден орденом Мужества (посмертно).

Сережа был отличным футболистом, играл за сборную Льгова, участвовал в областных соревнованиях. В память о Сереже ребята уже второй год организуют турнир по футболу.

Из публикации местной газеты

Памяти Сергея ТАРАБАНОВСКОГО

12 октября на стадионе «Урожай» состоялся футбольный турнир, посвященный памяти нашего земляка, погибшего при исполнении воинского долга в Чечне, Сергея Тарабановского.

В соревнованиях приняли участие три сильнейшие команды района — селекстанции, АО «Витязь» и а/ф им. Владимира Ильича. Костяк последней сборной составили учащиеся средней школы № 69 — воспитанники тренера Анатолия Александровича Красникова. В ней играет младший брат Сергея Тарабановского Алексей, который, кстати, был признан лучшим полузащитником турнира.

ЮРКОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ

«Никак не можем понять и никогда не поймем, за какое такое «правое дело» погибают наши дети, и от бессилия наших человеческих прав хочется просто волком выть. Не находится слов, чтобы выразить ту боль и скорбь, которые будут в наших сердцах до конца наших дней. Остались нам лишь одни воспоминания о тех счастливых днях, когда мы были все вместе. А было нас четверо в семье.

8 августа 1976 года у нас родились два сына-близнеца — Олег и Юра. Радости не было конца! Вначале ребята были слабенькие, но со временем поправились, окрепли. В 83-м году пошли в первый класс. А со второго и до призыва в армию занимались в секции дзюдо, в городских, областных, региональных соревнованиях занимали призовые места. Выросли наши ребята физически здоровыми и волевыми. Сами рвались в армию, окончили автошколу, чтоб идти по стопам отца, получили профессиональные права.

24 декабря 1994 года их призвали в армию в Хабаровск, потом направили в школу сержантов, а уж потом, 4 июня 96-го, они попали в Чечню, в город Грозный.

12 августа 96-го года у нашей семьи отобрали счастье — ранили Олега, а через пятнадцать часов он скончался. Брату-близнецу Юрию как одно крыло отрубили. Ведь они как одно целое были, друг без друга никуда. И вот такое горе. Умер Олег у Юры на руках. И до дому его сопровождал Юра. На двенадцатые сутки прибыли наши сыновья домой, один живой, а другой — «грузом-200» со страшным заключением о смерти: «Огнестрельное пулевое ранение головы с повреждением головного мозга».

Осталось от нашей семьи теперь

трое... И все-таки мы благодарны судьбе, что хоть один сын вернулся.

Спасибо работникам газеты «Ситуация» за доброе дело — за создание Книги памяти солдат и офицеров внутренних войск, погибших на чеченской войне.

*Семья ЮРКОВЫХ,
теперь уже из трех человек.
г.Орск Оренбургской области».*

**Подготовили к публикации
подполковник И.МУЧАК,
капитан С.КОЛЕСНИКОВ.**

Журнал «На боевом посту», газета «Ситуация» продолжают работу по созданию Книги памяти военнослужащих внутренних войск, погибших на чеченской войне. Мы просим откликнуться всех, кто мог бы рассказать о своих боевых товарищах. Напишите нам свои воспоминания о них, пришлите фотографии. Наш адрес: 107120, Москва, Сыромятнинский проезд, 8. Редакция газеты «Ситуация».

Им выпала такая колея

Наши в Чечне: генералы

«**Н**ОВЫЙ ЕРМОЛОВ» — так представили на первой его пресс-конференции в МВД России нашим и ненашим корреспондентам новоиспеченного командующего внутренними войсками генерала А.Куликова. Хорошо помню, как на лице Анатолия Сергеевича отобразились неудовольствие и неловкость. В то время (а было это в самом начале 93-го, когда уже вовсю витийствовал Дудаев, а кругом стреляли и взрывали) сравнение генерала с грозным проконсулом Кавказа показалось мне не столь лестным («новые русские» плохо знают, а стало быть, и не уважают историю России, ее прошлых героев), сколь опасным для политической репутации военного человека.

Жаль, конечно, что наших генералов зачастую делают разменной картой в своих крупномасштабных опе-

рациях разномастные политики, забываясь о взбирании на властный Олимп. Готовя чеченский поход, не худо было бы им вдумчиво и досконально перечитать всего Ермолова и его сотоварищей-державников — генералов Российской империи, коих в ту Кавказскую войну полегло за Отечество тринадцать душ. Тех генералов, заместников Его Величества, не только знали, уважали по чинам и званиям военным, но и прислушивались к их мнению государственных строителей, государевых советников. А замиренные горцы, даже самые воинственные мюриды, с почтительной опаской произносили имена русских генералов Ермуллы — Ермолова, Учгеза (Трехглазого) — Евдокимова, Шайтана Боклю — Бакланова.

Нынче же генеральские лампасы раздражающе действуют на тореадеров от «свободной» прессы, которым

редко удастся поразить быка, но уж поколоть его своими перьями-шпильками они стараются вовсю — если не истечет кровью, то здорово помучается. Прытким язвительным щелкоперам, зачастую ни дня не служившим в армии, не представляющим неимоверной тяжести полководческой ответственности, любой генерал представляется холемым жуиром, у которого черный сверкающий лимузин, услужливые порученцы и адъютанты, у которого стабильное “по problems”. Говорят же: генерал, он и в Африке генерал...

Да, это верно — генерал, он и в Чечне генерал. Для него персональный транспорт — исправный «уазик» или бэтэр, вертолет или даже самолет. Харч в генеральской столовой чуть погорячее и поплотнее на пару котлет или миску капустного салата — и медики, и повара знают, что у прослуживших по многу лет крепких с виду мужиков сплошь и рядом язвы да гастриты. Сколько раз приходилось завтракать с генералами и на броне или в блиндаже банкой консервированной каши из сухая и очень полезной своими витаминами луковицей. Генерал при мне просил у старшины кусок хозяйственного мыла, чтобы постирать пропотевшее и пропыленное хэбэ. Но все это — мелочи жизни, бытовуха. Солдатские тяготы и лишения — не испытание для генерала. Главная тяжесть его

беспросветных погон — в успешном выполнении боевой задачи, поставленной дивизии, группировке, войскам. А главное в главном — при этом не потерять людей.

Вот о чем думал июльским рассветом генерал-майор Николай Васильевич Скрыпник. Ему доложили, что войска готовы к проведению операции на рубеже блокирования бандформирований в селе Гехи. Он знал офицеров подчиненных частей, верил им как себе. Доверял и своим заместителям и помощникам в штабе группировки, на которых можно ос-

тавить контроль за обстановкой здесь, на КП. Прежде чем отдать команду “Вперед!” всем, генерал произнес этот боевой клич, сев на свою броню вместе с комбатом, капитаном-спецназовцем и солдатами.

Бандитский фугас подловил их на выезде из брода. Полцентнера тротила подбросили БТР, разметали людей. У машины оторвало колесо вместе с редуктором, броневые листы разошлись на целый метр. Генерал был еще жив — лежал на земле, заливая ее своей кровью. “Вертушки”, санитарная машина, врачи — все старались домчать генерала к спасению. Умер. У Николая Васильевича уже были военные заслуги, был орден с таким названием. И возраст, и выслуга тоже были, чтобы честно заканчивать службу и уходить на дачный покой. Он ушел со службы и из жизни по-геройски: Золотая Звезда, которой генерал Скрыпник удостоен посмертно, будет вручена его родным.

Во внутренних войсках МВД России (ВВ — воюющие войска) уже практически не осталось кабинетных, невовавших генералов. В Северо-Кавказском округе генералы и вовсе давно не надевали “параллельных” брюк с лампасами — все в полевом камуфляже. В Карабахе погиб заместитель командующего генерал-майор Николай Жинкин, в Чечне был тяжело ранен его преемник генерал-майор

Иван Черных. После выздоровления его перевели из горячего региона в центр России. Должность эту, как смертельно опасную эстафету, по солдатски беспрекословно принял генерал-майор Николай Скрыпник. И погиб он рядом с солдатом, вместе с солдатом...

ГЕНЕРАЛ Анатолий Романов — интеллигент, умница, сильный и правильный мужчина. В мирное время он с головой уходил в заботы подчиненных частей и соединений. На войне и вовсе — сутки мог работать без отдыха (не прессовал своих офицеров и генералов, но спрессовал свое время), без оглядки растрачивая свое здоровье, казавшееся несокрушимым еще вчера.

Летом прошлого года мы удивились, не увидев командующего на ежедневном совещании в Ханкале. Один из офицеров под строжайшим секретом шепнул, что Анатолия Александровича на днях резко скрутило от нечеловеческого напряжения («микроинсульт, что ли»). В госпиталь лечь отказался категорически, врачи уложили генерала в его вагончике, делают уколы, велели хоть два-три дня отлежаться. Но совещание едва началось, как вошел командующий. Поднял руку: «Сидите, товарищи, продолжайте». В тот день менялось руководство в тактических группировках, и генерал Романов просто не мог не повидать своих генералов, чтобы одних поблагодарить за боевую работу, а их сменщиков лично ввести в непростую на тот момент обстановку.

В те дни генерал Романов был уже брошен, брошен в объятия Масхадова на замирение. Можно предположить почти наверняка, что оттого и болел он больше, нежели от физических нагрузок. Войска успешно решали многие частные задачи и готовы были, мобилизовав даже скудные силы и средства, даже ценою собственных жизней сжаться в кулак и добить дудаевцев. Невнятная и несвоевременная команда

«мириться» расплавила волю военных, натянутые до предела струны их железных нервов басово-негодующе гудели и рвались, остро впиваясь в живые сердца казавшихся непобедимыми людей. Романов стоял правофланговым в этом строю, и его, на кого равняются остальные, враги захотели сломить, согнуть. Он держался. И тогда его взорвали. Войскам была нанесена незаживающая рана, которую внаглую стали бередить басаевы, радуевы, гелисхановы и прочие незаконные люди.

«Генерал Романов — человек, способный спокойно вести переговоры, в том числе и с непримиримыми полевыми командирами, — сказал в тот трагический для честной России день Аркадий Вольский. И еще добавил: — Исполнители и те, кто замыслил покушение, должны быть уничтожены. Эти нелюди не имеют права ходить по земле».

Преступники не уничтожены, потому что не пойманы, не названы. Другие, которые были названы преступниками и которые могли быть пойманы хоть в Грозном, хоть в Москве, теперь плавно перешли под эгиду высокой договаривающейся стороны, из непримиримых став неприкасаемыми. А нашего российского генерала с русской фамилией Романов безутешные жена и дочь вывозят под охраной «краповых беретов» на прогулку.

ку в инвалидной коляске. И молятся за его здоровье добросердечные православные...

РОМАНОВА СМЕНИЛ на боевом посту генерал Анатолий Шкирко. Сам грозненский, он больше других изболелся душой за судьбу своего родного края. Оставаясь один в своем крошечном кабинетике ханкалинского штабного вагончика-модуля, грыз по южно-русской привычке своей семечки — хорошо нервы успокаивает. Но то и дело заходили люди — кто с донесениями, кто с приказами на подпись. Вот и корреспондент еще атакует. Командующий убирает бумажный кулечек в ящик стола, убежденно-твердо говорит в мой диктофон истину: "Не перевелись патриоты на нашей земле российской, которые несмотря на объективные трудности понимают, что если не мы будем нести эту ношу, то кто поможет России? С такими людьми выстоим!".

Солдатам и офицерам надо уметь выстоять против вооруженного противника, у которого автоматы, гранатометы, минометы. Генералам же зачастую приходится держать оборону против неумелых (читай — неумных) политиков. Единственное дозволенное в ответ — "Есть!". Выполняют приказ, думая о его последствиях для страны, для войск, для своих солдат и офицеров. А это во многом сложнее, чем воевать в открытую на поле боя. По большому счету, любая безболезненная ретирада, любой, даже без людских потерь, вывод войск — это не победа над противником.

В ОЕВАТЬ НАУЧИЛИСЬ многие наши генералы. Прошли те времена, когда взвзшиков знали исключительно как конвойников. По-

пав на кавказскую наковальню да под часто падающий с того пресловутого Олимпа молот, перековывались быстро.

Вспоминаю Моздок, когда там находилась еще войсковая "ставка". Солидный по должности полковник попросил комбата дать несколько уроков практического вождения БМП. Полковник тот понимал, что ему, ставшему задачи для подразделений на этих машинах, не худо бы самому познать-прочувствовать боевые возможности новой для войск техники. Сегодня Вячеслав Александрович уже генерал, и про него уж точно могу сказать — не кабинетный штабник.

И комендант в Чечне — совсем другое чем комендант самого важного объекта. И генерал, спросивший про автозак перед боевой операцией, быстро смекнул, что штурм опорного пункта бандитов — не борьба с массовыми беспорядками в колонии. И уж совсем военными становились в

Чечне генералы внутренних войск, имеющие артиллерийские, танковые, мотострелковые специальности. Пришедшие же в войска из Советской (Российской) Армии скоро проникались уважением к своей новой боевой семье и бросали (у кого он был) скепсис "старшего брата".

Вячеслав Овчинников — наш доморощенный, войсковой, воспитанник ОДОНа. Мы встречались с ним много раз в Карабахе, в Пригородном районе Северной Осетии, зимой и летом

95-го в Чечне. В горячих точках он выполнял самые разные задачи. Никогда ничего не делал на ура, хотя в смелости и решительности ему не откажешь. Строгий, но без матюгов, спрос с офицеров, забота о личном составе не только на уровне солдатского желудка (что тоже немаловажно), но по большому, главному, счету — чтобы живыми вышли из боя.

Мы сидели с генералом на земляном капонири его вагончика, и он говорил мне о своих офицерах: "Понимаешь, практически здесь происходит естественный отбор — кто есть кто. Работникам кадровых аппаратов подбирать людей и представлять на должности надо именно отсюда, из окопов, где каждый есть тот, кто он есть. "Я" каждого видно, а не умение шаркать по паркету, угождать начальникам. Здесь — работяги, пахари войны, здесь — настоящие. Люди здесь как под рентгеном. Есть троечетверо, которые не выдержали испытания этими нагрузками... Но тут на них обижаться нельзя. Ведь выжить в этой ситуации, выполнить задачу в условиях лишения способны только сильные люди. Люди, верящие в дело, которое они делают. С тем фундаментом нравственных качеств, набор которых и определяет настоящего офицера: исполнительность, хладнокровие, мужество, если надо, отвага, тактическая интуиция, умение сплотить вокруг себя подчиненных, повести за собой не только словом..."

Сегодня генерал Овчинников занимает высокий пост в МВД России, где очень кстати пришлось выходцы из внутренних войск, умеющие не только водить в бой полки, но и вести планомерное, с глубокой разведкой наступление по всему фронту на захлестнувшую страну преступность.

Проверку боями во всех горячих точках, начиная с Ферганы, сполна прошел Игорь Рыбаков. Там он был полковником, ныне — генерал-лейтенант, первый спец по действиям в нештатных ситуациях "чрезвычайщины" в разнообразных районах и зонах ЧП, ЧС, ЧО. Загоревший до черноты (ну явно не кабинетный генерал!), за

свой характер, боевой опыт и даже внешность получил среди разных категорий военного народа прозвища Боевик, Матерый. Вряд ли найдется в войсках военачальник, который провел в спецкомандировках больше месяцев, чем Игорь Николаевич. Но не троекратную выслугу он нарабатывает к пенсии. Просто не может долго высидеть в московском кабинете, когда его солдаты и офицеры остаются в окопах.

ЛЮДИ В ОКОПАХ — главная задача управления по работе с личным составом. Так несколько коряво и казенно называются после перестройки политорганы, прежний комиссарский корпус. Но не в названии суть — опять же в людях. Воспитывать настоящего защитника России, вникать в нужды солдата, согреть его душу нельзя, сидя в зашторенном кабинете. Заместитель командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун был в Чечне в самые первые дни войны. В декабре 94-го, когда с коварным и подлым цинизмом в плен были взяты солдаты и офицеры оперативной бригады, именно этот генерал вышел на переговоры и заявил: "Я готов стать заложником вместо моих солдат". Это был не подвиг, но мужественный поступок настоящего боевого генерала. Кто-то из досужих коллег, оклачивавшихся в тыловом Моздоке, пытался доказать, что генерал блефовал, ничем не рискуя, — на виду у всего мира его, дескать, никто бы в плен не взял. А вы, господа хорошие, попробуйте, поговорите с непримиримыми тет-а-тет, надев российскую военную форму. Если уж наши политики непредсказуемы в том, как завтра поступят со своими генералами, то что говорить о поднявшихся на газават горцах.

В январском Грозном ночевали мы в офицерской палатке, где слева и справа от моей стояли койки двух полковников. В ходе боевых операций они шли параллельным с нашим батальоном курсом, в соседних подразделениях, хотя могли бы дожи-

даться доклада о выполнении боевой задачи в командно-штабной машине в пункте временной дислокации бригады. Оба они, заместители командующего войсками Московского округа ВВ МВД России, стали на войне генералами. От души поздравил Георгий Владимировича и Сергея Васильевича. Среди немногих радостей служивого человека получение очередного воинского звания, тем паче генеральского, — главное событие. Но, встречая их в Чечне через полгода, через год, полтора, отчетливо замечал, как поседели эти нестарые еще мужики. Постарели они на целую войну...

В ОЙНА ВЗРАСТИЛА новых генералов, и, предвидя вопли записных пацифистов на этот счет, замечу, что, покуда войны происходят, нужны будут достойные военачальники. Чечня показала, кто есть кто. Чеченская кампания — совершенно особенная, потому что боевые действия развернулись в пределах Отечества, за его нерушимость. Война случилась в нашем Отечестве, и слово это достойные люди обязаны произносить с почтением и писать с заглавной буквы. Сравнение чеченской драмы с дракой в посудной лавке по меньшей мере некорректно, если не сказать больше — оскорбительно для российских военных, тысячи которых пали во имя нерушимости державы. И никому не позволительно ронять честь российских солдат, воевавших и тем более павших в этих боях. Солдат, по выражению Петра Великого, есть имя общее, знаменательное. Солдатом называется первейший генерал и последний рядовой.

Случается, что рядовой становится первейшим, как Герой России Евгений Остроухов, а генерал, напротив, последним... Редко, но что скрывать, бросали тень на войска генералы. Один оказался нерасторопным и неумелым в самый разгар боев, другой и вовсе беспробудно запил... Пере-

вод на другую должность, даже увольнение в запас для них — не самое суровое наказание. Куда тяжелее — несмыаемый позор перед памятью погибших наших товарищей...

Но в подавляющем большинстве своем наши генералы любимы и уважаемы в войсках. Не случайно место расположения одной из тактических группировок называют не иначе, как Куликово поле, а знак Главного управления командующего ВВ МВД России именуют "романовским гербом" (и крылатый лев с клювом орла, с мечом и щитом похож, и фамилия Героя России генерал-полковника Романова у всех на устах). Кстати, и российский орден "За военные заслуги" под номером один получил именно генерал Романов.

Небритые минкины в своих жадных до сенсаций сегодняшних новых газетах и так и эдак стараются обгадить генералов. Плюют в них даже за то, что военные говорят о нерушимости святых рубежей Отечества. Русскоязычные космополиты юродствуют, ерничают, потешаются над генералами, над людьми, чьего мизинца не стоят. Пусть их!

Популярный артист Юрий Шевчук, побывавший в Чечне в самом начале войны, позже сделал вывод:

*Чем ближе к смерти, тем чище люди.
Чем дальше в тыл,
тем важней генералы...*

Не будем устраивать разбор полетов поэтической мысли. И в тылу есть достойные генералы, и на передовой встречались трусоватые и нечестные. Но в большинстве своем генералы, прошедшие чеченскую кампанию не инспекционными наскоками, а всерьез, — настоящие люди. Это скажут не только равные им по должности и званию. Не дадут мне погрешить против истины и офицеры, и рядовые, хлебавшие с теми генералами из одного котла. И нахлебавшиеся...

**Полковник Б.КАРПОВ.
Фото О.СМИРНОВА
и В.НИКОЛАЙЧУКА.**

Боль

По разным данным, в руках у чеченских сепаратистов находится от 900 до 1500 российских военнослужащих.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Все войны когда-то заканчиваются миром. Люди перестают убивать и калечить друг друга, матери не получают похоронок, а солдаты возвращаются домой не в цинковых гробах. Если рассматривать лишь эти характерные черты, то с определенными оговорками можно утверждать, что и на чеченскую землю пришел пусть хрупкий, но мир. Однако есть еще одно условие, без которого нельзя с чистой совестью говорить об окончании войны: пока последний солдат не вернулся домой, война не окончена. Речь, естественно, идет о пленных и пропавших без вести.

Когда советские войска уходили из Афганистана, один известный генерал сказал, что за его спиной русских солдат не осталось. О сотнях пленных публично говорить в те времена было не принято. В общественном сознании плен еще прочно ассоциировался со сталинской формулой: у нас пленных нет, есть изменники Родины. Брошенные на произвол судьбы, самые стойкие солдаты и офицеры всеми правдами и неправдами все-таки добирались до родимой сторонюшки, другие, отчаявшиеся и озлобленные, оставались за кордоном, принимали другую веру. Сколько их сгнуло в Афгане — до сих пор неизвестно.

Сегодня мы живем все-таки в более открытом обществе, да и невозможно скрыть правду о двухлетней войне, которая велась на территории собственного государства. К пленным или незаконно удерживаемым (так их называют в официальных документах) никто уже не относит-

ся как к предателям, изменникам или трусам. Это несчастные люди, волей обстоятельств оказавшиеся в неволе у вооруженных формирований. По разным данным, на сегодняшний день в чеченском плену находится от девяти сот до полутора тысяч российских военнослужащих.

Боевые действия в Чечне еще не успели начаться, как первые 58 военнослужащих внутренних войск были захвачены на границе с Чечней, в дагестанском городке Хасавюрт. Для 38 из них плен закончился уже через день — заместителю командующего внутренними войсками генерал-лейтенанту Станиславу Кавуну удалось договориться об их выдаче. Еще двоих солдат, рядовых Андрея Агапова и Александра Качана, обменяли 23 декабря 1994 года на двух боевиков. Это был самый первый обмен, и никто тогда не мог предположить, что через два года счет пленных пойдет уже на тысячи.

До сих пор точно неизвестно, сколько российских военнослужащих оказалось в плену после безумного штурма Грозного 31 декабря 1994 года. Чаще всего называется приблизительная цифра — около двухсот человек. В декабре 96-го в Центральной объединенной грозненской комендатуре я встретился с двумя солдатскими матерями — Морозовой Ольгой Ивановной и Беликовой Светланой Александровной. Их сыновья, Дмитрий и Олег, служили в 81-м самарском полку и пропали без вести как раз в ту страшную новогоднюю ночь. Два года о них ни слуху ни духу.

— Мы по несколько раз уже обошли всю Чечню, — с неутолимой болью в глазах в который, наверное, уже раз рассказывают

они о своем горе. — Знаем всех чеченских полевых командиров. Они не отказываются выслушать нас, но как только узнают, что наши сыновья взяты в плен в бою, никакой информации не сообщают. Говорят, что такие — особо ценный товар. Но и цену свою тоже не назначают. Мы готовы отдать все, продать дома, лишь бы вернуть детей, без них нет жизни... А особенно горько бывает, когда некоторые наши, русские командиры отмахиваются от нас, как от назойливых мух, мол, не до вас сейчас. Но ведь когда наших сыновей посылали в Чечню, матерей никто не спросил, а теперь мы остались наедине со своим горем.

Можно понять матерей, отчаявшихся вернуть своих сыновей, но, на мой взгляд, обвинять российских власти в полном бездействии несправедливо. С 1 января 1995-го по 10 июля 1996 года из плена освобождено 336 военнослужащих (54 — из внутренних войск). 210 из них были освобождены в 1995 году. До июля 95-го пленные вызволялись преимущественно в результате удачно проведенных федеральными войсками специальных операций. Свою лепту внесли и некоторые российские политики. Несколько человек были обменены на боевиков в результате переговоров с полевыми командирами. Причем обменивались не только живые военнослужащие, но и трупы. Так, в апреле 95-го под Бамутом тела двенадцати российских солдат удалось обменять на два десятка живых чеченцев. Еще около трех десятков солдат были безвозмездно переданы чеченцами родителям военнослужащих.

В ходе мирных переговоров проблема обмена незаконно удерживаемых лиц впервые обсуждалась российской и чеченской сторонами летом 1995 года после теракта в Буденновске. 30 июля было подписано "Соглашение по мирному урегулированию ситуации в Чеченской Республике (по блоку военных вопросов)". Пункт "б" — "Освобождение насильственно удерживаемых лиц" — предусматривал взаимный обмен списками насильственно удерживаемых и без вести пропавших с последующим их освобождением по принципу "всех на всех" в недельный срок со дня подписания соглашения. Как видим, намерения действительно были благими, но они так и остались только на бумаге (в период с 30 июля по 6 октября были освобождены лишь трое военнослужи-

Солдатские матери

щих). Причин тому несколько. Во-первых, недельный срок, отведенный на решение столь сложной проблемы, был явно нереальным. Российские пленные содержались у разных полевых командиров, в разных местах на территории Чечни. Чтобы убедить своих полевых командиров расстаться с ценным товаром, Масхадову необходимо было гораздо больше времени, чем одна неделя. Вторая причина — увязывание чеченской стороной проблемы выдачи пленных с другими вопросами мирного урегулирования. И третья, на мой взгляд, в том, что российская сторона имела преимущество в количестве задержанных чеченцев, содержащихся на фильтрационных пунктах. Многие из них с оружием в руках воевали на стороне незаконных вооруженных формирований и сидели в "фильтрах" вполне заслуженно. Нежелание отпустить их по принципу "всех на всех", боязнь прогадать, объективно тормозили обменный процесс.

Выдача пленных затягивалась, сроки постоянно переносились, и в конце концов фактической точкой всех переговоров стало покушение на генерала Анатолия Романова 6 октября 1995 года. После этого по инерции встречи сторон продолжались еще около двух недель, но также безрезультатно. Более того, 22 октября боевиками коварно были схвачены подполковник Николай Максименков и рядовой Роман Морозов, сопровождавшие машину Масхадова.

Но и после провала переговоров освобождение пленных продолжалось. Так, в период с 21 февраля по 19 апреля 1996 года представителями отдела розыска временного управления МВД России в

Чеченской республике совместно с работниками Объединенного штаба группировки федеральных войск, ФСБ и войсковой разведки были освобождены 27 человек, установлено точное местонахождение еще 28 военнослужащих. За 20 миллионов рублей выкуплен майор Олег Козырев. 14 мая под Урус-Мартаном разведчиками освобожден рядовой Иван Шитик. Через два дня чеченский крестьянин возвратил рядового Алексея Кышпанкова. На следующий день по линии ФСБ удалось освободить рядового Сергея Ерастова. Работа по освобождению велась, но еще много российских солдат оставалось в неволе.

Второй раз на официальном уровне речь о судьбе незаконно удерживаемых лиц зашла на московской встрече В.Черномырдина и З.Яндарбиева 27 мая 1996 года. Тогда стороны подписали "Договоренность о прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики". Второй пункт этого документа предусматривал освобождение всех насильственно удерживаемых лиц в течение двух недель с момента подписания договоренности. На следующий день рабочими группами сторон был подписан протокол, второй пункт которого снова был посвящен "вопросам освобождения всех насильственно удерживаемых лиц". Командующий внутренними войсками генерал-полковник Анатолий Шкирко, участвовавший в той встрече, в достаточно жесткой форме поставил перед членами чеченской делегации вопрос о немедленном освобождении Н.Максименкова и Р.Морозова. Как рассказывают очевидцы, Анатолий Шкирко сказал буквально следующее: "Их захватили бесчестно. Если сейчас в Москве мы задержим кого-то из вашей делегации, как вы после этого будете к нам относиться?". Казбек Махашев дал слово, что они будут освобождены без всяких условий на очередной встрече, которую планировалось провести в Назрани.

Уже через три дня, 31 мая, на блокпосту у селения Шуани боевики захватили 27 военнослужащих внутренних войск. Переговоры по реализации московских договоренностей, открывшиеся в Назрани 4 июня, по инициативе российской стороны начались именно с вопроса о немедленном освобождении захваченных. В ответ Аслан Масхадов заявил, что захват произведен по его приказу в качестве ответной меры на действия федеральных войск в

районе Шали 30 мая, которые он считает провокационными (в тот день при проверке паспортного режима произошла перестрелка и несколько чеченцев были задержаны).

В ходе очень трудных переговоров 9 июня удалось обменять пятерых военнослужащих, захваченных под Шуани, на пятерых чеченцев. В этот же день чеченцы все-таки безвозмездно освободили подполковника Н.Максименкова и рядового Р.Морозова, истощенных до дистрофии. На следующий день у селения Курчалой были обменены еще 14 военнослужащих.

Впоследствии переговоры продолжались целый месяц, но, как и все предыдущие, оказались, по большому счету, безрезультатными. "Всех на всех" обменять не удалось, но два обмена состоялись. 4 июля был освобожден священник отец Сергей Жигулин, захваченный 29 января 1996 года под Урус-Мартаном. Его обменяли на личного охранника Аллы Дудаевой Идигова. Другой священник отец Анатолий Чистоусов умер в плену. Второй обмен состоялся в Махачкале. лейтенант Андрей Воротынец, младший сержант Алексей Городничий, рядовые Александр Кулев, Дмитрий Сосновский и Александр Комаров были обменены на пятерых чеченцев, в отношении которых прекратили уголовное дело.

Одной из причин неудачного завершения переговоров, по мнению представителей российской стороны, стало требование сепаратистов освободить уголовников, отбывающих срок в ИТУ за тяжкие преступления, боевиков, причастных к теракту в Буденновске, а также нескольких иностранных наемников. Но главным камнем преткновения на переговорах стала невозможность выдачи российской стороной 1349 человек, которые, по утверждению сепаратистов, были захвачены в ходе боевых действий и в последующем находились в заключении на территории России. Проанализировав список, российская делегация заявила: представленных чеченцами сведений на этих людей явно недостаточно. В Главном информационном центре МВД России есть данные лишь на 93 человек из списка, но только 13 из них отбывают наказание в местах лишения свободы.

Существовали ли действительно эти 1349 человек, или цифра взята чеченцами с потолка, чтобы заранее поставить перед российской делегацией невыполнимые условия по обмену? Здесь только можно делать различные предположения. Ско-

рее всего, цифра более-менее реальная, но большинства из этих людей, видимо, уже нет в живых — война есть война. Если бы они действительно находились в заключении, то информация об этом непременно бы просочилась в Чечню. В России просто нет таких тюрем, откуда невозможно было бы подать весточку. Тем более чеченцам, как правило, имеющим в колониях отработанные каналы связи.

Лидеры сепаратистов, садясь за стол переговоров, на мой взгляд, прекрасно понимали, что своих им не вернуть — мертвые не воскресают. Тем не менее они продолжали и продолжают до сих пор требовать их возвращения. Цель вполне очевидна — затянуть процесс возвращения российских пленников, дать возможность полевым командирам заработать на их купле-продаже или обменять на чеченцев, отбывающих срок за тяжкие преступления. Таких предложений хоть отбавляй. Например, 3 ноября от некоего Идриса Джебраилова поступило предложение о том, что он готов передать российской стороне 9 военнослужащих за освобождение 5 чеченцев, осужденных в 1993 году по ст. 77 УК РФ (бандитизм) к 9 годам лишения свободы. За освобождение рядового Сергея Григорькина предложено освободить из мест лишения свободы Умара Исламова, содержащегося в колонии строгого режима.

После августовских боев прошлого года в Грозном и последующего «Соглашения о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в Грозном и на территории Чеченской Республики» вопрос о пленниках возник снова. Соглашение предусматривало немедленную передачу пленников, заложников и тел погибших без всяких предварительных условий по принципу «всех на всех». Но договориться снова не удалось, главным образом по причинам, описанным выше. Более того, освобождать пленников стало еще труднее, так как российская сторона фактически лишилась возможности свободного перемещения по территории республики.

И все же пленники разными путями освобождались. В период с 15 августа по 17 ноября удалось выволить 28 человек. Главным образом за счет посредников. Механизм был следующим. К военным в Ханкалу приезжали люди и предлагали свои условия освобождения пленников. Чаще всего требовали выкуп в размере 15-20 миллионов рублей. Такие деньги у федерального командования находились,

собирали с миру по нитке. Однако следует отметить, что предлагались в большинстве своем военнослужащие, совершившие самовольное оставление части. Тех же, кто попадал в плен в бою, в числе обмененных — единицы. По оперативной информации стало известно: боевых пленников в чеченских семьях нет, они содержатся в специальных лагерях. Вызволить их оттуда очень трудно, тем более сейчас, когда все войска из Чечни выведены без каких-либо условий. Президентский указ № 1590 о полном выводе войск с территории республики просто необходимо было увязать с требованием о возвращении всех удерживаемых лиц. Уверен, что чеченская сторона могла за столь желанное для себя решение отпустить большую часть пленников. Но упущенного не вернуть: Россия ушла из Чечни, закрыв глаза на полторы тысячи своих соотечественников.

Как же теперь вести работу по их освобождению? На мой взгляд, необходимо действовать в трех направлениях.

Первое. Все финансовые вливания из российского бюджета в восстановление экономики Чечни, а также уступки на политическом уровне увязывать с возвращением российских военнослужащих и строителей. В конце концов, можно напрямую предложить чеченской стороне за их освобождение кругленькую сумму.

Второе. На сегодняшний день в исправительно-трудовых колониях на территории России содержится 799 граждан чеченской национальности, попавших туда в разное время. Можно предложить чеченской стороне передать их в обмен на российских военнослужащих по принципу «всех на всех».

Третье. Обратиться к мировому сообществу и гуманитарным организациям с просьбой повлиять на правительство Чечни в вопросе освобождения пленников.

Наверняка есть и другие рычаги, способные заставить чеченское руководство вернуть российских граждан. Главное, чтобы руководство России проявило политическую волю, мудрость и настойчивость в разрешении данной проблемы. Иначе события будут развиваться по афганскому варианту, и возвращение домой солдат и офицеров будет очень долгим. И не все вернуться.

Старший лейтенант А. РОДНОВ.
На снимке: подполковник
Н. МАКСИМЕНКОВ
и рядовой **Р.МОРОЗОВ.**

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

В последние месяцы ушедшего года Президент России подписал несколько указов о награждении орденами и медалями военнослужащих внутренних войск. За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, высшей награды страны — звания Героя Российской Федерации — удостоены:

старший лейтенант НЕМЫТКИН Михаил Юрьевич (посмертно),
подполковник медицинской службы ЗАХАРЧУК Петр Михайлович (посмертно),
генерал-майор СКРЫПНИК Николай Васильевич (посмертно),
младший сержант БУЗИН Александр Сергеевич (посмертно),
старший лейтенант ГУРОВ Игорь Владимирович (посмертно).

За два прошедших года звание Героя Российской Федерации присвоено 17 военнослужащим (12 — посмертно), орденами и медалями Российской Федерации награждено 7020 человек, из них 558 солдат и офицеров удостоены ордена Мужества (посмертно).

Московский фонд помощи сотрудникам правоохранительных органов "Консул" провел благотворительную акцию (уже вторую по счету) в Центральном военном клиническом госпитале внутренних войск. Раненым военнослужащим руководство фонда вручило 120 подарков, а госпиталь получил 6 телевизоров. Перед солдатами и офицерами выступили известные мастера искусств.

Командующий внутренними войсками генерал-полковник Анатолий Шкирко так прокомментировал эту акцию: "Руководством Министерства внутренних дел и командованием внутренних войск делается все возможное по оказанию всесторонней помощи военнослужащим, получившим физические и моральные травмы, родным и близким погибших воинов. Благодарность и внимание, которые оказываются фондом "Консул" и другими

организациями, являются существенным вкладом в решение проблем социальной защищенности военнослужащих. Мы выражаем искренние слова благодарности за это руководство фонда, почетному президенту Герою Советского Союза маршалу Советского Союза Виктору Георгиевичу Куликову, председателю совета фонда Александру Борисовичу Порфинову и председателю Попечительского совета Владимиру Витальевичу Левому. Надеюсь, что установившиеся контакты будут крепнуть".

Несколько раненых военнослужащих обратились к командующему с личными просьбами, которые были внимательно выслушаны, и некоторые уже выполнены.

Подразделения 101-й бригады внутренних войск продолжали покидать пределы Чеченской республики. Согласно указу Президента России одним из новых мест дислокации является степной хутор Дыдымкин Курского района Ставрополя, расположенный на административной границе с Чечней, который уже встретил первых военнослужащих. Готовятся к встрече подразделений 101-й бригады в городе Нефтекумске и поселке Затеречный Нефтекумского района.

Командующий временной объединенной группировкой федеральных сил в Чечне генерал-майор В.Сухорученко подписал приказ о создании объединенной комендатуры в аэропорту Северный. Комендантом по согласованию с министром внутренних дел Чечни назначен представитель внутренних войск полковник К.Корж. Объединенная комендатура будет заниматься охраной аэровокзального комплекса до окончательного вывода 101-й бригады. Затем эти функции перейдут к местному МВД.

3 декабря. В районе аэропорта Северный на мосту через речку Нефтянка неизвестные остановили колонну внутренних войск МВД России из шести авто-

мобилей, направлявшуюся в Моздок. Девять солдат были вытасканы бандитами из машин, раздеты и избиты. Лишь в полночь военнослужащих отпустили, но уже без автомобилей.

4 декабря. Около полудня в районе кинотеатра "Родина" вооруженными людьми остановлена санитарная машина 101-й бригады внутренних войск. Поиски захваченных боевиками прапорщика В. Николаева, младших сержантов Ю. Семкиной и А. Константинова, рядового В. Колесникова конкретных результатов не дали.

6 декабря. В Центральном военном клиническом госпитале внутренних войск умер от ран, полученных в ноябре, **рядовой Александр КУКАЛЕВ.**

В Чечне создан комитет по розыску пропавших без вести. В его задачу входит выяснение судьбы каждого из почти 3 тысяч пропавших без вести на территории республики гражданских лиц и военнослужащих. До сих пор неизвестна судьба захваченных несколько дней назад военнослужащих 101-й бригады. Но есть и радостная весть. Рядовой этой же бригады Владимир Карпов, попавший в плен в августе этого года, передан полевым командиром А. Бибулатовым родителям.

В Грозном продолжались работы по эксгумации тел военнослужащих, погибших в ходе боевых действий. С начала года эксгумировано 107 тел военнослужащих, 25 из них опознано. По данным командования, с начала активизации деятельности по розыску пропавших без вести и освобождению насильственно удерживаемых лиц освобождено 466 военнослужащих и 126 гражданских лиц.

В связи с предстоящим началом работы грозненского аэропорта Северный одним из первых был освобожден комплекс зданий, где размещался военный госпиталь.

12 декабря. Под Гудермесом зверски убиты двое военнослужащих внутренних войск, сопровождавших колонну. Жертвами бандитской выходки стали:

**капитан Геннадий ЖИРОВ,
рядовой Константин СЕМЕНОВ.**

14 декабря. По данным МВД Дагестана, вооруженные люди из банды Салмана Радуева на 12 автобусах подъехали со стороны Чечни к блокпосту на Герзельском мосту и потребовали пропустить их в Хасавюрт якобы для участия в проходившей там встрече представителей дагестанских чеченцев. После того как милиционеры предложили им разоружиться, а уж потом проезжать, "делегаты", окружив и разоружив милиционеров, увезли их в неизвестном направлении. Всего бандитами захвачено 22 пензенских сотрудника органов внутренних дел.

17 декабря. Кровавая трагедия разыгралась ранним утром в чеченском селе Новые Атаги: неизвестные вооруженные люди в масках ворвались в здание местного госпиталя и расстреляли шестерых сотрудников Международного комитета Красного Креста.

18 декабря. Освобождены и доставлены вертолетом в Ханкалу все заложники из числа пензенских милиционеров, захваченных несколько дней назад на блокпосту у Герзельского моста.

22 декабря. Террористические акты в Чечне становятся обыденным явлением. Захват милиционеров, убийство врачей из МККК. К этому добавились новые факты: расстрел трех русских семей в Грозном, пропажа делегации Северной Осетии. В воскресенье пропал вместе с водителем руководитель российской делегации из Волгоградской области Олег Малышев. Начальник департамента по национальным отношениям областной администрации был похищен в Грозном, где он намеревался уточнить порядок участия в президентских выборах чеченцев, проживающих в области.

24 декабря. Основная часть 101-й бригады внутренних войск покинула пределы Чечни. Как сообщили в штабе федеральной группировки, с выводом подразделения из 15-го военного городка, расположенного в центре Грозного, из состава бригады в Чечне осталось "несколько подразделений и технические службы, которые занимаются погрузкой военного и другого имущества".

По данным штаба, в минувшие сутки из Чечни на Ставрополье ушел один эшелон с личным составом и техникой 205-й бригады, а также три колонны внутренних войск 101-й бригады. В середине дня в Буденновск отправились со станции Червленая-Узловая два эшелона с боевой техникой и личным составом частей Минобороны.

Командующий объединенной группировкой генерал-лейтенант Владимир Сухорученко встретился с главой коалиционного правительства Чечни Асланом Масхадовым и начальником штаба вооруженных формирований Апти Баталовым. Как отметили в штабе, стороны обсудили вопросы взаимодействия и обеспечения безопасности по пути следования колонн и эшелонов уходящих из республики федеральных войск.

25 декабря при выполнении служебных обязанностей в Чечне погиб **рядовой Виктор СУХИН.**

Подготовил капитан
С. КОЛЕСНИКОВ.

Культпросветработник от... артиллерии

Этот полк Восточного округа внутренних войск можно смело назвать спецназовским, потому что его бойцов как старожилых Грозного бросали в самые рискованные операции. Они выполняли трудные задачи в Черно-речье, в Ленинском районе, в аэропорту Северный. В трагические дни августа мотались по всему городу — эвакуировали чьих-то раненых, кого-то усиливали, поддерживали огнем минометов.

Ага, минометы...

Крепкого широкоплечего капитана с открытой улыбкой автор этих заметок узнал сразу. Учились вместе. Кто бы мог подумать, что Андрей Краснов, профессиональный культпросветработник, окончив политехникум с красным дипломом, через четыре года после выпуска станет командиром артдивизиона? Да он и сам не предполагал, что пройдет несколько разнородных военных должностей — будет и начальником клуба, и специалистом связи, и «замполитом» полка, а затем освоит профессию артиллериста. Такие вот неожиданные повороты в офицерской судьбе.

— Я проштудировал все, что только можно было о минометах, зенитных установках, СПГ, — рассказывал Андрей. — Ночами не спал, заучивал таблицы, методики вычисления и правильного целенаведения. Зато теперь твердо уверен: любую поставленную задачу выполню успешно.

И это не громкие слова самохвальства ради. Его минометы стояли на такой отличной позиции, что под их контролем находились не только Старые Промыслы, но и другие районы Грозного. Кто бы ни приезжал в полк, обязательно вспоминал про «трубы»: «Так у вас самая выгодная позиция в городе!» Хозяйство Краснова — зенитки, противотанковые гранатометы и минометы — всегда в порядке, в постоянной готовности к бою. Куда только не просили подбросить помощь от Андрея! В тот день, когда мы с ним увиделись, он собирался в Бамут вместе со своими треногими «игрушками». Там без них — никак.

И еще немаловажная деталь, свидетельствующая о мастерстве культпросветработника от артиллерии: в артдивизионе готовят классных специалистов.

— Мне ведь никто не даст опытного, обученного бойца, — пояснил ка-

питан Краснов. — Приходится учить каждого самому. И вот сейчас многие уволившись в запас, помыкавшись на гражданке, возвращаются ко мне в подразделение. Думаю, со временем их будет еще больше. Нынче цивилизная жизнь — не сахар. А у нас коллектив дружный, сплоченный — не продашь.

Как говорится, дружно не грузно. Расчеты ардивизиона работали на позициях как хорошо отлаженный механизм. Достаточно сказать, что на подходе к Грозному, где в ротных опорных пунктах располагались минометы Краснова, боевики побаивались передвигаться в открытую, знали — в случае чего, взвэшные каноны не промахнутся.

Впрочем, Андрей не из тех, кто любит заниматься саморекламой.

— О саперах не забудьте написать, — попросил на прощание. — Вот где настоящие профи!

“И настоящие фанаты службы — в самом лучшем смысле этого слова”, — добавляю от себя после встречи с парнями, для которых смертельный риск стал делом привычным, будничным, как для пахаря страда.

Сапер, обезвредивший хотя бы один фугас или растяжку, свой хлеб на войне ел не зря. Он спас кому-то жизнь. В Чечне доводилось встречаться с героями, обезвредившими по двадцать, а то и по пятьдесят взрывных устройств. На боевом счету военнослужащих этого полка сержантов Виталия Ларионова и Николая Лакиза соответственно восемьсот девяносто один и восемьсот семьдесят три ликвидированных сюрприза. Представляете?! Этого хватило бы на то, чтобы стереть с лица земли целый город.

Отважных ребят, конечно, представили к медали. Но... сами понимаете — это только с фугасами на войне просто. С орденами и медалями значительно сложнее. Так и уволились саперы без наград.

Короли радиоэфира

“Увидишь колонну, приказываю: в первую очередь стреляй по машине связи!” — эта фраза из радиоперехвата говорит сама за себя. Бандиты понимают значение связи на войне,

знают ей цену, которая почти всегда измеряется не рублями, а человеческими жизнями.

— Колонна с парализованным нервом управления превращается просто в скопище машин, — сказал заместитель начальника узла связи в Ханкале. — Заблокированная боевиками, она обречена. Однако связь на марше — это полдела. Гораздо сложнее обеспечить устойчивую систему управления войсками во всех тактических группировках, связь подразделений со своими штабами, их тесное взаимодействие. Дудаевцы, к примеру, эту задачу ставили во главу угла. Несмотря на то, что во многих населенных пунктах Чечни федеральными силами были уничтожены стационарные узлы связи противника, бандформирования благодаря поддержке тех неведомых людей, которые с гигантским размахом финансировали преступную деятельность сепаратистов, не потеряли нитей управления, внедрив системы связи с использованием импортных радиостанций типа “Моторола”, “Джонсон” и других. К сожалению, военные о такой роскоши могли только мечтать. Но перед вражескими связистами не пасовали, противопоставляя их солидному техническому оснащению высокий профессионализм.

Говоря упрощенно, перед узлом связи группировки внутренних войск в Чеченской республике стояли две основные задачи: во-первых, передача и прием информации в закрытом и открытом режимах, во-вторых, обеспечение управления тактически звеньями. Если же все это развернуть до частных деталей, то откроется столько сторон деятельности наших королей эфира, что человек, считавший главным инструментом их работы служебный телефон, очень сильно удивится. Нагрузка здесь колоссальная.

Но связисты в жилетку не плакались, пахали, можно сказать, на износ. Потому что не новички, все люди бывалые, опытные, немало испытывавшие и повидавшие. А еще им помогало чувство патриотизма. Да, да, того самого — из книжек и старых фильмов. Начальник узла связи в

Ханкале прекратил выполнять свои обязанности на прежнем месте, когда ему сказали, что теперь служить он будет не Союзу нерушимому, а независимому Узбекистану. И приложил все силы, чтобы перевестись на родину, в Россию. Ни перспектива оказаться на войне, ни трудности, связанные с бытовой неустроенностью, его не испугали.

Здесь, в пригороде Грозного, широкое понятие "патриотизм" наполняется конкретным, весомым содержанием, становится тем оселком, на котором проверяются чувство долга, ответственности, дружба и войсковое товарищество. Никто не бросит коллегу в трудную минуту, не станет перекладывать порученное дело на чужие плечи. Так, начальник мастерской прапорщик Константин Михайлов, увидев, что его друг техник релейной связи прапорщик Владимир Безуглов в одиночку сворачивает КШМ, чтобы поставить ее в капонир, тут же пришел на помощь. Провозились целый день, но все сделали как надо.

А то еще был случай. В два часа ночи отключились две релейные станции и коммутатор. Вы можете вообразить: командный пункт группировки войск практически остался без связи! Михайлов и Безуглов в темноте, с фонариками, облазив весь узел, все-таки нашли неисправность.

Вспоминается ночь, проведенная у связистов. В эти часы узел живет такой же напряженной жизнью, как и днем. Мигают лампочки релеек, пищат заряжающиеся аккумуляторы для радиостанций, стучат телеграфные аппараты, гудит дизель. Телефонисты, телеграфисты лишь изредка позволяют себе минутные передышки, выходя покурить на ступеньки шатких лесенок своих машин, прикрывая воспаленные глаза и уже привычно не замечая чертящих небо трассирующих пуль и бухающих взрывов в районе Грозного.

Здесь нет героев ратного труда. Здесь просто все делают то, что должны делать. Рядовой Валерий Чмуль обеспечивает связь на коммутаторе ЗАС, рядовые Алексей Наумов и Ренат Салихов работают на телеграфе, рядовой Сергей Салихов дер-

жит под контролем радиосеть КП авиации, рядовые Валерий Федоров и Дмитрий Кузнецов неустанно следят за дизелем, питающим узел...

*Связь в Чечне как воздух всем,
Ночь тревожит АКМ —
На Минутке бой ведет целый взвод.
Слово "связь" и слово "жизнь"
Здесь в единое слились,
И связист эфир охрипший стережет...*

Эти строки из стихотворения подполковника Александра Ретивцева посвящены и вам, парни!

Без права на ошибку

Война убивает и калечит. Окровавленные, порой до неузнаваемости обезображенные бойцы и офицеры попадают в полевые госпитали. Многих ставят на ноги, возвращают в строй. А на очереди — новая партия раненых. Опять носилки, стоны, кровь, раскромсанная осколками и пулями человеческая плоть...

О том, что повидали медики на трижды проклятой чеченской войне, можно написать целую книгу. Через каждого врача, санинструктора, фельдшера здесь прошло столько чужой боли, страданий, покалеченных судеб, что с лихвой хватит не на один десяток лет мирной жизни.

— Здесь, в Чечне, каждый из нас согласен стать безработным, — признался начальник военно-полевого эвакуационного госпиталя полковник медицинской службы хирург Евгений Сорокин. — Но обстановка не позволяет расслабиться ни на минуту. Не только в операционной — везде, где б ни находился военный медик. И права на ошибку не дает.

Да, фронтовые дороги, обстрелянные "вертушки", подорванные "коробочки", прошитые пулями машины — обо всем этом сотрудники госпиталя знают не понаслышке. Стоматолог капитан медицинской службы Юрий Мертенс колесил на бэтэзере по заставам и блокпостам, лечил зубы ребятам прямо на передовой. Зачастую мчался в самое пекло, стараясь не думать об опасности, о том, что пуля дура одинаково беспощадна и к заезжуму медику, и к стрелку-окопнику. Однажды бэтр, на котором ехал сто-

матолог, подорвался на фугасе, Юрий получил серьезную травму...

Из относительно безопасной Ханкалы врачи выезжали в Грозный и Гудермес, в Ассиновскую и Бамут, в Ачхой-Мартан, Калиновскую и многие другие населенные пункты, где шли бои и люди нуждались в квалифицированной медицинской помощи. Часто рядом с офицерами медслужбы в выездных бригадах трудились медсестры. Их отваге и смелости могут позавидовать и выдавшие виды мужики.

У Рафиги Мамедовой — четвертая по счету горячая командировка. Она никогда не забудет, как боевики стреляли по красным крестам на “таблетках”. Она знает, что сострадание, сестринская забота нередко помогают раненым лучше любого лекарства, и старается, чтобы этой заботой не был обделен никто из попавших в госпиталь. Другая сестричка, Наталья Ионова, тоже не новичок в Чечне. До сих пор с болью вспоминает январь 95-го: “Каждый день из Грозного везли “трехсотых”, по 150-200 человек, к иному было страшно прикоснуться: тело — сплошная рана, от многоголосого стога истерзанных парней и мужчин к горлу подступали рыдания, подкашивались ноги от усталости и хронического недосыпа.

Все вынесли хрупкие плечи девчат. По заслугам им и честь: мужество, профессионализм Натальи и Рафиги отмечены кавказскими крестами — знаками “За отличие в службе”.

Общаясь с медперсоналом госпиталя, словно погружаешься в теплую ауру доброты, сочувствия, человечности. В такой психологической атмосфере быстрее рубцуются раны и отступают болезни. Здешнему медперсоналу только за один месяц удалось вернуть в строй 24 военнослужащих.

...Четвертый час утра. К модулю дежурного врача, прихрамывая, идет солдат. Не дожидаясь, пока он откроет дверь, навстречу спешит подполковник медицинской службы Валерий Потапов.

— Что случилось?

— Плохо мне, доктор...

— Так, быстрее идем со мной, будем лечить.

Фронтовые дороги рембата

После Чечни Моздок показался самым тихим и уютным городком на всем белом свете. И временно прописанному в нем ремонтно-восстановительному батальону (РВБ) ОДО-На, на первый взгляд, можно было позавидовать. У солдат теплое сухое помещение, нормальная питьевая вода, баня, кормежка не хуже, чем в месте постоянной дислокации. А главное, здесь не стреляют. Одно слово — тыл.

Но назвать рембат тыловым подразделением было бы в высшей степени несправедливо.

Первая группа РВБ прибыла в Моздок еще в августе 94-го и, как говорят в таких случаях, попала с корабля на бал. В каком состоянии находится войсковая автобронетехника, общеизвестно. Нужны титанические усилия эксплуатационщиков и ремонтников для продления сроков ее жизни. И специалисты ремгруппы, посланные на границу с Чечней, где сосредоточивалась одна из группировок федеральных сил, засучив рукава, принялись готовить машины к совершению длительного марша и возможному боестолкновению. Работать приходилось под открытым небом. При отсутствии элементарных бытовых условий это настоящая каторга.

— Хвалены американских вояк бы сюда, — иронизировали по этому поводу офицеры. — Через день забастовали бы или жалобу своему президенту накатали...

С августа по декабрь войска томились в окопной грязи в ожидании команды “вперед”. Наконец команду дали. Затем был штурм Грозного. Кровавый и бездарный. Вместе с батальоном на БМП под Грозный пришла и первая ремгруппа. На КПП в районе Долинской, где вместе с солдатами других подразделений ремонтники несли службу, внезапно напали боевики. Попав под плотный огонь, машина РВБ в буквальном смысле превратилась в дуршлаг, смахившийся в ней водитель был ранен в голову и чудом остался жив. Бой длился около часа.

Получив жесткий отпор, бандиты отступили.

В январе 95-го в Моздок прибыли основные силы рембата. Выгрузившись из эшелона, личный состав сразу же приступил к восстановлению поврежденной техники. Машины на свои, дивизионные, и чужие делить не приходилось. Ремонтировали и войсковые, и милицейские. В сутки ставили на колеса по четыре бэтэра. И двигатели меняли, и ходовую часть.

— За все время пребывания в командировке, — отметил заместитель командира по работе с личным составом майор Константин Алтухов, — наша часть малыми силами отремонтировала авто- и бронетехники больше, чем весь батальон в пункте постоянной дислокации. К тому же и в боевых действиях приходилось участвовать, ведь одна из наших задач — сопровождение колонн.

Нападение на автотранспортные колонны в горных и лесных районах, как и захват безоружных людей в заложники, считается у бандитов и террористов делом наиболее выигрышным. Так что ехать в колонне — риск немалый. В любой момент из “зеленки” или из-за валуна может выстрелить гранатомет, заговорить бандитский пулемет и автомат, ударить снайпер. Поэтому в рембате специалистов для технического обеспечения транспорта назначают из числа добровольцев. Так здесь принято.

— Отправляя людей на такие задания, очень за них переживаем, — сказал майор Алтухов. — Наши небольшие ремгруппы придаются другим подразделениям и в случае засады подвергаются опасности наравне со всеми. Как ни больно об этом говорить, но и нас не миновали боевые потери.

...Случилось это 7 апреля прошлого года, примерно в 14.15. При подъезде к Ишхой-Юрту маневренная группа, в составе которой следовала ремонтная машина, сильно растянулась. Бэтэры и два “Урала” оторвались вперед почти на полкилометра, и реммашина, по форме напоминающая “кашээмку”, становилась лакомой добычей для боевиков. По ней

первой и ударили из засады. Автоматные очереди поразили кунг, а выстрел из гранатомета — кабину. Машина вспыхнула как свечка. Сидевшие в кабине лейтенант Владимир Карпенко и рядовой Александр Никитенко, имевшие большой опыт сопровождения колонн, наверное, не успели даже понять, что произошло. Подлый выстрел из-за угла унес две молодые жизни.

— Володя Карпенко был замечательным парнем и специалистом каких поискать, — рассказал спецназовец Сергей Воробьев. — Мне приходилось видеть его в различных ситуациях, и всегда он выглядел молодцом.

— Изматывающие командировки, боевые потери, неадекватное общественное мнение — как это в морально-психологическом плане сказывается на людях? — спросил у Алтухова. — Не уходят ли из батальона молодые офицеры и прапорщики, и если нет, то на чем держится коллектив?

— У нас в батальоне живут по принципу: нет уз святее товарищества.

Звучит слово “надо” — все как один готовы выполнить свой долг. И пусть твои командировочные на несколько порядков меньше, чем платят себе “новые русские”, отправляясь в коммерческие вояжи, а вместо пятизвездочного отеля светит землянка или продуваемая всеми ветрами прокопченная палатка, не приехать на замену сослуживцу — величайший позор. Вот почему отказников среди кадровых военных в рембате нет. На житейские проблемы здесь тоже особенно не ссылаются, хотя их с избытком.

— Может, войну в Чечне специально затеяли, чтобы армия от безденежья и бескормицы окончательно не распалась, — горько шутили офицеры.

Но это к слову. Люди в погонах ездили на войну вовсе не за деньгами. Выполняли приказ. И думали о России, которую нельзя отдавать на растерзание бандитам...

Капитан В.ТОРИН.

27 января Центр инженерно-технического обеспечения внутренних войск МВД России празднует свое 30-летие.

центр тридцать лет назад был...

Ловлю момент и прошу Виктора Борисовича рассказать, хотя бы вкратце, историю ЦИТО. Кто ее лучше "замполуда" знает?

Добрался к именинникам, в общем-то, без приключений. Если не считать маленькую заминку на КПП военного городка, где дислоцируется центр. Часовой внимательно проверил мои документы:

— Вы куда?

— В ЦИТО.

— Куда, куда? — переспросил солдат и, еще раз услышав "В ЦИТО", обратился за помощью к сослуживцам — названная аббревиатура ему явно ни о чем не говорила.

«Мы и сегодня бойцы невидимого фронта»

С особенностями пропускного режима меня познакомил заместитель начальника центра по работе с личным составом полковник Виктор Лиманов:

— В следующий раз говорите: "Иду на полигон". Хотя полигоном наш

— 27 января 1967 года приказом МООН СССР формируется Опытно-испытательный полигон ИТСО, — называет полковник Лиманов основные этапы строительства части. — В 1972 году на базе полигона создается Специальное конструкторское бюро ИТСО внутренних войск — для разработки необходимых войскам инженерно-технических средств охраны, улучшения связей с промышленностью, оказания практической помощи при внедрении и эксплуатации новой техники. И, наконец, в 93-м году СКБ реорганизуется в Центр инженерно-технического обеспечения.

Замечу, задачи, которые решает ЦИТО сегодня, весьма разнообразны — здесь и организация НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ) по разработке средств инженерного вооружения, инженерно-технических средств охраны, проведение войсковых испытаний и подконтрольной эксплуатации, и разработка тактики действий инженерных подразделений, и воен-

ная приемка средств инженерно-технического обеспечения... Не буду утомлять читателей перечислением возложенных на ЦИТО задач, скажу лишь, что все они, в конечном итоге, направлены на обеспечение служебно-боевой деятельности войск.

Самое парадоксальное, что при той огромной работе, которую проделывает коллектив ЦИТО, знают о его существовании немногие. Если раньше над полигоном, позднее над СКБ висела завеса строжайшей секретности, то теперь ЦИТО давно перестал быть тайной за семью печатями.

Вниманием сотрудники центра обделены несправедливо. Во благо войск ими сделано немало. Они всегда самоотверженно трудились и в лабораториях, и на передовой.

Чеченская тема

Не успел майор Игорь Стукало закончить Военно-инженерную академию и прибыть для дальнейшего прохождения службы в ЦИТО, как его направили... на учебу. В учебную инженерно-саперную бригаду Министерства обороны. На курсы подготовки начальников войсковых фильтровальных станций. С выпускником академии поехал и старший лейтенант Сергей Григорьев. 25 января 1996 года офицеры вернулись в часть, а уже 2 февраля улетели в Чечню для выполнения специального задания — организовать полевое водоснабжение группировки внутренних войск.

Чем объяснялась такая срочность? В группировке участились случаи подрывов водовозок на фугасах. Редко обходилось без человеческих жертв. Анализируя ЧП, генерал-майор Владимир Лукич Рябинов — тогда еще полковник, непосредственно осуществлявший руководство инженерным обеспечением служебно-боевой деятельности группировки, пришел к выводу — не только боевики виноваты в случившемся. Хромает организация системы полевого водоснабжения. Полковник Рябинов поставил задачу подчиненным — в кратчайшие сроки разработать и представить план обеспечения водой воюющих частей.

Чтобы выполнить приказ, майору Стукало и старшему лейтенанту Григорьеву пришлось поколесить по

Чечне. Определить источники водозабора, их производительность, основные и запасные маршруты выдвижения к ним, совместно с медиками — пригодность воды к употреблению. Офицеры лично принимали участие в развертывании войсковых фильтровальных станций, оборудовании пунктов водоснабжения.

В указанный срок была готова карта, испещренная условными знаками, и пояснительная записка. На основании этих документов был составлен план, в группировку ушли боевые распоряжения. Войска стали регулярно получать воду. Резко сократилось число подрывов техники, задействованной на водоснабжении.

Майор Стукало и старший лейтенант Григорьев, конечно, не единственные офицеры ЦИТО, побывавшие на чеченской войне. Многие за выполнение специальных заданий в условиях вооруженного конфликта награждены государственными наградами. Орденом "За военные заслуги" полковник Д.Миклушонок — начальник ЦИТО, подполковник В.Горбунов; орденом Мужества подполковник В.Шахов, майор Л.Киселев и старший прапорщик Ю.Будаев. Медалью "За отвагу" майор А.Голубев и прапорщик С.Силкин. Медалью Суворова подполковник А.Павленко и упоминавшийся выше майор И.Стукало. Знаками "За отличие в службе" подполковники М.Луговой, В.Оленев, А.Гикал, подполковник В.Шахов, полковник Н.Юров.

«Прошу оставить в строю»

Боевые награды не юбилейные. Они вручаются за боевые заслуги, за мужество и героизм.

Из наградного листа на майора Виктора Леонидовича Шахова:

"В г.Грозном лично разведвал и подорвал 92 взрывоопасных предмета, 26 из них — высшей категории сложности.

10 октября 1995 года грамотно организовал работу личного состава по очистке территории узла связи КП ГУКВВ МВД РФ от взрывоопасных предметов в условиях скопления дорогостоящей техники связи, лично выполняя сложнейшие операции по их разминированию. С риском для

жизни установил накладной заряд и уничтожил 120-мм мину.

26 октября умело обезвредил невзорвавшуюся 120-мм мину на тер-

Кто знает проблемы ЦИТО лучше его начальника — полковника Д. Миклушонка?

ритории железнодорожной больницы г. Грозного.

21 ноября на территории автопарка Н-ской части в г. Грозном обнаружено взрывное устройство большой мощности, подготовленное боевиками к взрыву. Ввиду невозможности уничтожения на месте, действуя смело и решительно в сопряженных с риском для жизни условиях, эвакуировал взрывоопасные предметы за пределы города и взорвал их. Все подрывные работы майором Шаховым были осуществлены на высоком профессиональном уровне.

Вывод: майор Шахов В.Л. за мужество и отвагу достоин награждения орденом Мужества".

11 января 1996 года, когда наградной лист уже находился в вышестоящих инстанциях, майор Шахов участвовал в разминировании городской больницы в Кизляре. В этот раз удача отвернулась от сапера. Взрыв. Минно-взрывное ранение, в результате которого офицер лишился стопы.

Потом — госпитали. ВВК. Безжалост-

ный приговор врачей — инвалид. Но майор Шахов от инвалидности отказывается и пишет рапорт: «Прошу оставить в строю». Просьбу боевого офицера удовлетворили. Звание «подполковник» Виктор Леонидович получил досрочно.

В экстремальных условиях

Когда, закрыв чеченскую тему в разговоре с полковником Лимановым, я хотел было перейти к насущным делам ЦИТО, Виктор Борисович с обидой в голосе сказал:

— А про наших чернобыльцев вы ничего не хотите рассказать читателям?

Полковник Лиманов безусловно прав: у каждого солдата своя судьба, свое время. Разве имеем мы право предать забвению тех, кто в мае 86-го укрощал рвущуюся из недр взбесившегося реактора ядерную беду? Конечно, нет. В ЦИТО в свое время служили и продолжают служить участники ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС полковники В.Афонин, В.Бондаренко, В.Баранчук, И.Володько, В.Гусев, Ю.Двизов, В.Ерохин, В.Киришин, В.Куликов, В.Сотин, В.Соколов, О.Тюков, М.Чумаевский... Полковник Николай Васильевич Морозов и подполковник Анатолий Семенович Герасимов награждены за чернобыльское дело орденом Мужества. Старший прапорщик Юрий Викторович Волобуев медалью Суворова.

Из наградного листа на подполковника Анатолия Семеновича Герасимова:

«Принимал активное участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Провел в зоне 56 суток и получил при этом дозу облучения 19 рентген.

С 15 по 19 мая 1986 г. в районе п.Денисовичи под личным руководством майора Герасимова А.С. было натянуто 20 километров заграждений. В этом же районе майор Герасимов А.С. лично обнаружил и организовал эвакуацию из зараженной зоны в медпункт 10 человек из числа военнослужащих и гражданского населения, пострадавших от радиации. 21

мая 1986 года во время паники среди гражданского населения в г.Брагин вывел в безопасное место группу жителей, оказал своевременную медицинскую помощь пятерым особо пострадавшим гражданам, чем спас им жизнь...

Вывод: майор Герасимов А.С. за личное мужество и решительные действия, проявленные при спасении людей во время ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, достоин награждения медалью "За спасение погибавших".

Военпреды

Вряд ли кто из наших читателей задумывался над тем, что прежде чем попасть в войска, инженерные и технические средства охраны, СИБ и САО (средства индивидуальной бронезащиты и активной обороны) про-

ная приемка вернула на доработку заводам-изготовителям 351 комплект изделий из 2500 проверенных.

Если кто-то скажет вам, что военная приемка — теплое место, не верьте. Работа ответственная и напряженная. Особенно когда на заводах-изготовителях объявляется аврал — времена меняются, но выполнения плана поставок по-прежнему добиваются любой ценой! Тогда рабочий день военпреда длится по 14-18 часов в сутки.

Из трех групп военного представительства ЦИТО одна постоянная, две выездные. А это значит, что выездные военпреды всегда пребывают в состоянии повышенной готовности. Приходит телеграмма — и офицеры незамедлительно отправляются в дорогу.

Подчиненные подполковника Сидоркина — не статисты. Они важное звено сложной производственной цепи. Без их участия не обходится ни один день качества — день, когда руководство завода, начальники цехов и производств при обязательном участии военпредов разбирают причины имевших место отказов, дефектов, возвратов.

Военпреды — люди добросовестные. Об этом можно судить по надежности поступающих на вооружение войск инженерных и технических средств охраны. Если благодаря умному прибору на вверенном вам объекте задержан нарушитель, если благодаря бронезилету остался в живых ваш товарищ, то вспомните добрым словом не только конструкторов, но и военпредов. Подполковника Николая Застрелова, майоров Валерия Елисеева, Николая Матросова, старшего лейтенанта Игоря Захарова, их коллег.

И Водой напоят, и броней прикроют

О том, чем занимается вверенный подполковнику Владимиру Стребкову отдел, говорит его название — отдел по сопровождению разработки средств инженерно-технического обеспечения СБД (служебно-боевой деятельности) внутренних войск.

Прежде чем любая полезная для войск идея будет воплощена в ме-

Подполковники В.Стребков (слева) и О.Колесников «обкатывают» очередную идею.

ходят через руки подчиненных подполковника Алексея Васильевича Сидоркина — начальника военного представительства ЦИТО. Задача военпредов, на первый взгляд, проста — осуществлять своевременную и качественную приемку готовой продукции. Но хотя войска стараются иметь дело с серьезными партнерами — солидными, авторитетными в научно-производственных кругах фирмами, у тех тоже бывают проколы. Только в прошедшем году воен-

талл, ей предстоит пройти определенные этапы. Все новые разработки в области инженерных вооружений, СИБ и САО, технических средств охраны проводятся по одной схеме. Вначале аккумулируется войсковой опыт. Затем разрабатывается тактико-техническое задание — с учетом потребностей войск.

Заместитель начальника ЦИТО по работе с личным составом полковник В. Лиманов.

Следующий этап — поиск НИИ, которое выполнит НИОКР.

Как это происходит в жизни, можно проследить на примере одной из последних разработок — устройства для очистки воды в полевых условиях. Необходимость подобных изысканий продиктована жизненными потребностями — о трудностях полевого водоснабжения в Чечне мы уже упоминали.

— В данном конкретном случае, — рассказывает один из сотрудников отдела подполковник Олег Колесников, — мы не стали изобретать велосипед. Обратились с предложением сотрудничать в известную фирму. Она выпускает фильтры для очистки воды. Его мы и взяли за основу для разработки фильтрующего

устройства. По нашему тактико-техническому заданию фильтр должен обеспечить гарантированную очистку и обеззараживание воды, иметь сменные фильтрующие элементы. Сейчас он проходит стадию опытно-конструкторских работ.

Чечней подсказана еще одна тема — комплект разминирования.

Будет полезна саперам и штанга-захват, позволяющая дистанционно открывать двери в досматриваемые помещения, манипулировать с подозрительными предметами.

Гвоздем всех разработок, проводимых под эгидой отдела, является бронезилет нового поколения. Аналогов ему в России на сегодняшний день нет.

— Изюминка в том, — поясняет сотрудник отдела подполковник Михаил Серпиков, — что в нем применена «каркасная», модульная основа для крепления защитных элементов. Иными словами, каждая пластина будет надежно зафиксирована, и не будет сползать со своего места, как это нередко случается в ныне состоящих на вооружении образцах. За счет применения новых технологий удалось снизить вес изделия и при этом добиться улучшения его защитных и эргономических характеристик.

«У нас каждый отдел уникален»

Знакома меня с подразделениями ЦИТО, с задачами, людьми, их выполняющими, полковник Александр Дранников (главный инженер ЦИТО, начинал в части лейтенантом) обмолвился:

— У нас каждый отдел по-своему уникален.

И это действительно так. Если отдел подполковника Стребкова осуществляет только сопровождение разработок, что ничуть не умаляет его значения, то конструкторский отдел под руководством подполковника Павла Селиверстова представляет собой мини-НИИ. Здесь рождаются и здесь же воплощаются в жизнь интересные и полезные для войск идеи.

На уровне технического проекта — уже есть действующий макет — находится разработка устройства сопря-

жения мобильных датчиков с войсковыми радиостанциями. Разработчик — подполковник Михаил Луговой.

Новая тема — устройство для избирательного подрыва сигнальных мин. Работают над ней майор Игорь Стукало и старший лейтенант Олег Котыхов.

Свои темы есть у майора Виктора Филиппова, капитана Алексея Купцова и старшего лейтенанта Дмитрия Перевозчикова.

А разве можно обойти вниманием производственно-технологический отдел, руководимый полковником Вячеславом Ганиным?

Его подчиненные старшие прапорщики Николай Осин, Виктор Лунев, Александр Пивнов — у этих людей золотые руки! — воплощают конструкторские идеи в жизнь. По чертежам, эскизам создают лабораторные и опытные образцы.

Отдел подполковника Вячеслава Жижина тоже занимается важным делом — опытной эксплуатацией запущенных в производство изделий. По результатам готовятся рекомендации в войска. Выводят технику в большую жизнь старшие прапорщики Юрий Волобуев, Евгений Михайлов. В ведении отдела выставочный зал новейших разработок. Здесь постоянно проводятся занятия с руководящим составом МВД, войск, слушателями академий. Быть в курсе всех новинок помогает специалистам начальник редакторско-издательского отделения подполковник Владимир Метлин. Полистайте подшивку "Войскового вестника", и вы убедитесь — этот офицер один из самых активных авторов.

Деньги, деньги, деньги...

Чтобы читатель мог представить себе перспективы в отношениях между заводами-изготовителями и внутренними войсками, назову всего две цифры: 3,5 миллиарда рублей — задолженность по поставкам средств ИТО и 1,2 миллиарда рублей — задолженность по НИОКР. Может, в новом году ситуация изменится к лучшему? Вряд ли, прогнозы финансистов не внушают оптимизма.

Спасает то, что деловым партнерам

деваться некуда. Потеря заказчика для них, пусть даже некредитоспособного, катастрофа.

Деньги, деньги, деньги... ЦИТО тоже сегодня сидит на голодном финансовом пайке. Были бы средства, давно бы, наверное, завершили строительство 5-этажной казармы со штабом части и столовой. Официально все это именуется "комплексным административно-производственным зданием". В настоящий момент за душой у ЦИТО нет ничего — все здания центр арендует у одной из воинских частей.

Сделано немало — полностью разработана проектно-сметная документация, определен подрядчик, составлен план строительной площадки. Эта площадка потихоньку силами ЦИТО оборудуется. Но ведь самим строительство не осилить. Вот и ломают голову полковники Дмитрий Миклушонок и Николай Морозов, как жить дальше.

Существует в центре и проблема с кадрами. Все устраивает людей — и работа интересная, и коллектив хороший — кроме зарплаты. Дослуживают хорошие специалисты и увольняются, а замены им нет. Приходит человек в ЦИТО на работу наниматься, ему сразу перспективы радужные рисуют — можно прапорщиком стать, а то и офицером — приводят в пример старшего лейтенанта Сергея Фомина, младших лейтенантов Александра Петрова, Сергея Баннова... А он не дослушает до конца и вопрос задает — сколько платить будете? Услышит о размерах вознаграждения, так сразу шапку в руки и ходу. Опять — деньги.

Послесловие

ЦИТО — подразделение в структуре войск особенное. Но это положение не дает центру никаких привилегий. Потому-то и проблемы перед цитовцами стоят до боли знакомые.

Но командование ЦИТО, его сотрудники рук не опускают. Свое тридцатилетие встречают с надеждой на лучшие времена и, несмотря на трудности, продолжают делать свое, нужное войскам дело.

Подполковник А.ПЕТРОВ.

Пережитое

СОЛДАТЫ

СОРОК
ПЕРВОГО

Вся моя жизнь связана с внутренними войсками, с дивизией Дзержинского. Есть что вспомнить из сорока лет службы, но сегодня все чаще обращаюсь памятью к первому году войны, когда нам, паренькам, только надевшим шинели, пришлось встать на защиту столицы. Начну свой рассказ все же с 1940 года, с призыва на военную службу.

Команда, в которую я попал, состояла лишь из восьми призывников. Несмотря на ее немногочисленность, провозить нас на вокзал пришел военком города Середы (ныне Фурманов). Долгих речей на проводах не было, лишь перед посадкой в вагон военком дал напутствие:

— Ребята! Вы едете служить в кремлевскую дивизию. Честь большая. Не подведите земляков!

Кремлевской он назвал ОМСДОН, видимо, для солидности, чтобы подчеркнуть важность нашего назначения.

Дорога была недолгой. В дивизии нас встретили радушно. Первым делом отравили в столовую и накормили отменным борщом и гречневой кашей с котлетой. Одели в новое обмундирование. Сегодня, возможно, мои слова вызовут у кого-то улыбку. Но для призывника тех лет, да еще из глубинки, сытное трехразовое питание, добротное обмундирование и кровать, застеленная белой простыней, выглядели впечатляюще. Говорю это без тени улыбки. Тем более что и сегодня часто мы слышим, что в армию приходят призывники с дефицитом веса,

не закончившие не то что школы, а и хотя бы восьми классов. Горько узнавать это.

О прошедшей войне написано и сказано много, мнения у историков и публицистов самые разные. Приходится слышать и о неготовности нашей армии к серьезным испытаниям, беспорядке в штабах, репрессиях. Не стану говорить о высоких сферах, пусть это будет уделом маршалов, а вот подготовку рядового состава армии перед войной, учебу младших командиров в предвоенный год знаю до тонкостей, поскольку прошел ее сам.

Предвоенный период в войсках называли "школой Тимошенко" — по фамилии тогдашнего наркома обороны. Это действительно была школа боевой выучки и подготовки к защите Родины. Особое внимание уделялось получению нами практических навыков. Занятия переносили из классов в поле. Летом и зимой — бесконечные марши с полной боевой выкладкой и решением многочисленных вводных. Питались из походных кухонь, а то и вообще получали продукты на несколько дней сухим пайком. Зимой устраивали ночлег в поле: разрывали

В. Журавлев. 1941 г.

снег, клали на мерзлую землю лапник, над ним из плащ-палаток сооружали шалаш или палатку. Ложились на бок один за другим, словно в солдатском ряду. Наматывали километры полевых дорог, засыпали мгновенно. А утром — еще темно — подъем и снова боевая учеба. И что удивительно — никто не болел.

В подготовке солдат особая роль отводилась младшим командирам. Главный принцип учебы был один — "Делай, как я!". Мой командир отделения Иван Галютин до призыва в армию учительствовал. И как младший командир отличался отменной выучкой. Так что нам было на кого равняться, за кем тянуться.

Хорошо шла у меня боевая и политическая подготовка, а вот по физо оказался в отстающих. На перекладине висел как сосиска, на брусья не мог взобраться. А физподготовка для солдата вещь главнейшая...

А тут еще меня, до призыва в армию работавшего корреспондентом в районной газете, назначили редактором стенгазеты. В ней приходилось критиковать нерадивых и отстающих, и я невольно задумывался: а есть ли у меня право на это?

Переживал я сильно и, как выдавался свободный час, бежал на спортплощадку. Постепенно дела у меня пошли лучше. Я стал выполнять упражнения на снарядах не хуже других.

Успешно пройден курс первоначально-го военного обучения. Усвоены азы военной подготовки. После итоговых выпускных занятий командование решило направить меня в школу младших командиров. И вскоре я уже пел в строю:

*Наша полковая школа
Младший комсостав стране кует...*

Осваивая специальность сапера, готовясь стать младшим командиром, я не забывал и о своем давнем увлечении, о газетной работе. Сотрудничество с красноармейской дивизионкой "На боевом посту" позволило мне познакомиться со многими бойцами и командирами.

Как-то в столовой артиллеристов мое внимание привлек веселый солдат. Наверно, с него можно было бы Твардовскому написать своего Василия Теркина. Артиллериста звали Сергей Белоус. В октябре 41-го под Мценском он совершит подвиг. Добровольцем пойдет в разведку и, обнаружив фашистские танки, вызовет на себя огонь батареи. Три вражеских танка будут подбиты.

В то скупое на награды время Сергея наградили орденом Ленина. О подвиге артиллериста-дзержинца газета "Красная звезда" напечатала передовую статью "Защитник Москвы Сергей Белоус". Газета рассказала, что могло произойти, если бы на пути танков врага не оказался мужественный и решительный боец, а потом призвала защитников столицы биться с врагом так, как Сергей Белоус и тысячи других отважных бойцов. Уже после войны я пытался разыскать своего товарища. Но

безуспешно. Лишь через много лет узнал, что он погиб в августе 1945 года в бою с бандой украинских националистов...

На территории дивизии наша казарма-барак располагалась там, где сейчас находится гарнизонный Дом офицеров. Напротив стояла казарма химроты. У химиков появился необычный красноармеец. В свои тридцать лет он резко выделялся среди девятнадцати-двадцатилетних бойцов. Да и ходил в комсоставском обмундировании. Пospешил познакомиться с ним. Кирилл Солдадзе оказался ученым-химиком, в дивизии он заведовал химической лабораторией. В первые дни войны в условиях нехватки бензина из отходов нефтепродуктов он создал горючую смесь для огнеметов и зажигательных бутылок. Испытания прошли настолько успешно, что эту смесь Наркомат обороны принял на вооружение. Немало танков было остановлено ею на подступах к столице.

Таких примеров можно привести множество. Обычные бойцы, мои знакомые и сослуживцы, в годы войны становились героями.

Но в мае — начале июня 41-го ничто не говорило нам о скорой войне. Подходила к концу учеба в школе младших командиров. Давно уже курсанты втянулись в ее четкий, налаженный ритм. А когда служба ладится, хоть нечасто, но появляется у солдата свободное время. Кто форму наглаживает, чтобы в увольнение на свидание с девушкой сходить, кто письмо домой пишет. Мы с моим приятелем, младшим командиром саперной роты Иваном Усковым, в эти часы сходились вместе. Иван до призыва тоже работал в газете, писал стихи. Уже в армии пытался взяться за прозу. Свои рассказы он показал писателю Анатолию Виноградову, автору знаменитого романа "Три цвета времени".

Маститый писатель похвалил работы Ивана Ускова, даже пообещал взять над ним шефство. Посмотрел он и мои газетные корреспонденции.

— А что-нибудь большее вы можете сотворить? — спросил он.

Я ответил, что думаю об этом, и если буду писать, то на военную тему. Писатель советовал пристальнее наблюдать жизнь воинского коллектива, находить образы, продумывать сюжеты.

После этой встречи мы с Усковым убедили командира пригласить писателя в роту. Анатолий Корнеевич выступил перед красноармейцами. Говорил он о себе, о своем творчестве, о воинской службе, которой посвятил много лет. А потом в роте был величайший спрос на его книги. Романы "Осуждение Паганини", "Три цвета времени", "Записки пилота" переходили

из рук в руки. Их читали запоем, говорили только о них.

Уже шла война, когда я, улучив возможность, заскочил к Анатолию Корнеевичу на его квартиру неподалеку от Курского вокзала. То, что я увидел, потрясло меня. В холодной, нетопленной комнате писатель жег в буржуйке свои рукописи, чтобы хоть как-то согреться.

Посмотрев в мои удивленные глаза, он сказал, что листы, которые он жег, ему жалко, как свои седые волосы. Я с порога развернулся — и прямо в роту. Рассказал об увиденном командиру. Тот сразу же загрузил машину дров и отправил меня с ней к писателю. Мы с водителем по лестнице (лифт не работал) перетаскивали дрова в квартиру.

К сожалению это была моя последняя встреча с Анатолием Виноградовым. Вскоре он трагически погиб.

Мне и моим товарищам, пришедшим в армию перед войной, выпало служить и встречаться с интереснейшими людьми. Наши сослуживцы были живой историей не только дивизии Дзержинского, но и всей Красной Армии. Военным дирижером дивизии был уже пожилой седовласый военинтендант первого ранга Василий Иванович Агапкин. Автор бессмертного марша "Прощание славянки" пользовался огромным уважением в дивизии. Нашими сослуживцами были бойцы и командиры легендарного автобронетанкового отряда им. Свердлова, воевавшего еще в составе Первой Конной армии С.М.Буденного. Встречи с Е. Архиповым, А.Соколовским, В.Кищуком, Д.Волковым оставили незабываемое впечатление.

Конечно, сегодня отношение и к Буденному, и тем более к Свердлову у многих неоднозначное. Но речь-то в первую очередь не о них, а о солдатах, отстоявших страну.

В июне 41-го близилась к завершению наша девятимесячная учеба в школе младших командиров. Перед экзаменами нас все чаще навещало высокое начальство. Как-то раз я стажировался в роли дежурного по роте. И надо же этому случиться — в роту пришел командир дивизии генерал-лейтенант П.А.Артемьев с большой свитой. Когда генерал проходил мимо меня, я представился: "Дежурный по роте курсант Журавлев". Порядок в казарме был отменный. Только что сделали приборку. Винтовки, шанцевый инструмент вычищены и смазаны. Все буквально сверкало. Командир дивизии подошел к пирамиде, где стояло наше главное оружие — большие саперные лопаты, наугад взял одну из них и снял чехол. О ужас! Лопата была вся ржавая. Командир роты по-

бледнел. Что будет? Но ничего не было. Комдив, не сказав ни слова, вместе со свитой покинул роту.

Придя в себя, командир роты распорядился просмотреть все лопаты, весь шанцевый инструмент, а заодно и винтовки. И что же? Нигде ни крапинки ржавчины! Почему та единственная приглянувшаяся комдиву зачехленная лопата оказалась ржавой, никто объяснить не мог. "Фатальизм, какой-то", — сказал, утирая вспотевший лоб, командир роты.

22 июня сорок первого года дивизия собиралась отпраздновать свою семнадцатую годовщину. Готовили большой военно-спортивный праздник. В нем нашлось дело и саперам. Предстояло продемонстрировать свою выучку в преодолении водной преграды, наведении моста из надувных лодок. Генеральная репетиция в субботу 21 июня прошла без сучка и задоринки. Настроение у всех было приподнятое.

22 июня нас подняли по тревоге в пять часов утра или немного раньше. Первая мысль была, что продолжится тренировка. Но когда выдали полный комплект боеприпасов, мне показалось, что в воздухе, словно на стрельбище, пахнет порохом.

В двенадцать часов по радио прослушали выступление В.М.Молотова. Началась война!

На следующий день курсантов полковой школы без экзаменов произвели в младшие командиры. В мое отделение вошли не только сверстники, но и уже призванные из запаса солдаты, многие по возрасту годящиеся мне в отцы. Началась долгая, изнурительная и трудная боевая жизнь. Что ж, подготовку мы прошли хорошую и были готовы выдержать все превратности судьбы. И даже отцы семейств, только вчера оторванные от мирной жизни, хоть порой и ворчали на строгие армейские порядки, но понимали: война есть война.

Что приходилось делать воинам-дзержинцам в первые дни войны — всего и не перечисль. Главной задачей была охрана общественного порядка в столице. Ее патрулировали еждневно и еженощно. Проявляли строгий спрос к нарушителям режима военного времени. Задерживали подозрительных, среди которых оказывались и вражеские лазутчики. Только в течение месяца после введения осадного положения нашими патрулями было выявлено 29 шпионов и 5 диверсантов. Одновременно части дивизии охраняли важнейшие линии правительственной связи. Воины-дзержинцы вылавливали вражеских парашютистов, проводили работы по заграждению посадочных площадок и сооружению оборонительных рубе-

жей на ближних подступах к Москве и непосредственно в самой столице. Нашлось дело и для моих саперов. Наше подразделение направили в район Серебряного Бора к селению Троице-Лыково. В те дни существовала опасность, что постоянные мосты через Москва-реку будут выведены из строя. Мы готовились в кратчайшие сроки наводить мост из надувных лодок А-3.

Действия наших расчетов были отработаны буквально по минутам. Тренировались и днем и ночью. Наводка моста с каждым разом проходила все быстрее и качественнее. После окончания работ по мосту проходила загруженная трехтонка ЗИС-5. Настил под ее колесами лишь слегка прогибался.

Однажды по приказу командования мы экстренно навели мост. К противоположному берегу подъехала легковая машина. Она осторожно съехала на настил, медленно, но уверенно проделала путь через реку. Мост под легковой машиной прогибался не меньше, чем под грузовиком. Пассажиром бронированного лимузина оказался нарком внутренних дел Лаврентий Берия. Проба моста прошла успешно. Выйдя из автомобиля, нарком поблагодарил всех нас за успешную и добросовестную работу. Особой похвалы удостоился младший командир Н.Ижов — за четкость доклада и расторопность.

Наше саперное подразделение располагалось в сельской школе. Жили по всем правилам военной науки, выставив боевое охранение. И, как оказалось, не зря. Однажды на рассвете нас подняли по тревоге. Взводу поставили задачу оцепить и прочесать деревню. Два отделения ушли в оцепление, мое должно было пройти по улицам и задержать всех подозрительных.

В чем же дело? Оказалось, часовой наружного поста заметил подбирающегося к школе неизвестного с тяжелой сумкой в руке. Услышав приказ остановиться, тот бросил сумку и убежал в деревню. В сумке оказалось взрывное устройство.

В деревне боец моего отделения заметил человека, спускавшегося с крыши дома на землю. Быстро выдвинувшись вперед, мы потребовали от него остановиться. В ответ неизвестный выстрелил в нашу сторону. Пришлось ответить огнем на поражение. Первые же выстрелы оказались успешными.

Почти сразу подъехали военные со знаками государственной безопасности на петлицах. Они забрали и увезли раненого, оказавшегося диверсантом.

Фронт приближался к Москве. 20 июля высоко в небе появилась "рама", фашистский самолет-разведчик. Ударил зенитки, все небо покры-

лось дымными облачками от разрывов снарядов, но "рама" как ни в чем не бывало кружилась в небе и ушла невредимой. А через два дня, в ночь с 22 на 23 июля, ровно через месяц после начала войны, состоялся первый воздушный налет на Москву. На большой высоте армада за армადой фашистские самолеты в четком как на параде строем летели на столицу. Стоял сплошной гул. Без умолку били зенитки, в свете прожекторов мелькали и наши "ястребки". Правда, к сожалению, без особого ущерба для фашистских стервятников. Со стороны Москвы слышались глухие разрывы. Нам было хорошо видно, как в разных частях города занимались пожары. Осколки долетали и до нас, с шумом ввалились в стволы вековых сосен.

Ущерб столице был нанесен огромный. Наш взводный, призванный из запаса москвич лейтенант Александр Смирнов вылез из щели, смотрел на горящую Москву и плакал. Голову он прикрывал противогазом, как будто его сумка могла защитить от осколков. В вышине завывала очередная бомба. Мы забеспокоились. Я выскочил из щели и без всякого чинопочитания столкнулся взводно вниз, а вот прыгнуть следом не успел. Волной от взрыва фугасной бомбы меня отшвырнуло в сторону и бросило наземь. От сильного удара потерял сознание и пришел в себя только в санчасти. Отлежался с неделю, а когда прошли приступы головокружения, снова в строй. В книге записи больных осталась строка: "контужен 23 июля". В мой день рождения. Тогда мне исполнилось 20 лет. Ну а подарок — лучше не придумаешь. Остался жив!

Тот налет на Москву оказался самым крупным за всю войну. В следующую ночь гитлеровцы решили повторить массовую бомбардировку столицы. Да только за один день противовоздушная оборона Москвы сумела мобилизовать все резервы. Были подтянуты батареи зениток с других направлений, целые полки истребителей. Все успели сделать за день, и в следующую ночь, с 23 на 24 июля, врагу дали мощный отпор. Фашистским бомбардировщикам пришлось беспорядочно сбросить свой смертоносный груз на подмосковные поля. Много вражеских машин подбили. Планы массированных бомбежек были сорваны. В дальнейшем к столице прорывались лишь отдельные бомбардировщики врага.

У нас помимо повседневной службы шла и боевая учеба, и тут сброшенные в беспорядке на полете к столице с фашистских самолетов "гостинцы" пригодились. По утрам мы собирали их даже не десятками, а сотнями: зажигательные бомбы, падая в вязкий болотистый грунт, не сбавляли.

Осваивая борьбу с ними, мы по очереди тушили "зажигалки", горевшие синим жарким пламенем. Так освоили эту нехитрую операцию, что относились к бомбам уже без должного почтения. У собранных в очередное утро "зажигалок" рядом со стабилизаторами оказались небольшие черные стаканчики. Таких раньше не видели. Наш солдат изготовился тушить бомбу, развернулся, чтобы набрать лопату песка... В это мгновение раздался взрыв, стаканчик разлетелся на десятки осколков.

А война подошла вплотную к Москве. Историки свидетельствуют, что на этом направлении гитлеровское командование сосредоточило более двух пятых своих сухопутных войск, три четверти танков, почти половину артиллерийских орудий, около трети самолетов. И все это ради того, чтобы протаранить нашу оборону, окружить, уничтожить наши войска, с ходу ворваться в Москву. Столица стала прифронтовым городом. Дивизия Дзержинского вошла в состав войск Западного фронта. Саперному подразделению дивизии была поставлена новая задача — сооружать заграждения и препятствия, строить командные и наблюдательные пункты на ближних подступах к столице. Днями и ночами мы рыли окопы, противотанковые рвы. За красивыми словами "эскарп" и "контрэскарп" скрывались кровавые мозоли на руках солдат, москвичей, мобилизованных на строительство укреплений. В считанные дни Москва ощерилась противотанковыми ежами.

Помню, мне с отделением пришлось соорудить командный пункт возле парка Кусково. Судя по большим размерам и многослойной толщине перекрытий предназначался он для высокого начальства. Нас очень торопили с окончанием работ, прислали в помощь до роты бойцов-узбеков, которых окрестили почему-то "бравья-славяне". Те жались друг к другу, мерзли с неприличиями, но за работу не брались. Проверить, как идет сооружение КП, приехал генерал. Работы на объекте было еще недели на две. Генерал обошел все кругом, вызвал меня и командира бойцов-узбеков и дал два дня сроку на завершение строительства. Пригрозил, что, если не закончим работу, расстреляет. В то время такими словами не шутили.

Трудились, выбиваясь из сил, малопомалу разработались и "бравья-славяне".

И — чудо! — к исходу вторых суток командный пункт был готов. Генералу ничего не оставалось, как поблагодарить солдат за непосильный труд.

Отдыхать не пришлось, из Кусково сразу на следующий объект.

И вдруг в разгар работы нас возвратили в казармы. Начали строить по ранжиру, заставляли отрабатывать строевой шаг. И все это под уже слышную артиллерийскую канонаду. Строевой подготовкой занимались все первые дни ноября. Приводили в порядок обмундирование. "Уж не парад ли будет?" — предположил кто-то из красноармейцев. Но о предстоящем параде на Красной площади нам объявили лишь вечером шестого ноября.

Рано утром, около шести часов, затемно пришли на Красную площадь. В небе — аэростаты воздушного заграждения. Морозно. Пошел снег, вначале мелкий, затем повалил крупными хлопьями. Батальон кремлевских курсантов, военно-политическое училище МВО, два полка нашей дивизии, стрелковый и кавалерийский, другие части замерли в парадном строю. Стояли по-походному, с оружием и боекомплектом. Занесенные снегом бойцы были похожи на сказочных богатырей. Командовал парадом командующий Московским военным округом генерал-лейтенант Павел Артемьев. Долгое время до войны он прослужил в дивизии Дзержинского, был ее командиром. Дирижировал сводным духовым оркестром военный дирижер дивизии военинтендант 1 ранга Василий Агапкин. С речью к участникам парада обратился Верховный Главнокомандующий.

Мы вслушивались в каждое слово: "На вас смотрит весь мир, как на силу, способную остановить грабительские полчища немецких захватчиков... Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ ваших великих предков..."

Это был необычный парад — парад подъема народного и воинского духа, уверенности в победе. Это был парад-легенда. Я счастлив, что стал его участником.

Войска уходили с Красной площади прямо на передовую, а нам, саперам, снова пришлось взяться за лопаты. 15 ноября фашистское наступление на Москву после краткой паузы возобновилось с новой силой. Но уже пятого декабря защитники столицы перешли в решающее контрнаступление. Гитлеровцы покатались назад. По радио в сводках Совинформбюро зазвучали названия освобожденных городов и сел. В том числе с боем был освобожден город Солнечногорск.

Сюда мы прибыли вслед за наступающими войсками. От станции Подсолнечная строем шли к месту выполнения задач. Предстояло восстановить разрушенные мосты и дороги, проложить колонные пути для продвижения войск. Шли и видели подбитые танки и автомобили, еще не подобранные тела погибших бойцов.

Расположились в одной из деревень.

г. Москва. Парад 7 ноября. 1941 г.

Наладили оборону (немало помороженных, замотанных во всякое тряпье фрицев бродило по округе). И, как оказалось, не зря. В один из первых же дней рано утром выставленные наблюдатели донесли, что к деревне движется до взвода немецких солдат. Мы, поднятые по тревоге, заняли окопы. Выбравшиеся из окружения гитлеровцы были настроены по-боевому. Началась перестрелка. Плотным огнем фашистов удалось рассеять и загнать назад в лес.

Сразу же приступили к ремонту мостов. Некоторые из них приходилось строить заново, работая в ледяной воде. И все же двадцати-семидесятиметровые мосты мы соорудили за считанные дни. Руками наших саперов был введен в строй и девяностошестиметровый солнечногорский мост.

Как командир отделения я работал со всеми наравне, старался братья за самое опасное дело, не щадить себя. И вновь оказался на госпитальной койке. Воспаление легких. Тогда мне казалось, что все кончено. Но молодость и искусство врачей сделали свое дело. Через полтора месяца я снова встал в строй.

Прошло ровно 55 лет со времени Московской битвы, в которой мы, воины-дзержинцы, принимали посильное участие.

Служба в дивизии, во внутренних войсках, годы войны определили всю нашу жизнь. Я постарался проследить судьбу восьми призывников, в числе которых

прибыл в сороковом году в дивизию Дзержинского. Трое из нас: Н.Ижов, Д.Лебедев и автор этих строк пошли армейской дорогой. А.Кольцов уволился из армии после войны в звании старшего лейтенанта и стал крупным организатором производства — директором Гаврилов-Ямского льнокомбината. Наши товарищи Вихорев и Тихомиров как специалисты подрывного дела были направлены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) и погибли в начале войны при проведении боевых операций. Судьбу еще двоих проследить не удалось. Остался в строю мой первый командир — Иван Галютин, дослужился до генерал-майора, связь с ним я поддерживал долгие годы.

Битва за столицу развеяла миф о непобедимости фашистской армии, явилась предшественницей других побед Отечественной войны. Сегодня все чаще вспоминаешь те давние, но незабываемые дни нашей первой победы — предвестницы великой Победы 1945 года.

На моей груди, как и у многих защитников столицы, рядом с другими наградами расположены две медали — "За оборону Москвы" и "В память 800-летия Москвы". Они для меня очень дороги, напоминают о тревожных днях, полных тяжелейшего ратного труда и смертельной опасности.

**Полковник в отставке В.ЖУРАВЛЕВ,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации.**

Евгений Гусев

Евгений Павлович ГУСЕВ родился в 1948 году в деревне Перекладово под Ярославлем. После окончания педагогического института служил в армии, преподавал в школе, профтехучилище, вот уже два десятилетия трудится в органах МВД, майор внутренней службы. В 1990 году увидела свет его первая поэтическая книга "Причастность", а затем в различных издательствах Москвы и Ярославля вышли книги его стихов и юмористических рассказов "Русский Декамерон", "Готовьтесь на уху!", "Имя твое — любовь", "Утоли моя печали", "Такая работа". Член Союза писателей России. Живет в Ярославле.

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА

* * *

Откройся, Россия, скажи мне:
Гордясь многотрудной судьбой,
В каком еще надо режиме
Нам жить, чтобы выжить с тобой?

Над жертвами бранной потехи
Куражится дух сатаны,
Втыкая кровавые вехи
В распятое тело страны.

А времени нет помолиться,
Обряд христианский блюда.
Куда указывает десница
Почившего в бозе вождя?

Мыслитель с прищуренным оком,
О чем он мечтает, о ком?
Пошло у нас все как-то боком,
Пошло как-то все кувирком.

Поставив печать на бумагу,
Решили, что совесть чиста,
Святыни отдали ГУЛАГУ,
Взорвав храм Иисуса Христа.

Деревней иду до погоста,
Вокруг запустенье и тлен.
О, как это будет непросто —
Опять подниматься с колен!

Но встанешь ты, верю я в это,
Гордясь многотрудной судьбой.
А если нужны Пересветы,
То вот они, рядом с тобой.

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

У полковника в отставке
Пенсион в один "лимон",
Дог в прихожей, кот на лавке
И японский телефон.

Иван КОЗЛОВ

УХОДЯ УХОДИ

Повесть

1

А хотите, на спор, я отловлю черную кошку в темной комнате? Миллион на кон, как? Я так и думал, что вам слабо! Хотя, если разобраться, что такое миллион сегодня? Бутылка пять-шесть приличного питья. Я, правда, даже не скажу вот так сразу, навскидку, как оно называется, приличное. Нечто черное и янтарное в фигурных бутылках. Я его даже на вкус никогда не пробовал, потому не берусь сравнивать ни с «кристалловской» водкой, ни с «Белым аистом». Эту дорожку пьют, наверное, не под огурец и не под селедку, но обязательно со льдом, и обязательно напялив на себя смокинг и галстук. Галстук у меня есть...

Спрашивается, чего это я губы раскатал, а? Что, я этот «лимон» выиграл уже, что ли? Да если бы кто со мной и заспорил, то я запросто мог прогореть. Как ее, кошку, поймаешь? На шорох стрелять? Так в задаче же — отловить, а не шлепнуть.

Нет, действительно, пролетел бы.

Это я так, духарюсь, хвост пистолетом держу. Сижу в том, что сам, и то лишь по своей оптимистической натуре, назвал офисом, и жду, когда древняя старушенция из избитых рассказней про частный сыск приоткроет дверь и скажет: «Милый, найди мою кошечку...» И что вы думаете? Схвачусь и побегу, поскольку желание клиента для меня отныне — закон и поскольку эта самая старушенция в случае моего успеха сделает мне рекламу среди своих друзей и кто-то из них захочет вдруг разыскать любовника, исчезнувшего при пожаре Москвы во времена Наполеона.

Дверь никто не приоткрывает.

Я встаю из-за стола, подхожу к окну. Ну что интересного можно увидеть за стеклом в середине ноября? Туман на крышах дальних высоток, ошметки снега на земле, дрожащие от ветра и дождя лужи. Такое вот безобразие. Смотрю на часы. Три. Делаю вывод: Михайлов — свинтус. Нет, звонить он, конечно, не обещал, но мог бы снять трубочку и набрать

номерок. Как-никак вместе водку пили. Да и здесь я торчу не без его подачи.

Ага, услышал.

— Привет, — говорит Мишка. — Я тебя от дел не отрываю?

Я стараюсь придать голосу недвольный тон:

— Да как сказать... С утра без передыху тружусь. Клиент за клиентом.

— Ну извини, старик, не знал. Я тебе попозже перезвоню.

— Ну что ты, — постыдно-поспешно зачистил я. — Поболтаем, хоть отдохну немного.

Михайлов все понял, заржал. Я попытался заверить его, что он напрасно это делает, что у меня действительно куча проблем.

— Выкладывай первую.

— Как отловить черную кошку в темной комнате?

— Элементарно, старик. Зажги свет.

— А если там электричества нет?

— Ты сыщик или кто? — удивился Михайлов. — Вытаскивай из кармана спички, фонарик, сигнальную ракету...

Мы начинаем трепаться. О паскудной осени, о видах на зимнюю рыбалку, о ценах на бензин. Дело вовсе не в том, что нам не о чем говорить. Просто мы оба знаем, что такое телефон, особенно в той конторе, где сидит мой друг. Но мне хочется послушать голос Михайлова. И потом, иногда мы понимаем больше, чем значат сами слова.

— Саня, — говорит Михайлов. — Я тебе завидую. Ты балду гоняешь и

можешь завтра поехать на рынок и взять десяток мормышек. Бери вольфрамовые, чисто белые, крючок тройка. Это то, что надо на подлещика.

С памятью у Миши полный порядок. Всего неделю назад я хвалился ему, что купил именно таких мормышек. И как раз десять штук, по пять каждому из нас.

— Я тебе перезвоню часа в два, узнаю, как съездил, договорились?

Договорились, а как же. Завтра в два часа мне надо быть здесь. Ровно в два. Это вовсе не значит, что мне позвонит Михайлов. Может, я кому другому понадоблюсь.

— Миша, — говорю, — мормышки я возьму, а тебе даю информацию для размышления. У меня двадцатого пенсия, первый раз получаю. Вроде бы событие, ты как считаешь?

Говорю это без всякого подтекста. И Михайлов так же откровенно отвечает, что он не прочь вмазать, что грешным делом думал, будто я попробую отвертеться от столь знаменательного события, и что он, конечно же, будет как штык и с удальством промочит горло.

* * *

Я понадобился другому. В два часа порог моего офиса переступил первый посетитель. Недоверчиво оглядел дикой расцветки обои — напрасно я их не переклеил, ведь собирался же, — не совсем, мягко скажем, чистый линолеум на полу, потом так же подозрительно приценился ко мне. Я соврал, что ожидается ре-

Урожайным на книги выдался минувший год в творческой судьбе нашего давнего автора подполковника запаса Ивана Трофимовича КОЗЛОВА. В нескольких столичных издательствах увидели свет сборники его остросюжетных повестей "Забудь о чести", "Хвост ящерицы", "Спаси и сохрани". Не менее удачным обещает быть и нынешний. Писатель остается верен детективному жанру, отражая наше непростое время.

монт, и попросил прощения. И за вранье, и за внешний вид офиса. Мужчина кивнул, удовлетворившись объяснением, и без приглашения присел к столу.

На вид ему было лет пятьдесят, хотя он хотел выглядеть моложе. Крашенные волосы, яркий галстук, полусапожки с металлическими бляшками.

— Я слышан о вас. — Губы вздрагивают с претензией на поощрительную улыбку. Мне, естественно, надо быть невозмутимым. Я, естественно, привык к комплиментам такого рода, и потому лишь признательно киваю головой. Господи, как тяжело дается эта естественность! Ведь хохотать хочется. Выслушал бы сей господин не Михайлова, а кого-нибудь другого, он бы даже к дому этому не подошел. — Вы ведь Беляев, да?

Я развожу руками: простите, мол, но меня действительно угораздило быть Беляевым.

— Я прошу вас вести мое дело самому, не перепоручать его никому.

Ну Мишенька, ну уважил! Выходит, я тут штат имею. Что, интересно, ты еще наговорил этому молодящемуся субъекту?

— Дело мое, знаете ли, деликатного свойства, необычное, и полковник Михайлов — мы с ним в одном доме живем, вот я и обратился к нему... Так вот, полковник Михайлов сказал, что, кроме вас, не знает никого, кто бы... мог мне помочь.

Интересно, что надо вначале делать: торговаться или узнавать, с чем пожаловал в контору частного сыска клиент? Вероятно, я раздумывал над данной дилеммой дольше, чем надо, молчание затянулось до неприличия, и крашенный гражданин в юношеских штиблетах решил все за меня. Он вытащил из внутреннего кармана пиджака толстый кошелек и положил его передо мной:

— Вашу ставку я знаю, мне полковник Михайлов говорил. Вот три миллиона. Если понадобятся деньги для дела, вы составляете смету расходов, и я все оплачиваю.

У меня запершило в горле, я потянулся к минералке, единственному украшению моего стола, и услышал совершенно неожиданное для меня:

— Кофе, пожалуйста.

Нет, вы не подумайте, что я не умею врать. Вы просто представьте себя на моем месте. Как в такой ситуации удержать марку фирмы, не ударить в грязь лицом, а?

— Я сегодня отпустил свою девочку, она варит отличный кофе...

— Давайте какой есть, хоть растворимый.

— Тогда я вас покину на минутку.

Вы уже представили себя в моей шкуре? Все нормально? С ответом не спешите, не забудьте, что мой гость — сосед Миши Михайлова, и если не сегодня, то в ближайшие дни он столкнется с ним нос к носу и выкнет нечто в смысле "скажи, кто твой друг..." Это если я сейчас поступлю так, как мне хочется. А мне хочется спросить: "Кофе тебе, дорогуша? А может, еще танец живота исполнить?"

Я его о танце не спрашиваю. Я выхожу на лестничную площадку. Кроме моей там еще две двери. Звоню в обе. Кто может в разгар рабочего дня сидеть дома? Школьники, пенсионеры. Какую установку получают они от более самостоятельных домочадцев? Держать крепость на замке. Инструкцию сию они, судя по всему, блюдут.

Гудит лифт, останавливается, кажется, этажом выше. Я прыгаю через ступеньки на пятый этаж. У двери квартиры, которая прямо над моим офисом, женщина возится с замком.

— Простите, — говорю я, и она недоуменно вскидывает на меня глаза. Так себе глаза, серенькие, под цвет всего личика и легкого пальто. Женщины такого типа иногда могут нас выручить. — Простите, мне нужно две чашечки кофе. Я ваш сосед снизу.

Мне почему-то кажется, что я достаточно полно объяснил сложившуюся ситуацию. Если эта серенькая пташка не позвонит сейчас в психиатричку, у меня будет шанс побаловать клиента и не запачкать честь мундира.

— Может, вам и коньяку еще подать? — устало спрашивает женщина. Не сердито, а именно устало. Я вздыхаю и обреченно спускаюсь к себе.

Мой клиент уже успел разложить на столе фотографии. О кофе, слава Богу, не спрашивает, мне хочется, чтоб он вообще о нем забыл. Но для чего-то он уже открывает рот...

— Красивая женщина, — киваю я, склонившись над фотографиями.

— Анна, моя жена.

Анна тоже не девочка, ей лет тридцать пять, если фотографии сделаны в этом году. Я не покривил душой: хороша. Короткая стрижка, уверенные темные глаза, нижняя губа чуть выпячена — признак независимости. Снимки не любительские, выполнил их профессионал.

Я складываю их в стопку и переворачиваю глянец вниз. По давней своей привычке ничего не спрашиваю, лишь вопросительно гляжу на гостя.

— Мы с ней живем шесть лет, это у нас вторые браки...

— Давайте сначала познакомимся, — говорю я. — Моя фамилия, как вы уже знаете, Беляев, имя-отчество — Александр Андреевич. Мне сорок пять лет. Холост. Ну, чем занимаюсь — вы знаете.

Мой гость тоже не растекается мыслью по древу, говорит кратко и понятно. Тарба Зиновий Тарасович, пятьдесят два года. Коммерсант. Торговля мебелью. От первого брака — сын, живет в Ростове-на-Дону, инженер. Анна — редактор в одном из издательств.

— Я ради нее бросил семью, понимаете? Но не жалею, мы, мне кажется, счастливы.

— Счастливые ко мне редко ходят, Зиновий Тарасович.

Он тяжело вздохнул, тоскливо, как мне показалось, оглядел голый стол. Вспомнил-таки о кофе! Как же дипломатичней намекнуть ему, что минералка гораздо полезней и вкусней всяких импортных, пусть даже горячих напитков?..

Звонок в дверь. Есть маленькая отсрочка. Может, Михайлов на выручку прибежал? На пороге стоит женщина с подносом в руках. На подносе две чашки кофе, две рюмки с коньяком и плитка шоколада. Я неуклюже сторонюсь и так же неуклюже делаю рукой жест: прошу, мол. Женщина врыва-

ет в комнату, ставит на стол поднос, здоровается с Тарбой лишь кивком головы и тут же выходит.

Вообще-то надо бы выскочить вслед за ней, уж если не ручку поцеловать, то хотя бы поблагодарить, но я вместо этого опускаюсь на стул и вдыхаю смешанный аромат кофе и коньяка.

— Может, и она с нами?.. — У моего гостя замасливаются глаза, я тут же угадываю одну из его человеческих слабостей и говорю небрежно:

— Нет, я с персоналом строг. Угосщайтесь. К сожалению, и кофе, и коньяк не лучших сортов...

Он красиво пьет коньяк, именно красиво, так только в ненаших фильмах пьют, делает, наверное, всего полглотка и смотрит рюмку на свет:

— О, вы знаете толк в напитках. Спасибо. И кофе... Прекрасный кофе.

— Да уж, — роняю я, стараясь не покраснеть от стыда. Ужасно неудобно, оказывается, чувствовать себя щедрым за чужой счет. — Итак, как я понял, у вас проблемы с женой.

Тарба, уже не смакуя, одним глотком допил коньяк, рюмку не поставил, поднял ее на уровень глаз, разглядывая стекло.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Понимаете, есть подозрение, что... Доброжелатели мне, так сказать, нашептывают... Анна контактная женщина, у нее много друзей, авторы книг, которые она редактирует, часто приглашают на презентации... — Он наконец перевел взгляд на меня. — Вы понимаете, куда я клоню? Я прошу вас или подтвердить мои сомнения, или доказать, что на Анну клеветают. Вот и все. Но в том или другом вы должны меня убедить, я не знаю, как вы это сделаете, но...

Замри, восставший дух!.. А ты что, сыскарь, думал, что тебе поручат американских шпионов ловить? Занимайся выявлением блудливых жен и не возникай, понял? Или закрывай к черту свою контору и иди на рынок торговать милицейскими рубашками — их, неношенных, с десятков дома лежат...

Так я смирился с первым своим за-

данием и, выпроводив Зиновия Тарасовича, опять разложил на столе пасьянс из четырех дам — все одной масти, одного цвета глаз, с одной уверенной улыбкой.

Итак, с чего начинать. Правильно, с рюмок и чашек. Все вымыть, вытереть и возратить хозяйке с заверениями, что в долгу, конечно, не останусь и что, если она когда-нибудь меня затопит, я не скажу ей ни слова...

Подготовленная речь осталась при мне. Серая женщина молча приняла поднос с посудой и закрыла дверь.

* * *

Часто бывает такое: на фотографии один человек, а по жизни — ничего похожего.

Анна Тарба и в жизни была красавицей. На снимках я не мог разглядеть бюст и ножки, зато в фойе театра, когда женщина скинула с плеч шубку, один пенсионер даже прищелкнул языком. Я прищелкнул, я, вы не ошиблись. Эффектнейшая спутница сопровождала достойного ее по всем классическим параметрам мужчину. У него было холеное умное лицо, у Юрия Павловича Прокофьева, сорокалетнего поэта, чьих книг я никогда, честно признаться, не читал и даже не видел. Если брать не творческую сторону, а житейскую, то тут пару слов о Прокофьеве я сказать могу. Женат он был дважды, от первого брака есть ребенок, дочка. В настоящее время узами ни с кем не связан, имеет двухкомнатную квартиру. Гонорары получает редко, да и копеечные они, гонорары. Но Прокофьев — мужик без комплексов, не нытик, ночами он подрабатывает грузчиком, так что на театр и на цветы для дамы сердца ему хватает...

Откуда я все это знаю? Не задавайте мне больше таких вопросов, ладно? Я все-таки, считаю, был неплохим профессионалом, и потом у меня остались хорошие друзья. Без них гораздо сложнее было бы стать частником, выбить вот этот офис...

Вернемся в театр. Тарба и Прокофьев стоят у буфетной стойки, бе-

рут шампанское. Взяли. Он разворачивает конфетку, она тянется губами, надкусывает ее. Улыбается, что-то говорит. Поэт убирает локон с ее щеки, редакторша губами касается его пальцев.

Сволочное занятие нашел я себе. Дело не в том, что на влюбленных глазаю. Дело в том — зачем.

Третий звонок. Юрий Павлович кладет Анне руку на талию, ведет ее в партер. Мое место — сзади, но я буду смотреть на сцену, а не на них. На сцене — история из отечественного царствования. Князя, бояре в шапках и кафтанах, юродивые в тряпье. Покой царя. Одна борода говорит другой: "Это когда-то князь воевал, а теперь он постарел, теперь он только шпионить и может". Мне хочется сплунуть под ноги, но нельзя: все же театр. Мне кажется, на меня косятся, понимают, о ком идет речь на сцене. "И все царю доносит, что меж нас проистекает?" — "Ну он умеет говорить. Себе на пользу, но и нам пока не во вред".

Я облегченно вздыхаю. Правильно утверждают: читай больше классики, набирайся ума. Кто тут на меня, интересно, косится? Напрасно вы так...

После окончания спектакля я неспешно гуляю по Москве. Сначала еду в троллейбусе, потом иду пешком по разбитому тротуарчику. Прелестьнейшая погода: минус пять и снег. Он не скрипит, а ахает под ногами. Это то, что я люблю. Так бы шел и шел. Но мне надо зайти вот в этот двор. Стать возле третьего подъезда и поднять лицо. Ну да, чтоб снежинки опускались на щеки, таяли и сползали каплями за шиворот. Это так романтично! Кроме того, видны окна девятого этажа. На этот этаж сейчас поднимается лифт. Ага, уже поднялся, поскольку тускло осветилось одно окно. Видно, зажегся свет в коридоре. Теперь стекла осветил оранжевый абажур торшера в спальне. Погас, но затлел ночник. Правильно, сильный свет раздражает глаза, а кофе или коньяк хорошо пить в полутьме. Делать это надо под тихую музыку, не спеша...

Впрочем, как же — не спеша? Муж дома, Зиновий Тарасович. Небось

сидит у телевизора, смотрит на часы и ждет жену с презентации или редсовета. Анна не девочка и уже должна понимать, что редсовет не затягивается до полуночи.

Так, опять торшер загорелся. Сорок минут на все дела. Тарбе отсюда ехать домой далековато. Троллейбусом до метро, потом на метро с полчаса. Правда, там уже рядышком. Интересно, куда ее проводит поэт Прокофьев? Идут к трассе. Ну, это понятно. А вот вместе ли сядут в автобус?

Юрий Павлович останавливает такси. Джентльмен. Что-то объясняет водителю, распахивает дверцу для Анны, деньги ей дает. Та, кажется, протестует, но он уже закрывает дверцу...

Все. А я на такси не хочу. Я пешком пройду. Ни ветерка. Валит снег. Воздух почему-то пахнет мятой. Думается о хорошем: вот приду домой и выпью рюмку водки. Початой бутылки нет, но Михайлову завтра можно выставить и начатую. Мы не баре, и лаптем хлебали.

* * *

Мы пьем водку в моей каморке. Я, как мог, сварганил винегрет и пожарил куриные окорочка с луком. Кроме этого есть селедка, квашеная капуста, отварная картошка, колбаса и торт. Торт припер Михайлов.

— На кой хрен? — спросил я.

— По старой памяти...

Раньше, когда он приходил ко мне как к семейному человеку, то всегда приносил торт. Жена и дочь Оля могли разделаться с коробкой за один присест — обожали сладкое. Притом они вовсе не толстушки.

С Ларисой последние годы мы жили... Даже не знаю, как сказать. В принципе нормально жили. Говорить только нам не о чем было. Она даже не знала, какую должность я занимал. Когда началась заварушка в Северной Осетии, я уехал туда в оперативно-следственную группу. Думал, месяц там пробуду, оказалось, почти три. И все равно возвращался без

радости, будто чувствовал что-то. Поезд утром пришел. Ну, заявился домой, за стол сели, по рюмке выпили. Все чистоенько, хорошо, уютно. Она говорит: "Понимаешь, Саша, мы уже не дети, так что не будем лукавить. При такой нашей жизни сердцем чувствую, у тебя кто-то есть, и вот теперь у меня появился. Поверь, я тебе не изменяла, не спала с ним, но..."

Вот таким цивилизованным путем все и произошло. Квартиру разменяли быстро, у нас неплохая планировка была. Разъехались. Не знаю, как жене, а мне легче стало. Почему — словами не объяснишь. Наверное, действительно потому, что лукавить теперь не надо.

— Знаешь, Саня, она мне недавно звонила, стретъей звездочкой поздравляла. И откуда узнала, что я полковника получил? Так вот, мы с ней полчаса поговорили. Жалеет, что так у вас произошло, очень жалеет. Просила намекнуть тебе...

— Ну а ты?

— А я намекаю.

— Н-наливай!.. Нет, Мишенька, нет, дорогой! Нам обоим это не нужно. С Олей у меня очень хорошие отношения, она сюда прибегает каждую неделю. А с Ларисой — все!

— Она ведь так и не сошлась с тем... Помнишь, когда я узнал, что у вас такое, я хотел ему рожу начистить? Жаль, ты отговорил.

— Не жалея. Лучше расскажи, как у нас там дела?

Михайлов лишь махнул рукой:

— А, давай не будем. Ты вот что, ты, если на ноги встанешь и будешь команду набирать, имей в виду меня. Пойду хоть уборщиком.

— Пока я встану... Да, Миш, мне одна игрушка нужна. Пусть даже без начинки, лишь бы футляр цел был. Идея в голову пришла.

— Ладно, ты проводи меня и по дороге все объяснишь.

Была опять мятная снежная ночь. Мы вышли к автобусной остановке, и я почему-то запрыгнул в салон вместе с Мишей. Мы не сразу сообразили, что мне куда ехать не надо, и на половине пути зачем-то вышли вдвоем.

— Послушай, — спросил Михайлов, — а что ты в руке тащишь?

— Как что? — удивился я. — Торт, естественно.

Мы посмотрели друг на друга и захохотали. От езды и прогулки по улице хмель немного прошел, стоять на остановке в ожидании автобуса было холодно.

— Оделись, как фраеры, — подпрыгивая, сказал Михайлов. — А мороз крепчает.

Я огляделся, соображая, куда мы заехали. Сообразил.

— Слушай, тут же мой офис рядом. Пойдем кофе поставим, торт попробуем. У меня там теперь электрочайник, и заварка, и закуска, и бутылки.

— Ты становишься профессионалом.

— У меня там даже женщина есть! Соседка. Она меня как-то выручила. Теперь есть повод вернуть долг. Кофе, ликер...

— Тебе надо в контору и диван поставить. Раз такое дело — диван нужен.

— Будет сделано! Но это на будущее. Соседка — только для кофе, не больше. Не мой вкус. Серенькая, тихая птишка.

Она открыла дверь, даже не спросив, кто это звонит в десять вечера. Выслушала наше коллективное приглашение и сказала, обращаясь только ко мне:

— Вот когда вы придете трезвым, я с удовольствием попою с вами кофе. Спокойной ночи.

Мы утерлись и побитыми псами спустились на этаж ниже, в мой офис.

— Вот видишь, Миша, она даже для кофе не годится, — сказал я, включая чайник.

— У тебя, старик, вкус испортился, или ты мне лапшу на уши вешаешь. Она очень даже ничего.

— Это ты так после водки говоришь...

* * *

Первый муж Анны Тарбы, точнее, тогда она была, конечно, не Тарба, а Савченко, погиб в автокатастрофе. Вдвойне трагично, что вместе с ним в салоне "Москвича" был и их ребенок,

четырёхлетний мальчик. Анна потеряла и его.

Через три года встретила Зиновия Тарасовича, серьезного, рассудительного человека, выступившего спонсором одного начинающего пятидесятилетнего поэта. Анна прочла эти стихи, и ей стало жалко Тарбу. Она нашла возможность с ним встретиться. "Понимаете, это макулатура, зачем вы вкладываете в нее деньги?" Поэт оказался дальним родственником жены и краснобаем: забросал Зиновия Тарасовича хвалебными одами на свое творение, показывал отзывы классиков... "Меня все обманывают", — пожаловался Тарба Анне.

Вот так они и познакомились. Чуть позже Анна поняла, что не только Зиновия Тарасовича обманывали, но и он это делал по отношению к ней. Но это выявилось уже позже, когда они расписались. Не то чтоб бабником был Тарба, но отказать себе потратить на смазливую девчонку пару миллионов не мог. И девочки эти вились вокруг него как мухи.

У Юрия Павловича Прокофьева личная жизнь складывалась несколько иначе. Первая жена, с которой они расписались еще в студенческие годы, тоже была поэтессой. Два литератора на семью — это много. Вторая жена была женщиной сугубо практичной, при социализме работала экономистом, потом с головой бросилась в предпринимательство, попыталась и мужа в это дело втянуть, но поскольку он был иных убеждений, она нашла человека, родственного по духу.

Всю эту информацию я узнал прежде, чем ехать на встречу с Анной и Юрием Павловичем. Я позвонил им вечером, когда наверняка они мне поведали, что они находятся в квартире Прокофьева. Ребята, сказал я, не задавайте сейчас лишних вопросов, просто уясните сразу, что я не шантажист и ничего, кроме чая, мне от вас не надо. Не знаю, насколько они мне поверили, но все же после короткого совещания Прокофьев не слишком радостно объявил мне, что я могу подъехать хоть сейчас, начал объяснять, как добраться, и я только из вежливости выслушал его. Ну не говорить

же, что я даже знаю, какого цвета абажур в его спальне.

Встретили меня без цветов и музыки, но я на фанфары и не рассчитывал. Я как мог коротко обрисовал им ситуацию. Если до Тарбы дошли, как он говорил, какие-то слухи, то о существовании Прокофьева он наверняка знает. Потому дальше есть два пути. Или Анна уходит от Зиновия Тарасовича...

— Как вам этот вариант, Анна?

Женщина ответила не сразу.

— Юра мне предлагал перебраться к нему, но все не так просто. Мы уже не дети, уже ошибались, и ошибки эти не хочется повторять, понимаете? Мы ведь знаем друг друга не так давно.

Я посмотрел на Прокофьева. Тот кивнул, словно соглашаясь со словами Анны, и высказал свое мнение:

— У меня нет постоянных заработков и дочь на выданье. Я понимаю: скверно, когда мужик говорит о деньгах, но сейчас такая жизнь... На сегодняшний день я просто не обеспечу Аню материально. Завтра, может, все изменится, но сейчас...

— Что изменится? — спросил я. — Начнут издавать стихи и хорошо за них платить?

— Нет, — он улыбнулся. — К сожалению, я слишком поздно понял, что литература не кормит и даже не поит. Меня пригласили в одну фирму, отремонтировать квартиры, создавать там, так сказать, европейский дизайн. Я просто уверен, что у меня это получится. Но нужно время. И Аня права: из любовников не всегда получается семья. Так что, по большому счету, нас, конечно же, устраивает положение, сложившееся на сегодняшний день.

Мы все некоторое время помолчали. Потом заговорила Анна:

— Мы слишком меркантильны и расчетливы, да?

Прокофьев накрыл своей широкой ладонью ее пальчики:

— Аня, товарищ нам все изложил честно, и у нас нет просто выбора... Ни выбора, ни времени...

— Товарищ говорил вам о двух путях, — не согласился я. — Обсудили пока один, не лучший. Второй, при-

знаюсь, тоже не фонтан, но если дело действительно упирается лишь во время, то отсрочку вам он может дать. — Я вытащил из своего чемоданчика магнитофон. — Вы литераторы, так что сами слова придумывайте. А суть их вот в чем должна состоять...

Они наговорили мне на пленку то, что я и хотел, потом мы еще немного побеседовали и расстались довольные друг другом. Они неплохая пара. Я ожидал, конечно, большей восторженности и влюбленности, меньшей рассудочности... Ну да Бог им судья.

* * *

С серой птичкой мы столкнулись возле лифта. В руках у нее вновь была хозяйственная сумка.

— К вам парень какой-то приходил. — Она помолчала, потом добавила: — Неопрятный. Лет двадцать пять.

Я пожал плечами. Среди знакомых неопрятных двадцатипятилетних не припомнил.

— А вы, случайно, не брачное бюро возглавляете? — спросила соседка.

Я подумал и неопределенно дернул головой:

— Почти. Но с чего вы взяли?

— Контора бедная, значит, не куплей-продажей занимаетесь. А с мужчиной, когда я кофе приносила, вы снимки женщины рассматривали. И потом, кофе просили, а не бутылку.

— А какая женщина на снимках была, помните? — задал я вопрос. Задал потому, что мне интересны люди, умеющие наблюдать.

Лифт остановился на моем этаже. Но я не спешил выходить, ожидая ответа.

— Это так важно? Пожалуйста! Значит, так... Короткая стрижка, темные глаза, лицо немного полноватое, а губы для такого типа лица тонкие... Но вообще ничего.

Вообще, значит, ничего, но укусьте надо. О, эти женщины, как же они любят разглядывать морщины на лицах соперниц!

Пора выходить из лифта, неловко столько времени держать кабинку.

— Вообще-то я сегодня трезв, а ко

мне трезвому вы обещали зайти. Кофе у меня появился.

Она заколебалась было, но тут в открытую дверь лифта заглянул неопрятный двадцатипятилетний — ну совершенно точная характеристика! Того, о ком говорила соседка, я узнал сразу и понял, что кофе пить придется с ним.

— Беляев? — спросил он голосом участкового, нагрянувшего к хулигану.

Соседка улыбнулась и поехала наверх, а я зашагал к своей двери, спросил на ходу:

— Что у вас за вопрос?

Двадцатипятилетний, видно, не расслышал, что я с ним на вы, и забубнил:

— Я тебе звонил три часа подряд, думал, специально трубку не поднимаешь, некогда тебе, думал. Потому приехал, а раз уж приехал, то решил дождаться.

— А зачем?

— Надо. — Он по-свойски прошел следом за мной в комнату, закрутил головой. — Пусто у тебя как-то. Хило.

— Ремонт собрался делать, вот все и вывез временно. Могу принять только на кухне. Вы по какому делу пришли-то?

На парне хорошие импортные полусапожки, но грязь на них сохранилась, наверное, с прошлой весны. И пальто неплохое, драповое, но я уже не уверен, снимает ли он его на ночь — мятое, в перьях. Кожаная, клиньями, кепка с отметками птичьего помета. Трехсуточная щетина на щеках. Странноватый гость. Я вздыхаю и вслед за парнем сажусь за пустой кухонный стол. Теперь я на нем даже минералку не держу, чтоб не вызывать никаких ассоциаций у клиентов.

— Я Беляев, Александр Андреевич, — представляюсь и жду ответного хода от человека, спящего в пальто.

Тот намека не понял:

— Если ремонт, то линолеум с пола сорви, я тебе кафель привезу. Нормальный видок будет. Белый пол, темные стены. У брата так было. Классно. Убили у меня брата, слышь?

Он закурил, естественно, не спросив на это разрешения, и продолжил:

— Убили. Ты, говорят, классно след берешь?

Я уклончиво ответил, что с такими делами лучше обращаться в милицию, что у меня, как частного детектива, несколько иные задачи, что мое дело — пропавших кошечек для старух искать, но гость при этом кисло поморщился:

— Слышь, не надо. Ментура ничего не сделает. Там говорят, Валюха сам себе пулю в лоб пустил. Тюльку гонят. Брат не был шизофреником, ясно тебе? И в девок он бы не стрелял. А менты говорят: сначала их вздумал порешить, потом перепугался — и сам себя.

— Теперь давайте с самого начала и внятно, — попросил я.

— Понял, шеф, понял...

Брата посетителя звали Валентин Плахетин, было ему тридцать лет. Жена его — Нинка, кроме жены еще пару баб было, одна — шикарная, Надя. Нинкина подруга, между прочим.

Слова Жоры Плахетина — а гостя моего зовут Жора — укладываются кирпичиками в мозг со всеми приставками и оборотами. Ничего не фильтруется. Это у меня профессиональное: умею слушать.

Нинка рассказала ментам и ему, Жоре, как все было. Она у Нади в гостях сидела, из парикмахерской к ней забежала. То да се, шампанское, шоколад, кофе, журнал мод... Женские дела, в общем. И тут Валентин заходит. Чуть поддатый — он вообще мало пил. Девки ему налили, разговоры разные веселые пошли. Ну до того веселье, что Плахетин-старший вытащил пушку из кармана и говорит: надоели, мол, вы мне, бабы. И выпустил по ним две пули. Наде в голову попал, она сразу умерла, а Нинка дернулась, и он ей левое плечо обжег, рана пустяковая, но Нинка заорала, сознание потеряла. А Валентин встал и спокойноенько пошел домой. Нинка очнулась, позвонила врачам, ментам. Менты поехали Плахетина на дому вязать, а он лежит в постели с развороченным виском, пистолет в руке.

— У него было оружие? — спросил я.

Жора хмыкнул:

— Ну и что? Не в этом дело, слышь? Нинку — ясно, Нинку и я бы шлепнул, но на Надю у. Вали никогда бы рука не поднялась... Да нет, и жену он бы не убивал. Нечисто тут, шеф. Ты разберись.

Я посмотрел на часы: через двадцать минут ко мне должен заехать Зиновий Тарасович Тарба, мы условились с ним немного по городу прокатиться. Ну и заодно решить один небольшой вопросик.

— Мне подумать надо. Давайте завтра созвонимся. У меня через четверть часа деловая встреча, так что...

Жора встал из-за стола, направился к выходу. У порога произнес:

— Думай, конечно. Мне говорили, ты думать умеешь. А я... Хочешь, машину дам, хочешь — деньгами.

* * *

Прокофьев и Анна наговорили мне на магнитофон шесть с половиной минут. Время сейчас — не шуточки, каждую секунду придется учить. Почему? Потому что. Чуть позже сами поймете. А пока я укладываю в дипломат подарок Миши Михайлова. Солидная такая красивая коробочка со странноватой антенной-венчиком. Производит впечатление, хотя, по большому счету, она не полезней обыкновенной пластмассовой мыльницы. Правда, внутри нее не мыло, а миниатюрный плеер.

В двадцать два я выхожу из подъезда, вижу машину Зиновия Тарасовича. Ехать нам полчаса, а до радиосеанса, который я задумал провести, сорок пять минут, так что время есть, можно не спешить. Сажусь на сиденье рядом с Тарбой, расслабляюсь, слушаю легкую музыку, льющуюся из приемника. Зиновий Тарасович нетерпеливо барабанит пальцами по баранке.

— Александр Андреевич, вы сказали, что сегодня многое прояснится... Что вы имели в виду? Куда мы поедем?

— Я имел в виду, Зиновий Тарасович, что ваша жена сейчас находится возле дома, где живет ее знакомый, некто Юрий Павлович, поэт.

Тарба дернул головой:

— Ага, значит, и вы на него вышли. Я уже слышал о нем.

Я удовлетворенно улыбнулся. Что ж, расчеты пока оправдываются, глупо было доказывать предпринимателю, что Анна ни с кем не встречается.

— Что вы предлагаете? — спросил Тарба.

— Дождаться, когда она зайдет к Прокофьеву...

— Правильно, так его фамилия, — закивал Зиновий Тарасович.

— Когда зайдет, мы подкатим к дому, и дальше — дело техники.

Он непонимающе взглянул на меня:

— Дверь вышибем, что ли?

Пришлось объяснить товарищу, что лом для вышибания двери — не техника, а примитивное орудие труда. А техника — подслушивающее устройство точечного типа, ему не помеха ни стены, ни стекла, надо лишь правильно навести антенну.

Тарба чуть подумал и заключил, что разговор между Анной и Прокофьевым, который он услышит, может служить доказательством виновности жены, и это значит, что деньги я отработал честно.

— Или невиновности, — сказал я.

Мрачный предприниматель прерывисто вздохнул:

— Что ж, они ночью на квартире рукописи обсуждают, что ли?

Я потихоньку захихикал, разумеется, так, чтоб он ничего не услышал. А для его ушей сказал:

— Конечно, девяносто пять процентов из ста, что мы услышим постельные аханья... Что вы предпримете после этого?

— Развод, немедленный развод!

Я внимательно посмотрел на Тарбу и поверил ему. Да, большего он не предпримет. Не ударит, тем более, не станет искать киллера. Но развод дастся ему тяжело. Он, кажется, действительно любит эту женщину.

Так, ладно, пора ехать, пусть минут пять в запасе останется.

— Вы знаете, где живет Прокофьев?

— Где дом — не знаю, а сам район — да, знаю, — отвечает Тарба. — Добираться туда неудобно будет: прямую дорогу в районе моста сегодня перекрыли, асфальт меняют, так что придется кругляя давать.

Господи, как это противно — чувствовать свои проколы! Если к двадцати двум часам сорока пяти минут прибавить еще минут восемьдесят, то получится, что около одиннадцати поэт, он же ремонтник квартир, и его любимая женщина Анна, выйдут из подъезда. А мы к нему только подъедем. Такая вот накладка ожидается. В планы народа вмешивается стихия.

— Круг большой? — спрашиваю я. — Сколько времени мы потеряем, час, два?

Тарба из мрачного превратился в очень мрачного:

— А что нам это время теперь дает? И так все ясно.

— Если ясно, то, может быть, и ехать никуда не надо?

Это его немножко заводит, Тарба жмет на газ, и мы срываемся с места.

— Как вы узнали, что она именно сейчас подходит к дому?

Я многозначительно поднимаю подбородок и развожу руками: мол, что за вопрос? Ведь с вами же профессионал сидит, а не дилетант. Зиновий Тарасович мой жест понимает правильно и сам высказывает вслух догадку:

— Человек ваш Анну сопровождает. И при помощи какой-то штуки с вами на связь выходит, да? Сотовый телефон?

— Есть и другие средства связи, — уклончиво отвечаю я.

— Дорогая аппаратура, — уважительно говорит Тарба. — А я грешным делом думал, что вы в бедности прозябаете. Офис впечатления не произвел.

— Мы знаем, на что тратиться.

Так хочется, чтоб часы пореже тикали, чтоб стрелки не так быстро вращались, но... Но как ни гнал машину предприниматель, а к дому Прокофьева мы добрались с опозданием в шесть-семь минут. По идее, к этому моменту мы уже должны были выслушать диалог Анны и Юрия Павловича. Теперь поудачнее бы машину поставить... Да, хотя бы вот так. Чтоб в лобовое стекло не было видно, кто выходит из подъезда.

Я открываю дипломат, достаю

“мыльницу” с антенной, разворачиваю эту антенну в сторону окна квартиры Прокофьева. Киваю на миниатюрные наушники:

— Надевайте, Зиновий Тарасович. А я буду аппаратуру настраивать.

— Есть звук, — сдавленно говорит Тарба, едва успев натянуть на себя наушники. — Анна...

А куда ж ему деться, звуку! Ты, милый мой, слушаешь самую обыкновенную магнитофонную запись, которая будет продолжаться шесть с половиной минут. Я ее знаю от первого слова до последнего, но все же и сейчас всовываю в ухо маленькую пластмассовую “говорушку”, и для виду бурчу:

— Неважное качество. Но слова можно разоборать, а?

Тарба подносит палец к губам, недовольно кривится: помолчи, мол. Я его понимаю. Человек кайф ловит, зачем же этому мешать?

“Я принесла вашу рукопись, Юрий Павлович. Извините, что так поздно, но завтра ее уже надо засылать в набор, а есть несколько вопросов”.

“Проходите, Аня... Можно, я вас буду называть просто по имени?”

Вообще-то, все пока складно, кроме одного. Слишком уж вовремя мы, получается, подъехали. Тютелька в тютельку к началу их диалога. Меня бы, будь я на месте Тарбы, это насторожило. Но он весь обратился в слух. Ну слушай, слушай...

“Юрий Павлович, у вас очень много глагольных рифм. А в одном месте нарушен размер. Вот, посмотрите...”

Интересно, какой такой размер нарушен у Прокофьева? Я фыркаю, но Тарба даже не замечает этого. Он ждет... Жди, жди, сейчас будет самое интересное...

“Оставьте рукопись, Аня, я посмотрю ваши замечания. Давайте винца с вами выпьем. Или водки налить?”

“Лучше водки. На улице так холодно...”

Черт, я почему-то пропустил это мимо ушей. Когда слова эти записывались на ленту, действительно холод был собачий, а сейчас около нуля, дороги в грязи. Чутье теряю. Михайлов мне за это давно бы уже шею намылил. Он дока по мелочам, Ми-

хайлов. Тарба, конечно, это съест — не подавится, но если, не дай Бог, потом, позже, начнет анализировать все услышанное... Или не запомнит такую деталь?

“Пожалуйста... Вы смелая женщина, Аня. Заходите ко мне ночью, пьете водку... А если бы об этом узнал ваш муж?”

“Я все больше убеждаюсь, что вышла замуж за очень порядочного человека. Он верит мне, и сцен никогда не устраивает”.

Опять прокол! Налитую водку выпить же надо! Должны чокнуться или еще какой звук издать... Ахнуть, крикнуть, не знаю...

“И вы ему никогда не изменяете?”

“Юрий Павлович, мы с вами уже не раз встречаемся, я убедилась в вашей порядочности и откроюсь вам, как другу. Я ведь далеко не девочка, была замужем... В общем, могу о многом судить. Так вот, Зиновий Тарасович — великолепный мужчина, и у меня просто нет нужды ему изменять, понимаете? И я никогда этого не сделаю”.

“Но вас могут просто оговорить. Сейчас принято завидовать счастливым, и кто-то просто скажет вашему мужу, что по вечерам вы не с авторами работаете, а развлекаетесь”.

“Если он поверит этому, если он хоть на секунду усомнится во мне, я сразу же уйду...”

Вот он, черт возьми, мой главный промах! Стоит Тарбе на миг скосить глаза в сторону подъезда дома, и он увидит, что его несравненная и добродородная женушка одновременно сидит за столом и выходит сейчас на тротуар, поддерживаемая под локоток честным и тоже порядочным литератором! И откроется вся эта фикция с микрофонами и подслушивающими устройствами! Что значит опоздать на несколько минут!

Я делаю резкое движение рукой, хватаюсь за антенну, лихорадочно дергаю ее из стороны в сторону. Тарба даже вздрагивает, замороженно следит за моими манипуляциями.

— Звук теряется, — шепчу я.

Он машет головой:

— Нет, все нормально.

— Значит, это мой наушник барахлит, — я начинаю легонько постукивать по своей “говорухе” в ухе. — Точно, сейчас все нормально.

Все нормально. Анна и Прокофьев исчезают за углом дома. Все нормально. Можно слушать дальше.

Я зачем-то поднимаю глаза к нужному этажу и цепенею. Поэт перед уходом выключил свет. Все, конечно, трудно учесть, но это-то надо было! Хорошо, у Тарбы глаза остекленели, он ведь сейчас такое слушает... Но вдруг тоже голову задерет? Жена и поэт почему-то погасили лампу и продолжают как ни в чем не бывало трепаться.

“И он никогда не выговаривал вам за то, что приходите поздно? Никогда не ревновал?”

“У него много достоинств, Юрий Павлович. Одно из них — умение сдерживать себя. Может, и ревновал, но виду никогда не подавал. Он и в этом плане — мужчина”.

“Знаете, Аня, мы, мужики, тоже часто завидуем друг другу... Я завидую вашему мужу. Если бы кто-нибудь меня так любил...”

“А между прочим, он вряд ли даже догадывается, как я к нему отношусь на самом деле. Я стараюсь быть холодной с ним, хотя иногда схожу с ума, глядя на это волевое лицо”.

Ну перебор же, перебор! Артисты, черт возьми! Фальшь поперла, а я накануне и это не заметил!

“Ладно, Юрий Павлович, проводите меня до автобуса, мне действительно надо домой”.

“Я вас на такси посажу”.

Так, конец комедии. Прокофьев скоро будет возвращаться домой, и не хватало еще того, чтоб он захотел после этого побродить по двору. Наткнется на машину...

— Заводите, Зиновий Тарасович.

Тот как от спячки очнулся, снял замолчавшие наушники, заскользил взглядом по окнам.

— Они только что свет выключили, сейчас выйдут. Отъезжаем немедленно. Если Анна вас увидит и поймет, что вы шпионите за ней...

Тарба, даже не пытаюсь спрятать улыбку, закивал головой:

— Понял, Александр Андреевич.

Мы выехали на трассу, и я, придав огорчительный оттенок голосу, сказал:

— Вот ведь как случилось все. Хотел я одно доказать, а вышло... Мне продолжать работу с Анной?

Тарба не раздумывая ответил:

— Нет, что вы, все ясно! Вы прекрасно поработали! Пусть теперь мне говорят все, что им вздумается...

Я незаметно зевнул. Скучноватый человек Тарба.

— Знаете, — продолжил он, — у меня есть кое-что из разукомплектованной мебели, по бросовым ценам... Да нет, я вам подарю, для офиса. Стулья, журнальный столик, диванчик. Подберем по расцветке... Завтра же завезу. Вы будете на месте?

Нет, решаю я, это вовсе не взятка. Конторе ведь дарит, не мне.

— Буду, Зиновий Тарасович. Но это как-то... Нехорошо...

Тарба счастливо смеется:

— Почему плохо? Все хорошо! Мы с вашей секретаршей все расставим... Чудная у вас секретарша!

* * *

Делай людям добро, и тебе воздастся по заслугам твоим.

Я сижу в кресле за журнальным столиком, пью нечто янтарное из фигурной бутылки, название на этикетке не могу разобрать, но русский перевод уже знаю наверняка: "Мечта идиота". Липкая самогонка с кофейной гущей.

Утешает одно: пью не на свои кровные. Напротив меня сидят на диване Прокофьев, с которым мы уже перешли на ты, и Анна. Анне муж совершенно беспричинно отвалил миллион на мелкие расходы. Беспричинно — это, может быть, для пробки, которая лежит возле красивой ненашенной бутылки, но мы-то знаем кое-что...

— Ты решай, какую тебе контору надо создать, — говорит Юра. — В том смысле, какой внешний вид ей придать. Деловой стиль, или спартаанский, или респектабельный, или пусть это будет уютное гнездышко...

— Гнездышко — это не для меня, — ухмыляюсь я и гляжу поочередно то на Прокофьева, то на Анну. — Вам гнездышко нужно. Только, ребята, предупреждаю, долго в такую игру не играйте.

Анна недовольно морщит носик, но я ее понимаю, неприятный, конечно, разговор я начинаю, не к столу, так сказать. Но куда же от него деваться?!

— Лично я выбрал бы спартаанский стиль, — будто не услышав мою реплику, продолжает развивать тему благоустройства моей конуры Прокофьев. — Только вот диван... Если бы он кожаный был... Кожа и темное дерево. И медвежья шкура на полу. У тебя нет медвежьей шкуры?

— Посетителей будет встречать секретарша в красном хитоне, — включается в монолог дизайнера и поэта Анна. — Тебе найти секретаршу? У меня в издательстве полно девчонок, есть даже с греческими профилями. Юра, греческий профиль — это спартаанский стиль?

— Девочка сюда не подойдет, — вполне серьезно отвечает Прокофьев. — Сыщику нужна старая дева с поджатыми губами, лучше плоскогрудая. Войдешь, увидишь такую и сразу настроишься на деловой лад.

Я понимаю: ребята умно и тактично "замыливают" начатый мной разговор. И правильно делают, они все поняли, и хватит об этом.

Наполняю кофейной самогонкой рюмки. Анна и Прокофьев свои тосты уже сказали, это были, естественно, гимны в мою честь. Им хорошо, они литераторы, для них треп — дело привычное, а мне надо поднатужиться, чтоб сочинить что-либо в ответ. Эх, Михайлова нет, он бы и в этом плане выручил.

Парочка уже приготовилась, смотрит то на меня, то на питье. "Вообще-то вы мерзавцы, ребята, — надо бы им сказать, — вы втянули меня в действие, после которого хочется мыть руки. Понимаю, что Тарба не подарок, что свинтус он порядочный, что и проучить его надо было, но все же... все же..."

— Аня, Юра, — лепечу я, — это хорошо, что вы нашли друг друга...

Господи, ну я даю! Что это я такое болтаю?

Звонок в дверь. Как вовремя! Уж не Зиновий ли Тарасович пожаловал? Все увидит, все поймет. Уж он-то и произнесет тост.

Я смотрю на Анну. Она понимает мои мысли:

— Тарба по делам уехал в Архангельск, звонил мне оттуда утром. Это не он.

Да ни хрена бы Тарба и не понял, я смог бы ему запудрить мозги. Мозги пудрить — не тосты произносить. “Честно отработавую, Зиновий Тарасович, ваши денежки, пригласил Анну и Прокофьева, чтоб поговорить с ними начистоту...”

Я открываю дверь. Соседка сверху, естественно, вся в сером. Свитер, брюки, платок, намотанный на шею. Получается нахохлившаяся воробышка. Только не чирикает, а сипит:

— Простите, сахару не найдется? У нас в булочной его нет, а далеко бежать не могу — температура.

Я приглашаю ее пройти в комнату, но она не совсем решительно возражает:

— Нет, спасибо. У вас гости, а у меня грипп.

— Это у кого там грипп? — Прокофьев берет свойски оттирает меня плечом, берет соседку за локоток. — Вы заболели? Тогда просто обязаны перешагнуть сей порог. Вам повезло: я светило медицины и специализируюсь как раз на вирусных болезнях. Или грипп — не вирусная болезнь?

Где, интересно, людей обучают красноречию? Или это врожденное свойство поэтов?

Я иду на кухню за четвертой рюмкой, а когда возвращаюсь к столу, там уже идет непринужденный, дружеский разговор. Анна говорит о травах и таблетках, Юра предлагает растирание, массаж и заверяет, что лучшего массажиста, чем он, в Москве не найти... Мне остается рекламировать напиток “Мечта идиота” как первейшее средство от гриппа. Выпиваем, естественно, за здоровье гостыи. Литераторы вдруг вспоминают, что им надо то ли на совещание, то ли на съезд, Прокофьев при этом

зачем-то подмигивает мне и показывает большой палец. Уж не Жар-птицу ли он в воробышке рассмотрел? Я незаметно пожимаю плечами, беззвучно хмыкаю.

— Вы извините, — это Анна, — мы намусорили, а убрать ничего не успели, уже опаздываем.

Это явный намек на то, чтоб соседка пока не убегала, а помогла мне прибраться.

— Он тоже хороший массажист, — показывает на меня пальцем Прокофьев, перед тем как исчезнуть за дверью. Исчез.

— У вас порошок какой-нибудь для посуды есть? — спрашивает соседка, составляя тарелки со стола в раковину.

Меня уже года два мучает изжога. — Сода подойдет? Есть только сода. Хотя бросьте вы возиться с посудой, я сам перемою.

— Ничего. — Она хлопает серыми глазами и закатывает рукава мохнатого серого свитера. — Тут работы на пять минут. Пока вы найдете мне сахар...

Ах да, сахар. Где-то у меня стоит пачка рафинада, то ли на подоконнике, то ли под стопкой книг и папок, что на полу. Надо бы полочку книжную купить, на стену повесить. Или из дому притащить? Но они все заняты. Ладно, где может быть сахар?

Опять звонок.

Наверное, вернулись Прокофьев и Анна, что-то забыли. Или Тарба из Архангельска успел прилететь?

Открываю дверь. Новый гость кивает головой, проходит в коридор, идет на кухню, оставляя на линолеуме грязные следы. Там он окидывает безразличным взглядом серую соседку, с маху падает на стул.

— Встать! — говорю я. Что-что, а подобные команды я подавать умею, научился за годы службы. Гость вскакивает, как солдат-первогодок, у него даже руки дергаются, вроде хотят подняться над головой. — Выйди вон, — продолжаю я. — И если очень надо, то зайди потом как положено. Ты знаешь, как положено заходить в подобные моему заведения?

— Ты чего? — Он недоуменно смотрит на меня, и я, не давая ему при-

ти в себя, вновь гаркаю: — Выйди, я сказал!

С Жорой Плахетиным, в таком тоне наверняка давно не общались. У Жоры багровеют щеки, и его кепочка, мне кажется, тоже шевелится от нагрузки, выпавшей сейчас на мозги. С нагрузкой мозги справились. Он быстро идет к выходу, закрывает за собой дверь.

Проходит минута. Я все это время стою в коридоре и смотрю на дверь. Из кухни показывается соседка:

— Ну вот, я все перемыла, теперь, пожалуй, пойду.

Там, на лестничной площадке, стоит сейчас неопрятный двадцатипятилетний амбал.

— Не бойтесь. — Она поняла мое молчание. — Меня никто не тронет. Я не из тех, кого трогают.

Я открываю дверь и выхожу на лестничную площадку. Плахетин стоит в дальнем углу, возле лифта, но кнопка вызова не горит. Уезжать он не собирается, курит, упрямо смотрит себе под ноги, на меня — никакой реакции. Соседка потопала по ступенькам на свой этаж. Я подождал, пока не услышал, что в ее квартире щелкнул замок, потом не совсем ласково сказал:

— Окурок брось там, у меня в кабинете не курят. И вытирай ноги о коврик.

Плахетин щелчком отстрелил сигарету точно в открытый люк мусоропровода и поднял наконец на меня глаза. Как я и ожидал, злобы в них не было, но уважение появилось:

— Понял, шеф.

2

Жора Плахетин прав: в этом деле действительно что-то не то. Наши — Господи, как укоренилась во мне служба, не их же я уже — рукой, видно, на дело махнули. Валентин Плахетин — личность известная. Три ходки в зону. Не кошельки по рынкам тырил — хорошие куши срывал. Первый раз, правда, как пацан влип: иностранцев по дороге из аэропорта чистил. Впрочем, тогда и было ему чуть за двадцать. Потом работал по наводке мадам Ришелье-Пятаковой, брал дома современных буржуа. Не

квартиры, а дома, те, которые средневековыми замками и кремлями выросли за городом. Подъезжал с ребятами на грузовых машинах, вязал хозяев и сторожей, брал аппаратуру, одежду, антиквариат... Третий раз получил срок за посредничество в незаконной сделке. Речь шла об оружии и суммах со многими нулями...

Месяц назад состоялась воровская сходка, на которой Плахетина должны были объявить в законе. Сорвалось. Сорвалось из-за мелочи, на которую сегодня вроде бы и не смотрят. Валентин был женат, что считалось нарушением нормы.

Такую вот информацию имею я на сегодняшний день.

Что бы я подумал, если бы месяц назад — а именно тогда пришили Плахетина — дали его дело мне? Слава Богу, подумал бы. Слава не потому, что возня предстоит, а потому, что есть, оказывается, высший суд, который покарал преступника. Может, и я бы сразу принял версию его самоубийства. Психологически ведь оно объяснимо. Коллеги по работе, грубо говоря, прокатили на выборную должность, причем прокатили по моральным соображениям, из-за баб, и под горячую руку Валентин шлепнул и жену, и любовницу, чтоб даже после развода не тянуло создавать новую семью. Но горячность прошла, Плахетин осознал, какой ценой творит карьеру, и совесть его загрызла. Вконец загрызла, ввинтившись в черепушку куском свинца.

Все ладненько, складненько. Пороховой ожог кожи есть, значит, ствол находился вплотную к виску. Пальчики на рукоятке "магнума" срок пятого калибра тоже есть, его пальчики, Плахетина. Можно ставить точку и закрывать дело. Можно, конечно, и не закрывать. Валентин никогда не пускал в ход оружие. Валентин никогда не поднимал руку на женщин. Валентин непосредственно перед смертью не выглядел угнетенным и расстроенным. Он постелил кровать, облачился в пижаму, заварил себе кофе, приготовил бутерброд с сыром, включил в ванной воду. И кофе, и бутерброд, и вода —

все это засвидетельствовано нашими пинкертонами при досмотре места происшествия.

Да, еще возле самоубийцы лежала книга Стивенсона "Остров сокровищ". Вряд ли она навеяла ему черные мысли о том, что пора сводить счеты с жизнью. Не та это книга.

Но я понимаю коллег. Есть высший суд, он покарал преступника, и нечего лишний раз напрягать мозги. Ах кофе, ах Стивенсон... Человек три раза в зоне был, это существовавшей несъеденного бутерброда.

...Жора сидит передо мной, пальто расстегнуто и виден шикарный темный свитер, от которого исходит запах пота. На нем те же полусапожки с той же грязью. Он живет без мамы, без жены, без постоянной любовницы. Его ничто не облагораживает. Даже деньги, которые у него водятся.

— Твой брат был богат?

Жора хмурит лоб:

— То есть?

Да, нынче это понятие очень расплывчато.

— При осмотре квартиры милиция не обнаружила, можно сказать, ни рубля. Его могли ограбить, а потом убить?

Жора непонимающе пялит на меня глаза. Я представляю, что творится в его мозгах. Он пришел к профессионалу, как считал, а тот задает глупые вопросы. Кто бы это мог осмелиться покуситься на собственность вора такого масштаба, как Плахетин?! Я уточняю вопрос:

— В квартиру к нему могли заглянуть залетные ребята, чужаки. Что они могли бы у него взять?

— Валентин не дурак, чтоб держать дома что-нибудь ценное. Для этого есть другие места. — Жора помассировал ладонью грудь, в районе солнечного сплетения ладонь его замерла. — Перстни вот только. Ему перстни дарили, четыре штуки было. Нормальные, золотые. Он перстни любил. Их нашли?

Вообще-то на такие лобовые вопросы мне надо отвечать уклончиво, чтоб ни у кого не возникло подозрения,

будто я листал материалы дела. Какое право я имею к ним прикасаться? По какому праву люди в погонах делятся информацией с посторонним человеком? Да я и знать не знаю, что нашли у Плахетина...

Вру, знаю, конечно. Прикасался, листал... Никаких перстней в доме не было. У жены, Нины, шкатулка с бижутерией стояла на самом видном месте, на прикроватной тумбочке, и в ней лежали серьги, цепочки, кольца. Они остались целы. Перстней же Плахетина никто не видел.

— А где их брат хранил? — задаю я встречный вопрос.

— В Нинкиной шкатулке...

— Ты спрашивал ее конкретно о перстнях?

— Я вообще ее не спрашивал. Она сама сказала. Боялась, говорит, что менты будут шмонать и обязательно прикарманят что-либо, сразу к шкатулке кинулась, как домой вернулась, — все на месте.

— А домой она вернулась когда?

— Два дня всего в больнице пролежала. У нее же не рана — так, царапина.

— Мне бы надо с ней поговорить. Она дома, никуда не уехала?

— Она будет дома в ту минуту, которую ты укажешь, — сказал Жора. — А хочешь, придет сюда.

— Мне надо знать конкретно, о чем шел разговор перед стрельбой. Мне надо знать, где в тот день был твой брат, прежде чем он заглянул на квартиру к любовнице.

Жора опять принялся растирать грудь.

— Это и я тебе скажу. О чем они базарили, не знаю, а был Валюха у меня, мы за встречу выпили по полбокала сухого и все, и к спиртному больше не прикасались.

— Он был только у тебя?

Рука Плахетина опять замерла, он вопросительно взглянул на меня.

— Поясняю вопрос. Если он собирался только посетить брата, навесить любовницу, а потом вернуться домой, то какого черта он взял с собой пушку? Или он с пистолетом в булочную ходил?

— Вот! — выкрикнул Жора и вскочил из-за стола так, что чуть не опрокинул

стул. — Вот! Когда нужно в дело оружие пустить, то это не забота Валюхи! Для этого у него были люди! Он вообще без пушки жил, веришь? Я, м-м... я, дурак, в сентябре на день рождения ему "магнум" подарил. Он его даже пристреливать не захотел. Сказал: "Когда будет надо — попаду". И прибрал. Дома где-то хранил, а где — не знаю.

— Зачем же он взял его, когда шел к тебе?

Плахетин скривился, мне показалось, что он вот-вот заплачет. Что-то детское, наивное появилось в его лице.

— Не знаю я! Для меня это полный мрак, понимаешь?

* * *

Эксплуатировать друзей — последнее дело. Озадачивать их своими просьбами, капать им на темечко, напоминать, что они у тебя в долгу...

Ну вот такой я человек!

После ухода Жоры я звоню Михайлову домой и треплюсь с ним добрых минут пятнадцать. По домашнему телефону можно говорить обо всем. Миша сам связист, и под колпак его взять непросто.

Потом я покидаю офис, чтобы идти в дом, который не могу терпеть. Нет, он у меня в принципе ничего: клетушка в двенадцать метров. Когда-то в этом доме были коммунальные квартиры, жильцы сами перестраивали их, создавали удобства... Жене после развода досталась двухкомнатная квартира в нестандартном доме, а мне...

В принципе, решаю я, можно спать и в офисе, благо диван теперь здесь есть. Притащить сюда простыни, одеяло, подушку... И пока не выгонят, совмещать труд и отдых на одной площади. А выгнать могут запросто. Не для того министерство такие вот "крыши" имело, чтоб проживали в них люди, из этого же министерства вышвырнутые. Хорошо, что еще друзья у меня есть. Хорошо, что чехарда генеральская все никак не закончится: некогда начальству такой мелочью заниматься, как эти вот квартиры...

Я выхожу из подъезда. Сырой холодный ветер. Снег взялся льдистой коркой и ломается под ногами. Сверху сыплется какая-то мерзость, колючая, невидная даже в свете фонаря. Поднимаю голову, смотрю на освещенные окна дома. Мои, естественно, темные, а у серой соседки — горят. Черт, я так и не занес ей сахар. Придется возвращаться. Человек все-таки болеет, ему горячий чай с лимоном нужен, следовательно, и сахар.

Ну вот: не судьба! Погас свет и у нее. Будто специально дождалась, когда я выйду, когда задеру голову, вспомню о ее просьбе, надумая вернуться, и в этот миг щелкнула выключателем. Ну и ладно. Было бы о ком жалеть. Нет, глаза у нее ничего...

Что она там говорила о брачном бюро? Пока и вправду так получается: все, что творится вокруг, связано с семейными неладками. Тарбы, Прокофьев, Плахетин. Да и сам я не лучше. Не расстался бы с Ларисой, глядишь, и служебные дела иначе бы пошли. Хотя одно с другим не связано...

Хватит, хватит о старом. Слово же давал себе забыть и не вспоминать!

Отвлечься надо, а то опять не засну. Значит, так. Отвлекаться лучше всего созерцанием природы. Гололедица. В ней надо найти нечто приятное. Ледок хорошо блестит, мать его... чуть не шлепнулся. Это опустим. Ветер. Ветерок, ветерочек. Южный, ласкающий. Морду обжигает, словно кирпичом натирает.

Луна. Тонкий стареющий серп, испускающий желто-зеленый свет. Нет, вообще-то луна ничего. Красивая, бестия! Вот туча наползает, и она ее так окрашивает...

— Идиот слепой! Чего под колеса лезешь-то!

Это кричу не я, это на меня голос подняли. Водитель. Оказывается, я перепутал тротуар с проезжей частью. Все правильно. На его месте я бы и не такие еще слова нашел.

Отвлекся, называется.

В автобусе полно пассажиров, у всех по сто локтей. Чувство локтя — штука не всегда приятная, но тер-

пимая. Потому выскакиваю из салона с ноющими ребрами, но в нормальном настроении. Переступаю порог квартиры и подбегаю к веселому орущему телефону. У меня такое предчувствие, что звонок ничего плохого не сулит. Все в мире действительно не так уж и скверно. Зеленая луна, серебряное обледенение, единение людей в общественном транспорте... Нет-нет, все образовалось и утряслось. И этот звонок на исходе суток — как порция валерьянки.

— Я слушаю!

— Александр Андреевич, Тарба звонит, Зиновий Тарасович. Вот час назад из командировки прилетел и решил с вами связаться.

— Проблемы с женой? — спросил я.

— Да что вы! Забудем об этом. У меня с Аней не может быть проблем, спасибо вам...

Ну вот, я же угадал. Валерьяночка.

— Александр Андреевич, у меня есть деловой партнер, Полянский, и вот у него действительно проблемы... В этом самом... Ну, вы понимаете?

“Мыльницу” я уже отдал Михайлову, да и вообще нет особого желания проделывать старые фокусы с новым клиентом.

— И поскольку вы специализируетесь в этом направлении, я, Александр Андреевич, подумал, что можно ему вас порекомендовать.

Приятно, чего уж там, слышать слова о специализации. Не будь звонивший Тарбой, я бы подумал, что это издевка. Но на Тарбу чего уж обижаться! Грех обижаться на человека, не разбирающегося в основах радиотехники.

— Видите ли, Зиновий Тарасович, у меня сейчас так много работы, что я вряд ли найду время для господина Полянского.

Это я говорю без всяких задних мыслей, но Тарба понимает мои простые слова по-своему — как торгашество:

— Это богатый человек, и он хорошо заплатит. Он умеет быть признательным, понимаете?

А чего я вообще-то кобенюсь? Что, действительно клиенты в прихожей

теснятся? Есть офигенные предложения? Денег девать некуда?

— Полянский занимается оргтехникой, компьютерами, так что, сами понимаете...

Понимаю. На “мыльнице” его, значит, не проведешь. Но это, вполне возможно, к лучшему. Новые участки мозга придется задействовать, что способствует более гармоничному развитию интеллекта.

— Подумаю, — нерешительно тяну я. — Давайте завтра еще по этому поводу поговорим.

— Вы завтра дома будете или в конторе?

Мне даже сегодня хочется в контору.

— Туда звоните, туда.

Я принял душ и уже собрался было прыгать под одеяло, как раздался опять телефонный звонок. Звонила Анна.

— Саша, я краем уха слышала ваш разговор с Тарбой... он сам сейчас на лестничной клетке, курит... Так вот, Саша, по Полянскому. Это такая стерва, жена у него! Ленка, но имя переписала на Элеонору. Соплячка, двадцать пять лет, а мужиков, как марки, коллекционирует.

— И что ты предлагаешь? — спросил я. — Заняться этим делом? А если она и меня охмурит?

— Ну, у тебя такая соседка...

Да что они все, ослепли, что ли? Тоже красавицу нашли. Женщина как женщина. Я даже имени ее до сих пор не знаю.

— А сам Полянский действительно тебе может пригодиться. Он Тарбе не чета, он птица большого полета. В политику лезет, друзья у него там, наверху.

— А ты с ним как знакома? — спросил я.

— Иногда бываем в одних компаниях. Жуткие, скажу тебе, компании, где мужики о деньгах говорят весь вечер, а женщины — о мужиках. О чужих. Так Полянский там — белая ворона. Нет, он действительно толковый человек.

— Не пойму я литераторов. То птица большого полета, то белая ворона... Скажи четче, как его называть.

— Называть его Олег Львович, а стерву-жену — Елена.

— Элеонора, — поправил я.

— Да, ей так больше нравится.

* * *

Нина Плахетина оказалась похожей на боью коровку: округлая, сбита, в красном с черным. Не знал бы — не подумал, что это жена такого крутого мужика. У жен крутых мужиков ноги от шеи должны начинаться, а пальцы рук не гнутся от золота. У Плахетиной — скромное колечко, уже вдовье, на безымянном пальце левой руки. Сережки тоже неброские. На темном свитере из ангорки — тонкая желтая цепочка и брошь с красным камушком. На шее — красный платок, на талии в тон ему ремешок. Все вроде со вкусом, но ничего особенного и вызывающего.

Кроме коленей.

Ее колени смотрят на меня двумя пугающе темными стволами и сопровождают, куда бы я ни шел. А хожу я по комнате сегодня чересчур много. Не могу сидеть против черно-красного, у меня к этим цветам нездоровая возбудимость, как у испанского быка, выпущенного на арену. Бык видит тореодора в черном и красную тряпку. Бык звереет. Быку некуда деться от этих цветов.

Я разговариваю с Плахетиной, почти не глядя на нее.

— Вы давно познакомились с мужем?

— Три года назад.

— Он сидел тогда в зоне...

— Да, на Пуксе, это под Архангельском. Записки мне на волю присылал, я тогда только школу заканчивала. Концерт в зоне как-то к празднику давали, он и приметил меня.

— Вы танцевали.

Плахетина удивленно вскинула на меня глаза:

— А откуда вы знаете?

— Зеки балдеют от танцующих девочек. Когда у тех сверкает все, что выше колен.

Плахетина опустила глаза на свои колени и погладила их ладошками.

Юбка при этом вроде бы стала еще короче. Я вздохнул и отвернулся к окну.

— Что значит "балдеют"? У нас все было иначе. Он писал мне письма, очень хорошие письма. А когда освободился, предложил сразу же ехать с ним в Москву. Пришел в дом, к маме, познакомился с ней, сказал, что не будет меня обижать.

— И мать сразу согласилась вас отпустить?

Нина дернула плечиком:

— Не сразу. Она настаивала, чтобы мы тут же расписались. Валентин обиделся, сказал, что штамп в паспорте не главное... Но уже в Москве мы и в загсе побывали, и в церкви венчались.

Все правильно, все правильно. Это я, между прочим, знаю и без Плахетиной.

— Он был верным мужем?

Она выдержала паузу, потом ответила:

— На меня его хватало. По роду занятий ему приходилось контактировать со многими женщинами, но я не думаю, что его тянуло спать со всеми. Во всяком случае, большим бабником он не был. И подавать на развод не собирался.

— А как насчет спиртного?

— Мало пил. Шампанского еще мог позволить, к крепленным винам не притрагивался, хорошим коньяку — не больше стопки.

— И все же в день, когда он открыл стрельбу, Валентин, вы говорили, был пьян?

— Кому это я так говорила? — Плахетина удивленно округлила глаза. — Ментам? Но они меня почти ни о чем и не расспрашивали. "Он был выпивши?" — "Да". Вот и все. Он действительно пил в тот день у брата сухое, это вам и Георгий скажет.

— Да. — Я вновь прошелся по комнате, сопровождаемый ее самонаводящимися коленями. — Он пил у брата, потом пошел к Надежде Сединой, у которой оказались и вы.

— Что значит "оказалась"? — перебила меня Плахетина. — Валентин знал, что я у Надежды, потому и зашел за мной к ней на квартиру.

— Она была вашей подругой?

— Да. Она была моей подругой, кроме того, ее связывали служебные интересы с Валентином. Что это за интересы — я не знаю. Поначалу пыталась вникнуть, чем занимается муж, но он предупредил: "Ты должна быть подальше от моих дел". Больше я никуда нос не совала.

— И Надежда вам ни о чем не говорила?

— Нет.

Плахетина отвечала спокойно, быстро, будто все мои вопросы обдумала заранее. Впрочем, такие вопросы и предугадать нетрудно.

— Но вы хотя бы знаете, где Седина официально числилась работающей?

— Какая-то контора по торговой части.

Какая-то контора. Верно. Под патронажем Сединой было несколько торговых палаток. Среди прочих легальных вещей там сбывались вещи краденые: телеаппаратура, одежда, дорогие бытовые приборы. Все это исчезало из грузовых фур в основном на Ярославском шоссе. Известные нападали на грузовые машины, держали водителей на мушках пистолетов и забирали то, что они везли в столицу.

Милиция уже вышла на Седину, милиции нужна была еще неделя, чтоб поставить точки над "i", чтоб потянуть за ниточку и распутать клубок до конца. Но Валентин Плахетин, чье участие в грабежах и воровском бизнесе еще пока только просматривалось, а не было доказано, открыл эту дурацкую стрельбу...

— Вы с мужем часто ссорились?

— Смотря что имеется в виду под этим словом. Во всяком случае, сцен друг другу не устраивали.

Она помолчала, но поскольку я не спешил задавать наводящие вопросы, продолжила:

— Муж не был конфликтным. Он лучше промолчит, но не заругается. И только в самое последнее время психованным стал. Вдруг сказал, что из-за меня очень многое теряет. Потом как-то к нам в гости Георгий пришел, и они крепко поспорили... Я Валентина никогда не видела, чтоб он кричал, а тут... "Люди моей профес-

сии должны быть вообще одинокими, без жен и братьев..."

— Чего братья не поделили?

— Не знаю. Это касалось работы. И потом, я стояла у плиты на кухне, когда Валентин это крикнул.

— И часто братья разговаривали между собой в таком тоне?

— В последнее время часто.

Все-таки в сочетании красного и черного есть какая-то магия. Ну что, я коленок женских никогда не видел, что ли? Да и вообще нельзя сказать, что я падок на женский пол. Мало я, правда, раньше с ними общался. Круг моих интересов замыкался на иной половине человеческого общества, где обладательницы смелых коленок существовали лишь как фон. Но теперь работу я сменил, и надо привыкать ко всему.

Я присаживаюсь наконец к журнальному столику под прицел округлых коленок.

— А по какому поводу вспыхнула ссора у Сединой? Почему Плахетин начал стрелять?

Колени чуть зашевелились, словно выбирая точку прицела.

— Ссоры не было. Валентин зашел... Бледный, дышал так, словно бежал всю дорогу. Мы с Надеждой переглянулись, поняли: что-то произошло. Валентин как не в себе был. Поэтому мы налили ему фужер вина, усадили за стол: успокойся, мол, расскажи, что случилось. А он молчит, только зло на нас смотрит. Надежда ему: "Валентин, мы что, в чем-то виноваты перед тобой?" Тогда он пистолет достал: "Виноваты". И все. И начал стрелять. Глаза побелели, как у безумца...

— И часто у него белели глаза?

Плахетина, казалось, ждала и этот вопрос, ответила на него сразу же:

— У него приступами заболела голова, тогда он упаковками таблетки глотал. Я даже не знаю, какие таблетки, дома ничего не осталось. Так вот, когда эти приступы начинались, он тоже бледнел, пот на лбу выступал. Примерно раз в две недели это с ним случалось.

— Тогда он становился агрессивным?

— Я бы сказала, несдержанным

становился. Мог, к примеру, ругаться, хотя обычно я от него плохого слова не слышала.

— В котором часу он пришел к Сединой?

— В районе трех.

От брата он ушел в два дня, убитым его обнаружили в шестнадцать тридцать. Все верно.

— У вас, Нина, очень грамотная речь. Впечатление такое, что вы не в северном поселке выросли, а в пансионе благородных девиц учились.

— У меня родители были учителями. Мама вела русский и литературу, папа — историю.

— Почему “были”?

— Папа умер давно, пять лет назад. Не дождался... — Она замолчала, так и не сказав, чего не дождался отец. Потом продолжила: — Мама полгода назад уехала на свою родину, в Краснодарский край.

— У нее там есть дом, родственники?

— Теперь у нее есть там дом. Я вышла замуж за Плахетина с одним условием: чтоб он обеспечил жильем маму.

— И последний вопрос. Можете не отвечать, если считаете, что он очень личный. Почему у вас не было детей?

Нина ухватилась за юбочку и натянула ее наконец на колени.

— Раз могу не отвечать...

* * *

Хотите совет? Если вас лупят профессионально, то бишь не увлекаясь самим процессом бития, не дурея от показавшейся крови из носа или расщеченной губы, и конечно же, лупят подавляющими силами, то не рыпайтесь. Против лома нет приема. Просто в меру возможностей защищайте ребра, зубы и ждите своего часа. Возможно, ждать придется дольше, чем хотелось бы, тогда вы, чтоб не терять времени даром, проанализируйте, как попали в такую ситуацию и могли ли ее избежать...

Лично я думаю, что смог бы. Если бы не был самонадеянным дурачком. Раньше, что там ни говори, меня ксива защищала. “Дамы и господа, прошу не бузить, я из солидной конторы, вот документик. А теперь потруди-

тесь отвечать на вопросы, бандюги!” Вот так я строил свои монологи раньше. Сейчас мои “корочки” не те, чтоб козырять ими. Следовательно, и я не тот, кого нельзя бить.

А дракой поначалу и не пахло. Я ведь всего-то и хотел — пойти в гости к женщине, поговорить о прошлом, повспоминать дни минувшие, так сказать, общих знакомых. Было бы что вспомнить, хотя лично с мадам Ришелье-Петуховой судьба меня не сводила.

Я пришел к ней без торта и цветов. Но разве, скажите, это повод для того, чтоб натравливать на меня своих молодчиков? Тем более, я ведь не ссориться шел.

Я позвонил в дверь, она мне эту дверь без задержки открыла, одарила меня цепким взглядом:

— Вы ко мне?

— Если вы Клавдия Семеновна Петухова.

Она недовольно сжала губы, словно ей не понравилась своя собственная фамилия.

— От кого?

Она так мраморно застыла на пороге, что я понял: порог этот переступить не удастся до тех пор, пока не отвечу на ее вопрос.

— От Валентина Плахетина.

Чуть сузились глаза, но тут же приняли первоначальную форму. А в первоначальной форме они большие, круглые, светящиеся изумрудом. На чистом белом лице сорокалетней женщины это украшение.

— Вы хотите войти?

— Да, — честно признался я.

Она чуть пожала плечами и наконец отступила, пропуская меня вперед.

Я вошел в Грановитую палату. На белом столе — хрустальная ваза с хрустальными розами. Надо ли говорить о том, что увидел я за стеклами старинного резного буфета?!

— Садитесь.

Я с опаской покосился на стул, напоминавший скорее царский трон, но сел.

— Клавдия Семеновна, у меня к вам несколько вопросов.

— Пока отложим их. Начнем с формальностей.

Я почему-то подумал, что формаль-

ности — это документ, по меньшей мере визитная карточка, сунул руку в карман и тотчас услышал за спиной крадущиеся шаги. Толстый ковер глушил их, но я даже распознал, что сзади ко мне подошли двое, это как минимум.

Я замер, пытаюсь взглядом спросить у хозяйки, что за ангелы выросли за моей спиной, но та, правильно поняв взгляд, ответила не совсем четко и понятно:

— Я же говорю, формальности.

Тотчас крепкие пальцы погладили меня по ребрам, скользнули под мышки. Глухой голос предложил:

— Встань.

Но поскольку звучал он миролюбиво, действительно, как предложение, а не приказ, я не спешил отрываться от царственного сидалища. Вот тогда-то ангелы-молотобойцы пустили в ход кулаки. Удары я держать привык, но все равно неприятно, когда трещат ребра и расходится старый шов на левой брови, затекает кровью глаз.

Поворачиваюсь лицом к бьющим. Их трое. Не суетятся, друг другу не мешают, работу свою делают профессионально, я бы даже сказал, скучающе. Сейчас я им ничего не противопоставлю, разве что свое терпение и смирение. Заслужил я мордобой, заслужил. Не хрен было выкобениваться. Надо было сразу представиться, сказать, что надо. А то — от Валентина Плахетина прибыл, от покойника, стало быть. Вот и получай за это, фраер...

— Все! — подала команду Петухова, и раунд тотчас прекратился. Меня, уже стоящего, обшмонали до пяток, убедились, что ствола я с собой не принес, о чем и заявили хозяйке:

— Пустой.

— Продолжим разговор, — сказала Петухова, и я опустился на трон уже как на деревянную грубо сколоченную скамейку. Когда ноют кости, то не до красот, знаете ли. Ладно, за проигрыш я еще рассчитаюсь, я в этом деле злопамятный.

— Клавдия Сергеевна, у меня к вам несколько вопросов, — повторяю я свою фразу, прикладывая к расщеченной брови платок. — Как бы только не испортить вашу мебель.

Кровь на такой обшивке будет плохо смотреться.

— Борик, проводи его в ванную, — Петухова продолжает сидеть на диване, оперев ладони в бедра. Для ее возраста фигуру она сохранила на удивление ладную. Высоченная грудь, в пределах нормы талия... Господи, что-то я в последнее время пристально женщин рассматриваю. — Там на полке вата, одеколон. Можете пудрой воспользоваться.

Не делая резких движений, встаю, но тем не менее замечаю, что напрягаются плечи гвардейцев мадам Ришелье. Вольно, вольно, сейчас еще не время для мщения. Иду под конвоем Борика, парню лет двадцать пять, широкие плечи атлета, тяжелая слоновья походка. Ему штангу толкать, а не драться. Ванная — вся в зеркалах, даже потолок. Обмываю теплой водой лицо, прижигаю бровь. Шциплет. Это хорошо, это возбуждает.

Возвращаемся. Прохожу мимо гвардейцев. Расслабон у них, не верят они уже в меня. Вырубать их надо безжалостно, в чужом доме долгую драку затевать не следует. Это же будет сопровождаться битьем хрусталя, криками. А посуда-то тут ни при чем, и соседей пугать не стоит. Борик отрастил хорошую шею для удара: длинную. Учится, видно, головочку гордо держать...

Тэк-с, кажется, не переусердствовал, жить мальчики останутся, но мешать нашему разговору уже не смогут, по крайней мере, в течение получаса.

Я усаживаюсь на трон, смотрю на Петухову, а на меня смотрит никелированный ствол импортной свинцовой плевательницы. Игрушка, конечно, но иногда и о погрешку можно обрезать. Миролюбиво, почти улыбаясь, повторяю третий раз фразу, которая стала уже расхожей:

— Клавдия Сергеевна, у меня к вам несколько вопросов.

Ришелье не обманывается моим тоном, не опускает руку с пистолетом.

— Я по просьбе Георгия Плахетина хочу выяснить, как погиб его брат, Валентин. Вы, знаю, были с ним большими друзьями.

Когда его судили, Плахетин не сдал компаньонку. Тогда она якобы сказала: "Я запомню!" В зоне Валентин получал хорошие посылки. Когда освобождился, в Москву его привезли на "вольво", ожидавшем Плахетина у лагерных ворот.

— Жорик заявил в милицию? — спросила Петухова.

— Нет. Я из другой конторы.

— Тогда ты себе много позволяешь.

— Она посмотрела на лежавших охранников, но пистолет все же опустила. — Это Жорик посоветовал обратиться ко мне?

— Нет. У меня своя информация.

— И какое место в ней отведено мне?

— Место человека, который меньше всего бы хотел, чтоб Плахетин погиб.

Петухова глубоко вздохнула, потом сказала:

— Ты Жорику меньше верь. Валентина погубили бабы. Я давно уже предчувствовала, что он этим и кончит.

— Почему я должен Жорику не верить?

— Жорик ничего толком не знает. Он молился на брата, он хотел быть таким, как брат, ревновал его к женщинам... А Валентин держал его на дистанции от себя. Валентин не хотел, чтоб Жорик занимался тем же, чем и он. Он готов был снабжать его деньгами, но никогда не брал с собой на дело. И меня просил, перед тем как... — Она замолчала, глотнула воздух, на миг закрыв глаза. — Он все чувствовал. Он знал, что скоро погибнет. Просил: "Клава, присмотри за пацаном". Тому двадцать пять, а все — пацан. Теперь, когда нет контроля, боюсь, он быстро сгорит.

— А ты ему разве не поможешь?

— Вряд ли. Я же уже сказала: он ненавидит всех женщин, которые окружали брата. И меня в том числе.

— Старший Плахетин был бабником?

— Не то слово! Но он с ними не просто спал — он их любил. Ему бы в Азии жить, имел бы огромный гарем, и все жены были бы его любимыми женами.

— И Петухова?

Она потрянула копной пышных рыжеватых волос:

— Ну... У нас с ним были особые отношения. Я была для него первой женщиной, я его обучала всему этому. Он, к сожалению, оказался слишком прилежным учеником.

— Любил всех и, стало быть, никого.

— Ну почему? Когда-то он был без ума от девчонки, которую привез из тайги, женился даже на ней. Потом появилась Седина, кобылица эта.

— О мертвых плохо не говорят, — сказал я.

— Кобылица! Знаешь, чем Валентин в работе хорош? Голова у него отлично варила, все рассчитывал на три-четыре хода вперед.

— И тем не менее попадался?

Она коротко рассмеялась:

— Если бы его судили за все, что он сделал... Но я о Сединой рассказывать начала. Так вот, из-за нее Валентин начал терять голову. Он мог на деловое свидание не прийти, потому что она не отпустила. Она могла прилюдно сказать: "Я тебя хочу" — и он, как ягненок, топал за ней в пустую комнату. Она специально свою власть над ним демонстрировала. Я как-то сказала Валентину: "Заканчивай". А он: "Не могу. Это или ее надо убить, или меня". Так в конце концов и сделал.

— Пистолет ему подарил Жора? Откуда у того оружие, деньги?

— Деньги — от Валентина. У Валентина было много денег, хотя он их не копил и не любил. Работал просто потому, что был рискованный. Все отдавал брату, жене, Надьке. Брат и купил пистолет. Валентин узнал — отобрал, так что не дарение это было.

У ног моих зашевелился Борик, Рيشелье с досадой посмотрела на него.

— Эти охранники никуда не годятся, да?

Я пожал плечами.

— Я бы тебе хорошо платила... Нет желания?

— Я вольный художник, мадам.

— Ну ладно. А с Жорика, кстати о деньгах, сдери побольше. Все равно ведь на глупости растратит. Если не

пистолет опять купит, так костюм кашемировый. Зубы не чистит, а в князья метит. Во время последнего с ним разговора Валентин хотел его вообще в деревню отправить, к бабке — она под Калугой живет.

— Как это — хотел отправить? Жора ведь не мальчик, мне кажется.

— Старшего брата он бы не ослушался. Тем более бабка действительно больная, за ней уход нужен. Жорик со слезами на глазах выторговал себе месяц, чтоб хоть Новый год в Москве отметить.

— Это сам Жорик про слезы на глазах тебе сказал? — Я встал с трона, переступив через Борику, и пошел к выходу. Ришелье осталась сидеть, но сразу подобралась, насторожилась, готовая вскинуть в мою сторону руку с пистолетом.

— Жорик с женщинами не разговаривает. Валентин, когда возвращался от брата, заехал ко мне.

Я замер у порога.

— В тот самый день, когда застрелился?

— Ну да. Заскочил на пять минут...

* * *

Я сижу за журнальным столиком и работаю Малевичем. Вожу черным фломастером, только не квадрат получается, а треугольный октябратский выпел на палочке.

Вершинная точка — квартира Жорика Плахетина. Отсюда Валентин выехал около двух часов. Брату он не сказал, куда именно собирается ехать. Просто пошел в сторону метро.

На метро до Сединой ехать минут сорок, потом еще три остановки на автобусе. С переходами, ожиданиями — час. Вот она, вторая точка: квартира Сединой. Нина Плахетина говорила, что он сюда приехал в три часа. Правильно, так и получается.

Если бы от Сединой к себе домой Валентин добирался на такси, на это опять-таки ушло бы минут сорок. Это значит, около четырех он вошел в квартиру, переоделся, напустил ванну, сварил кофе, но, не помывшись и не попив, лег в постель и пустил себе пулю в висок. Вот она, третья точка, квартира Плахетина.

Кофе и ванну можно объяснить, равно как и переодевание. Есть штука такая — состояние аффекта. В горячке человек все это проделал. Потом опомнился, осознал, что натворил. Людей ведь убивать — не квартиру грабить. Осознал, значит, вытащил “магнум”...

В получающемся треугольнике все более-менее складывается. Но теперь я веду прямую черту от первой точки до последней. Где-то посредине этой черты фломастер мой делает еще одну отметку. Если бы Валентин возвращался от брата сразу домой, то он проезжал бы остановку, недалеко от которой живет мадам Ришелье-Петухова. Она сказала, что Плахетин навестил ее ровно в три. У нее старинные часы с кукушкой, так что ошибиться не могла.

Итак, почти одновременно убийца, он же самоубийца, был на двух квартирах: у Сединой и у Петуховой. А расстояние между ними — в полчаса, это если поймать такси сразу. На метро — около часа. Как это понять?

Вообще-то, понимать надо не только это. Нина Плахетина не считает мужа бабником, а Петухова — совершенно противоположного мнения. Ну такое бывает. Любовь часто слепа, Нина не замечала и даже не хотела замечать того, что Валентин, если верить Ришелье, сделал любовницей ее подругу. Далее. Около трех дня Плахетин стреляет в женщин, а сигнал на пульт поступил лишь час спустя. Около четырех Нина позвонила в милицию. Час была без сознания? А почему бы и не так? Рана у нее, конечно, пушковая, но от шока и боли можно просто растеряться, не зная, что делать...

Ладно, это пока оставим.

Как Валентин ухитрился в три дня одновременно быть на двух квартирах? Вот главный вопрос. Стало быть, одна из женщин врет. Кто и зачем? Нужно ли это, к примеру, мадам Ришелье? “Заскочил на пять минут, просто потому, что по пути... Нет, возбуждения не заметила, был спокоен...” А как же состояние аффекта? Если предположить, что Плахетина ошиблась во времени, и Валентин заехал к Надежде раньше трех, без лишних слов, прямо с порога,

выпустил пули в женщин и тотчас отбыл к старой своей компаньонке, то та бы заметила, что он не в себе. Выгораживала? Но зачем выгораживать мертвого? И потом, Петухова сама убеждена, что Валентин убил любовницу, а потом застрелился...

Не то что-то, не то...

Засвистел на плите чайник. Я достал кофе, чашку, сахар и тут вспомнил о соседке сверху. Я ведь ей так и не отнес сахар. Нехорошо. Человек болеет, из дому выйти не может, умоляет помочь, а я тут бумажечки разрисовываю.

Так, кроме сахара есть лимон, банка сгущенки, коньяк... Коньяк хорош от кашля, лично мне помогает. Я его употребляю, правда, как профилактическое средство, но ведь зато и не кашляю...

Загружаю все в пакет и топаю наверх. Звоню. Ну вот, тихо за дверью. Значит, пока я собирался человека спасти, он или вылечился, или в стационар попал. Такой вот я: засадить людей всегда успевал, а как прийти на выручку...

Нет, кто-то топает. Открывается дверь. Ну соседка совсем плоха. Теперь уже не серая, а серо-желтая. Канарейка.

— Сахар заказывали?

Бесцветные губы пробуют улыбнуться:

— Уже и не помню.

— А я подумал было, что вас в больницу положили. Не открывали долго.

— В постели была. Глупая ситуация: медицинского полиса нет, "скорая" не приезжает. Но я уже почти здорова, температуру сбила. Вы случайно банки ставить не умеете?

Я спотыкаюсь на гладком линолеуме.

— Банки?

— Ну да. Я бы была вам очень признательна. Если только вы не комплексуете по поводу того, что женщина обнажит перед вами спину.

Я вообще человек без комплексов, — развязано отвечаю и щерю зубы. Идиотом наверное, выгляжу со стороны. Зубы кажется дробь вывивают.

— Простите, Александр Андреевич, но я знаю, что мне это средство по-

может. А за помощью больше не к кому обратиться, в городе ни родных, ни друзей.

Вообще-то, и я не родственник и не друг. Какого черта я об этом сахаре вспомнил?! И чего в городе все время торчу? Ведь хотел же еще сегодня взять лыжи, махнуть в лес...

— Вы чего пакет-то держите? Поставьте на стол.

Ставлю. Пакет оседает, обнажая горлышко бутылки.

— Коньяк, — я зачем-то хлопаю в ладоши. — Лучшее лекарство от гриппа. Заменитель всех пилюль и банок.

Выкрикиваю это с надеждой, но соседка уже вытаскивает из шкафа картонную коробку, извлекает оттуда медицинские банки.

— Так, вот ватка, спирт, спички... Вы не удивились, что я вас по имени-отчеству назвала?

Господи, я так ошарашен, что и не заметил этого.

— К вам же часто люди приходят, я уже с некоторыми даже знакома. От них и узнала... А меня зовут Светлана. Светлана Васильевна, если хотите официально.

Я по-козлиному трясую головой, совершенно не зная, что отвечать на эти слова. Глаза мои при этом так, наверное, бегают из стороны в сторону, что Светлана улыбается и приходит мне на выручку:

— Хотите помыть руки? Планировка у нас одинаковая, так что ванную комнату найдете. А я пока в кровать залезу.

Когда я возвращаюсь с бесцветными от долгого мытья руками, женщина лежит в кровати, по пояс укутанная в одеяло. Смуглая спина четко выделяется на белой простыне.

— Ставьте под лопатки.

Я уже не чувствую стеснительности, неловкости. Я присаживаюсь на кровать, протираю спиртом гладкую кожу.

— Ну, больная, приступим...

Даже странно, что никакого волнения уже нет. Наоборот: я вхожу в роль врача-профессионала, который только тем и занимается, что ставит женщинам банки.

Нет, иногда ставить банки — не хуже, чем пить коньяк.

— А может, вызвать все-таки врача?

— Вам так противно возиться с моей голой спиной? — она усмехнулась, потом глубоко закашлялась. Успокоившись, сказала: — Извините, Бога ради. Врач не нужен. У меня от гриппа остался только кашель. После банок выпью горячего чаю с лимоном. Вы не поставите на плиту чайник?

Я как раз закончил возиться с банками.

— Все сделаем. У меня, между прочим, есть майский цейлонский чай, лимон...

— Спасибо, но не могу вас больше эксплуатировать. С лимоном я и сама справлюсь.

Я все понял. Я поставил на огонь чайник и пошел к двери:

— Будет плохо — звоните.

— Мне будет плохо через полчаса. К этому времени я накрою стол, так что звонка можете не ждать, поднимайтесь сами.

Нет, женщин иногда трудно понять...

* * *

Я вновь усаживаюсь за октябрютский выпелочек. Для Малевича, говорят, нужен определенный угол зрения, только так открывается смысл его творений. Я кручу свою бумагу так и этак, уставясь на первую точку.

Жорик.

Двадцать пять лет, но старший брат держит его за мальчика. Отнимает, словно рогатку, пистолет. Грозит выслать в деревню. Не берет в свое дело и не разрешает заниматься собственным промыслом. Чувствует ли Жорик ущербность от всего этого? Вероятно. Может ли в таком случае поднять руку на брата? Технически это возможно. Если Жорик работает заодно или с Ниной Плахетиной, или с мадам Ришелье... Заговор открывает массу возможностей и вариантов. Но зачем в таком случае Плахетин-младший обращается к частному сыщику, то есть ко мне? Он должен благодарить судьбу, что милиция согласилась с версией Нины Плахетиной.

Плахетина — вторая точка. Убить

Седину, мужа, прострелить себе руку... Нет, это слишком. Валентин найден мертвым дома, подружки поймали пули совсем в другом месте.

Ришелье-Петухова. Убить Валентина она, конечно, могла. Причина? Причина может быть банальной. Ревность, к примеру. Любила его, из колонии ждала, а он оттуда с пигалицей прибыл. Могла быть и финансовая, то есть чисто бандитская разборка. Деньги не поделили, власть. Вот и убрали Плахетина, Седину, ранили и запугали Нину так, что она придумала эпизод с Валентином. Вернее, все придумала Ришелье, она лишь озвучила. Убийство исполнили мальчики мадам. Он приехал к ней после встречи с Жориком, тут произошла крупная ссора... Да, да, вот откуда несогласованность по времени. Плахетину заставили звонить в милицию после того, как пристрелили Валентина. У Сединой Валентин вообще не был, от брата он сразу поехал к бывшей наводчице, которая сейчас уже сама ведет дело...

Зачем они оставили в живых Нину? Только затем, чтоб та направила сыщиков по ложному следу? Слабо верится, ребята такого уровня свидетелей обычно не оставляют. А версия, что все три выстрела сделал Плахетин, родилась и так бы, без подсказки. Она очень удобна, правдива, а главное, устраивает всех, эта версия.

Остановимся, значит, пока на Ришелье.

Почему, кстати, ей дали такую кличку? То ли очень богата, то ли большое влияние на королей оказывает?

Если богата, зачем она забрала перстни Плахетина? Как память о нем? Из шкатулки Нины исчезли только перстни. Если бы туда запустили руку гвардейцы Ришелье, они бы вряд ли действовали так избирательно, они бы не ограничились перстнями...

Вообще-то, в шкатулке особых ценностей и не было. Так, по мелочи: две желтые цепочки, серебряные браслеты, серьги с речным

жемчугом, бусы из искусственного жемчуга и янтаря...

Все осталось на месте, кроме перстней. Вряд ли Петухова позарилась бы на них...

Зазвонил телефон.

— Александр Андреевич, мужчины должны быть пунктуальны: полчаса уже прошло.

— Бегу, — сказал я.

Нет, вообще-то она ничего, Светлана Васильевна, не ломака. Выпить на брудершафт, перейти на ты, потом приложить ухо к ее груди, дабы услышать, нет ли шума в легких. Раз банки ставлю, значит, и шум уловить могу! Я заскакиваю в ванную, хватаю зубную щетку, расческу, работаю сразу и тем и другим. Из зеркала на меня смотрят похотливые глаза и интересуются: “Разговеться, значит, хочешь, да?” Я стыдливо отвожу свой взгляд в сторону: “При чем тут разговеться? Просто посидим, поговорим”. — “Посидим?” — хихикает отражение. Я ему ничего не отвечаю, просто срываю с себя старый свитер и надеваю свежую рубашку. Потом иду к выходу, стараясь выровнять дыхание. Что-то оно у меня участилось.

Уже тяну руку к двери, когда над ней взрывается звонок. Ну вот, думаю, доприхорашивался, пока она сама за мной не спустилась.

Открываю дверь.

Нет, не пробуйте, все равно не угадаете, кто пришел ко мне в столь неподходящее время.

Открываю я, значит, дверь и вижу, что на пороге стоит молодец со слоновыми ногами и на удивление длинной шеей. Сердцебиение тотчас выравнивается. Встречи со слононогими для меня дело более привычное, чем вечернее застолье с женщинами. Я ставлю ноги на ширину плеч, делаю глубокий вдох и выдох.

— Клавдия Семеновна машину за вами прислала, — почтительно говорит Борик, и я понимаю, что драка пока не предвидится.

Сто вопросов крутятся на языке. Кто им дал адрес моей конторы? Раз прислали машину, значит, были уверены, что я здесь. Почему? По какому спешному делу я понадобился мадам Ришелье? С чего это она реши-

ла, что я с такой же радостью залезу в ее машину, с какой залазил Плахетин-старший, отъезжая от колонии?

— “Вольво”? — только и спросил я. Если затевать вечер вопросов и ответов, то не с Бориком, конечно.

Он удивленно взглянул на меня:

— Почему “вольво”? У нас уже давно “вольво” нет. “БМВ”, “Жигули”... Я на “БМВ” приехал.

Возвращаюсь в комнату, напяливаю на свежую рубашку старый свитер, теплую кожаную куртку — в ней руки чувствуют себя свободней, чем в пальто, звоню соседке сверху и приношу ей свои извинения за несостоявшийся визит: “Срочный вызов”. Потом выхожу на лестничную площадку, жестом советую гвардейцу Ришелье спускаться по ступенькам первым и топаю вслед за ним.

Странное приглашение. Может, тоже банки ставить?

Борик идет и постоянно оглядывается на меня, будто хочет что-то сказать, но не решается. Наконец уже внизу, возле машины, он говорит:

— Вы еще, наверное, не знаете. Младшего Плахетина пристрелили. Три пули, все в голову.

(Окончание следует)

САПОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА - ЮМОР

— Все подогна-
ли обмундирова-
ние? — поинтере-
совался старши-
на. — У всех все в
порядке?

— Никак нет! —
отзывается из
строя один из но-
вобранцев.

— Что такое?
— Брюки жмут.
Придирчиво
взглянув, старши-
на замечает:

— А по-моему, они вам
даже великоваты.

— Так ведь жмут-то под
мышками, — огорченно
вздыхает солдат.

Вернувшись в училище
из увольнения, первокурс-
ник выговаривает своему
товарищу:

— Так это ты на-
трепал моей под-
ружке, что каждая
нашивка на рукаве
мундира означает
одного ребенка?!

Солдат подходит к стар-
шине:

— Товарищ старший
прапорщик, скажите что-
нибудь для новогоднего
номера стенгазеты.

— Заглянул в одну тум-
бочку — бардак. В другую
— бардак вдвойне, в треть-
ей — голая баба наклеена.
Ну я ее отодрал, а в итоге
каждая тумбочка у меня на

АНТОЛОГИЯ армейского некдота

праздник будет полы дра-
ить.

— Эх, Петров, Петров, —
распекает комбат взводно-
го. — Если б не
зло-

Из разговоров у елки

употреб-
лял спиртным,
давно бы капитаном был,
ротой командовал.

— Так ведь я как выпью,
— оправдывается тот, —
генералом себя чувствую.

Два мальчугана хваста-
ют друг перед другом:

— А мой отец полков-
ник, вот!

— А мой — майор, за-
то... Зато у него самый

большой в гарнизоне
живот!

— Товарищ старшина,
а расстегай — это мясо
или рыба?

— Да вы что?! Самая
обычная команда.

— Не пойму, какая
разница между газетной
статьей и радиопере-
дачей? — спрашивает
один солдат другого.

— Большая. Вот по-
пробуй заверни в радио-
передачу селедочку...

На балу девушка интере-
суется у моряка:

— Скажите, море краси-
вое?

— Да я подводник, —
пожимает плечами
тот.

Солдат перевернул
кружку вверх дном и
подходит к прапорщику:

— Смотрите, какой ста-
кан странный: сам желе-
зный, а верх запаян.

— Ух ты, да тут еще и дна
нет...

Молодой солдат получил
письмо из дома, раскрыл
конверт, и оттуда выпал
чистый листок.

— Да поссорился с под-
ружкой перед самым при-
зывом. С той поры и не
разговариваем, — объяс-
нил он удивленным сослу-
живцам.

Можно ли стать бессмерт-
ным, если каждый Новый год
начинать жить по-новому?

Восстанавливается ли
слух при слушании тостов-
дифирамбов?

Можно ли от цыплят
табака прийти в телячий
восторг?

Не растает ли Снегу-
рочка в атмосфере
человеческой тепло-
ты?

НОВО-
ГОДНИЕ
ВОПРОСЫ

Можно ли принимать до-
рогие подарки от мужчин,
если муж — не подарок?

Можно ли охлажден-
ным шампанским на-
калить обстановку?

Какую надо
иметь силу, что-
бы побороть
свои слабости,
за празд-
ничным сто-
лом?

Александр РАТNER,
капитан первого ранга
в отставке.

В предисловии к новой книжке афоризмов Виктора КОНЯХИНА "Талант в переплете", увидевши свет в столице в минувшем году, говорится, что многие его остроты, прежде чем попасть под одну обложку, обошли 469 различных периодических изданий. Мы поздравляем Виктора Ивановича — нашего давнего автора — с новой книгой и надеемся, что в его "святцах" журнал "На боевом посту", как и всегда, будет не на последнем месте.

Виктор КОНЯХИН

Из современной песни слова не выкинешь: ни один словарь обратнo не возьмет.

Сатира со вставными зубами постоянно на диете.

Авто-ра не стоит ценить по цене на его книги.

"Вечное перо" не любит, когда его заставляют писать некрологи.

Золото, добытое из молчания, чересчур радиоактивно.

Писал с грехом пополам. Но не уважал своего соавтора.

Мудрорубы, не губите постаментов!

Не разбивай своих иллюзий, не засоряй литературу.

Писатель — мусорщик: всю жизнь копается в самом себе.

Больше всего мысль устает от бега на месте.

Глупость, побывавшая за границей, просит называть себя "переводом с иностранного".

Когда талант пробивает себе дорогу, ему не до творчества.

Писатель обязательного прочтения.

Говорят, достаточно сказать правду, но не говорят — насколько достаточно.

Интеллигентом может считаться любой, кто грамотно напишет собственнный псевдоним.

Когда берешь свое слово назад, получаешь его с чужим ударением.

Новую извилину поучали: "Думать надо в специально отведенном месте".

Раньше эхо отвечало, теперь — пародирует.

— Я тебя вижу насквозь! — сказал телевизор книжному шкафу.

Женщина словам не верит. Женщина верит только предложениям.

Не заглядывай в рот, ты мешаешь моему плюрализму!

В капле чернил цвета всех знамен.

У каждого сюжета свои любимые герои и нелюбимые писатели.

Хорошее слово за переплеты не прячется.

Кто на нас с макулатурой пойдет, тот от макулатуры и погибнет.

Д. ПЕТРОВ

ДИАЛОГ С ЖЕНОЙ

Стихи мои

ей не нужны и даром.

Ей не понять

поэзии чудес.

Не к мукам творчества —

к грошовым гонорарам

имеет

нездоровый интерес.

Я ей сказал:

— Смотри,

поэт маститый

вдруг со стихов

на прозу перешел!..

Она в ответ,

нахмурив лоб сердито:

— Вот и тебе бы

эдак хорошо!

Чего тут ждать,

когда гроши за строчку!..

За то, мол,

не люблю твои стихи,

что не купить с них,

даже и в рассрочку,

под праздник

ни дубленки, ни дохи...

Уволок фалериста

Коронация — это не фунт изюма

Коронация всегда являлась важнейшим элементом утверждения авторитета и власти императора, короля и др. В России она обязательно проходила в Успенском соборе Кремля, и венчал на царство Московский митрополит. Проводилась коронация обычно после окончания траура по усопшему предыдущему монарху и сопровождалась пышными торжествами. К этому событию приурочивались награждения орденами, производства в следующий чин и т.д.

Император Александр I решил изменить традицию и 10 июня 1801 года учредил медаль "За служение во время коронации" для награждения чиновников, генералов и офицеров, принимавших участие в торжествах. Отчеканили 96 золотых и 200 серебряных медалей. Лента к ним неизвестна.

Николай I тоже, видимо, был не прочь отметить свою коронацию, но очень "деликатные" обстоятельства (восстание декабристов) при вступлении на престол заставили его отказаться от учреждения специальной медали. Так же поступил и Александр II. Можно предположить, что сыграли свою роль довольно туманные обстоятельства смерти его отца (существует версия, что Николай I покончил с собой из-за неудач в Крымской войне 1853-1856 гг.).

Но Александр III и Николай II не устояли перед соблазном. Первый 3 ноября 1883 года учредил в память о своей коронации темно-бронзовую медаль, которая носилась на Александровской ленте (отчеканено 112 тысяч!), а второй 26 мая 1896 года — свою серебряную (их отчеканили 151 тысячу!). Ею награждали всех состоявших на действительной службе классовых, неклассных и нижних

"За служение во время коронации"

"В память коронации императора Александра III"

"В память коронации императора Николая II"

чинов, находившихся во время коронации в Москве; всех сословных и других представителей, бывших в Москве на торжествах; всех лиц, принимавших участие в работе по подготовке коронации; модельеров и мастеровых Монетного двора, изготавливавших медали. Получали их и женщины. Носилась медаль на Андреевской ленте.

Подготовил О.ДУНАЕВ.

Узелки на пальто

Круглый год в квартире комфорт

Народная мудрость гласит: "Держи ноги в тепле, а голову в холоде". В квартирах с низкими потолками эту мудрость трудно соблюсти. Эксперименты показывают: даже при регулярном проветривании помещения возле пола всегда находится слой холодного воздуха, у потолка — тепло. Разность температур между полом и потолком, как правило, такова: у пола — 12-14 градусов, на уровне полутора метров от пола — 16-18, у потолка вообще жарко, как в бане. Не отсюда ли частые простудные заболевания, особенно у детей и престарелых?..

Дискомфорт во многих случаях усугубляется и тем, что большое количество тепла улетучивается из квартиры через двери, плохо утепленные окна и поглощающие тепловую энергию наружные стены.

Кому не знакома ситуация:

на улице тепло, а отопительная батарея (радиатор) жаром пышет. И наоборот. Или такая картина: отопительный стояк горячий, а теплообменные элементы (гофры радиатора), головотяпки низанные на изгиб трубы под окном по типу растянутых мехов гармошки, тепло не излучают, более того только собирают вредную для здоровья пыль, которую и пылесосом трудно убрать.

Что делать?

Исправлять недостатки отопительной системы, не дожидаясь, когда займется этим чиновники, самим по мере своих сил и возможностей создавать круглый год в квартире комфорт. Предлагаю один из вариантов простого и дешевого, весьма экономичного отопительно-вентиляционного устройства (ОВУ).

Целесообразная форма — круглая, размер — не меньше

приточного отверстия. В случае необходимости (стояк нормального нагрева, а в квартире прохладно) в отверстие нетрудно вделать бесшумный самодельный мини-вентилятор, работающий от электрической батарейки (в летнюю пору он преобразит отопительное устройство в вентиляционное).

Таким образом, ОВУ-1, несмотря на простоту конструкции, позволяет зимой, не выходя из квартиры, регулировать (усиливать или ослаблять) съем тепла с действующего теплоисточника (стояка, радиатора); летом создавать прохладу в жилом помещении, т.е. придавать обогревателю функцию как естественного, так и принудительного вентилирования воздуха в квартире; и, главное, разумно и экономно (в интересах квартиросъемщика и государства) расходовать дорогостоящую тепловую энергию (а со временем, вообще отказаться от радиаторов ("аппендицитов") под окном, поскольку при внедрении ОВУ-2, ОВУ-3 и других достаточно иметь всего один нормально действующий стояк.

ОВУ-1 (простейший вариант)

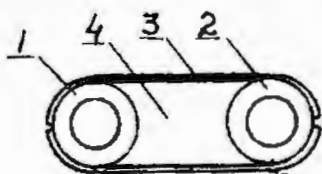
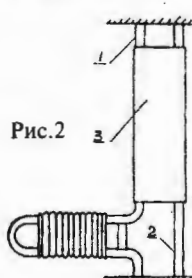
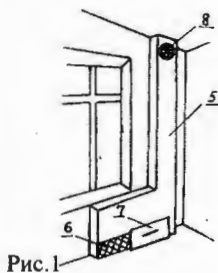

Рис. 1 — общий вид ОВУ-1; рис. 2 — то же без ограждающего кожуха; рис. 3 — принципиальная схема конструкции в поперечном разрезе:

1 — действующий стояк (трубопровод, по которому циркулирует горячая вода);

2 — ложный стояк (отрезок трубы или деревянный шест, устанавливаемый между полом и потолком, выполняет роль опоры для металлических пластин);

3 — металлические пластины (дополнительные теплообменные элементы). Их две. Размер произвольный. Крепятся (см. рис. 2, 3) к действующему и ложному стоякам. Основные требования: пластины должны быть теплоемкими, не тоньше 1 мм; как можно плотнее соприкасаться с действующим стояком. Способы крепления — дело рук мастера;

4 — конвекционный канал, образуемый пластинами;

5 — ограждающий кожух. Материал — фанера, кровельное железо, плотный картон и т.п. Главные требования — герметичность, плотное прилегание к стене, огражденная часть которой оклеивается теплоотражающим материалом;

6 — приточное отверстие кожуха (см. рис. 1), форма квадратная, делается у самого пола, примерный размер 6-8 x 18-20 см;

7 — задвижка (регулятор конвекционных процессов);

8 — вытяжное отверстие. Делается в 10-15 см от потолка.

Полковник в отставке А. РОКШИН,
ветеран внутренних войск.

Орденские сервизы

С младшим научным сотрудником Самарского художественного музея Еленой Рогожиной мы встретились в зале русского искусства XVIII века. И здесь наш разговор зашел о вещах, на первый взгляд, весьма далеких от военной тематики. О фарфоре...

Мое внимание привлекли несколько экспонатов, которые едва ли могут оставить равнодушным человека, интересующегося военной историей России. Это — предметы "орденских" сервизов. Ордена, изображенные на них, отголоски минувшей эпохи, содержат в себе какую-то частичку возвышенного имперского духа. Сияние крестов дополняется благородным матовым блеском старинного фарфора. Глядя на отблески, чувствуешь, будто перед взором открывается мостик в екатеринскую эпоху.

Вот на бледно-зеленом фоне блюда-лотка, выполненного в форме листа, изображен знак ордена Георгия Победоносца и орденская лента, перевитая лавровой гирляндой. Поблизости стоит сахарница, сделанная в виде ажурной корзины с волнистым краем, украшенным лавровой ветвью и черно-желтой орденской лентой. На ленте — Георгиевский крест. Этот раритет датирован 1778 годом. А вот рядом — орденский знак Св.Владимира. Он изображен на другом овальном блюде-лотке в форме листа. Края блюда увиты красно-черной лентой. "Польза, честь и слава", — гласит девиз на орденской звезде.

Елена Рогожина поведала историю "орденских" сервизов:

— Как известно, фарфор в России появился в середине XVIII столетия, а именно в 1744 году, когда талантливый русский ученый Дмит-

рий Иванович Виноградов самостоятельно решил задачу производства фарфора. На протяжении XVIII-XIX веков ведущим предприятием отрасли был Императорский фарфоровый завод, где впервые освоили промышленное производство фарфора. Но в 1766 году у него появился конкурент — частный завод, основанный Францем Яковлевичем Гарднером. Он располагался в Подмоскovie, в деревне Вербилки Дмитровского уезда. Важной вехой в истории этого предприятия было размещение на нем заказа императрицы Екатерины II на производство "орденских" сервизов.

К тому времени в России был учрежден ряд орденов. Их кавалеры раз в год собирались на "орденские" праздники.

Фарфоровый завод Гарднера в конце 70-х - начале 80-х годов выполнил заказ императрицы. Для Зимнего дворца в Петербурге были сделаны четыре "орденских" сервиза, появление которых стало большим событием в русском фарфоровом искусстве XVIII века. Оригинальное использование орденских звезд и лент придало изделиям парадность и торжественность. Сервизы богаты и разнообразны по количеству предметов, они имеют причудливые формы и украшены декоративной росписью.

По замыслу императрицы, четыре "орденских" сервиза — Св.Андрея Первозванного, Св.Александра Невского, Св.Георгия и Св.Владимира — должны были придать особую изысканность "орденским" праздникам.

Недавно было установлено, что проектные рисунки к "орденским" сервизам выполнены выдающимся русским художником Гаврилом Игнатьевичем Козловым.

Выдержавшие серьезное испытание временем "орденские" сервизы, представленные в экспозиции музея, могут быть отнесены к числу выдающихся произведений русского искусства.

Воинская повинность в России

Воинская повинность в России впервые была узаконена уложением Ивана IV в 1550 году и полностью введена Петром I в 1699 году.

Согласно петровскому указу воинская повинность вводилась в виде рекрутчины. Рекрут в переводе с французского — человек, призванный на военную службу. Каждая местность страны обязана была поставлять определенное число рекрутов. Сначала одного от 20 дворов, потом от 1000 душ — 5-7, а в военное время — 50-70 рекрутов. Срок службы в армии рекрутов сначала был пожизненным. С 1793 года до 1834 года — 20 лет. Рекрутчина была отменена лишь в 1874 году, а вместо нее и введена всеобщая воинская повинность. Срок службы в армии был установлен 6 лет, а во флоте — 7 лет. Призывной возраст — 21 год. В 1876 году срок службы сократили до 5 лет.

По мнению специалистов, комплектование русской армии с помощью рекрутских наборов представляло шаг вперед по сравнению с господствовавшей в Западной Европе системой наемничества, так как она обеспечивала постоянство состава армии. Однако рекрутчина являлась одной из самых тяжелых повинностей, ложившихся на народ. Рекруты были абсолютно бесправны, они подвергались телесным наказаниям. Пяти-шестилетний срок воинской службы, введенный в России военной реформой конца XIX в., сохранялся вплоть до первой мировой войны.

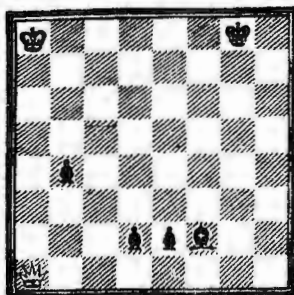
**Материалы подготовил
старший лейтенант
В.СИПРОВ.**

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

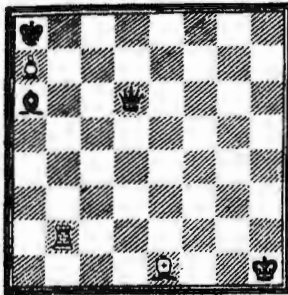
Патовые финалы

№ 1

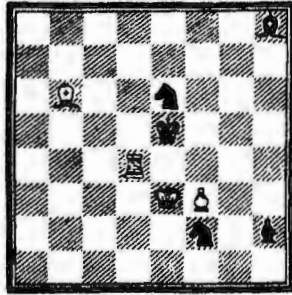
Ничья

№ 2

Ничья

№ 3

Ничья

Патовые комбинации вызывают всегда живой интерес, так как для них характерны неожиданные жертвы. Приводим три позиции, в которых белые жертвуют фигуры и достигают ничьей благодаря пату. Решение № 1: **1.Фa2+ Kpf8!** Единственный ответный ход черных, лишаящий белых давять шахи. **2.Ф:d2 e1Ф.** Соотношение сил выигрышное для черных, но **3.Ф:b4+!! Ф:b4**, пат!

Найдите в № 2,3 комбинации по достижению пата. Любителям неортодоксальных жанров предлагаем для решения.

№ 4. **Kpd4, Лс8, Cf2, Cg2, Kh3, n.g4 (6) — Kph2, Фg3, nn.f3, h4 (4)** кооперативный мат в 2 хода.

№ 5. **Kрс4, Cd4 (2) — Kрb1, n.b2 (2)** кооперативный мат в 2 хода. Близнец: вместо белого слона на том же поле белый конь, решение с тем же заданием кардинально иное.

Турниры наций

Так называют Всемирные шахматные Олимпиады, проводимые ФИДЕ каждые 2 года. СССР вступил в члены ФИДЕ в 1947 году, участвовал в Олимпиадах с 1952 года. Мужская сборная команда СССР с этого года по 1990-й занимала первые места 17 раз.

В сентябре прошлого года в Ереване состоялась 32-я Всемирная шахматная Олимпиада. На ней стартовали 114 мужских команд из 112 стран (от Армении выступали 3 команды) и 73 женские из 72 стран (от Армении — 2 команды). Игра шла по швейцарской системе, результаты таковы. У мужчин 1-е место заняла команда России, 2-е — Украины, 3-е — США, 4-е

— Англии, 5-е — Армении, 6-е — Испании, 7-е — Боснии и Герцеговины, 8-е — Грузии, 9-е — Болгарии, 10-е — Германии. У команд стран СНГ результаты скромные: 19-е место заняла команда Узбекистана, 30-е — Казахстана, 39-е — Туркмении, 53-е — Киргизии. У сборной России это третья подряд победа на Всемирных Олимпиадах! У женщин на 1-м месте команда Грузии, на 2-м — Китая, на 3-м — России, на 4-м — Украины, на 5-м — Венгрии, на 6-м — Румынии, на 7-м — Израиля, на 8-м — Казахстана, на 9-м — Польши, на 10-м — Англии.

Следующая, 33-я Всемирная Олимпиада состоится в 1998 году в столице Калмыкии — Элисте.

Проверьте свои решения

(На боевом посту, № 12, 1996)

№ 53. **Kph6, Ла7, Лf7 (3) — Kрe8, Kf8, n.h7 (3)** мат в 3 хода. **1.Ла-b7!**, цугцванг; **1...Ke6 2.Л:h7!**, **1...Kgb 2.Kpg7!**, **1...Kd7 2.Лf:d7.**

№ 54. **Kрb1, Cd2, Ce2, n.a2 (4) — Кра3, nn.a7, a4, b2 (4)** мат в 4 хода. **1.Са5 a6 2.Cb5! ab 3.Cc3 b4 4.C:b2X!**

№ 55. **Kрb8, nn.c6, h6 (3) — Kpf6, Cc2, n.a6 (3)** ничья. **1.Kрс7!! a5 2.Kpd6 a4 3. c7 Cf5 4.h7 Kpg7 5.Kре5! Cс8 6.Kpd4!** и король догоняет черную проходную пешку.

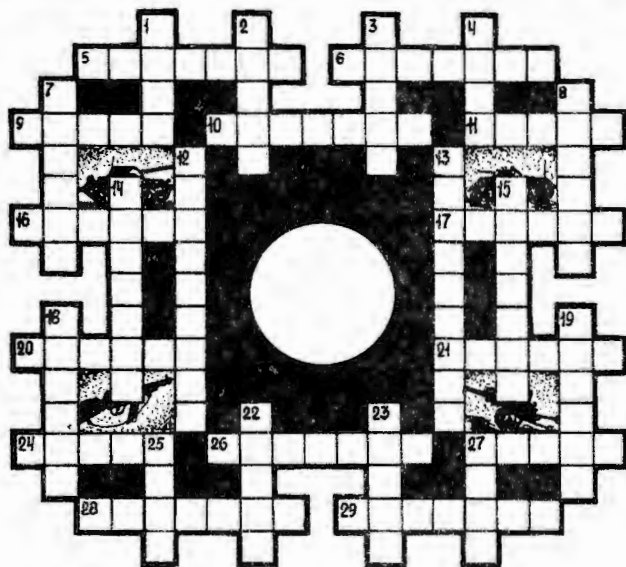
№ 56. **Kре2, Ла1, n.a3 (3) — Kрс3, Лb1, Cg8, nn.b2, b3 (5)** кооперативный мат в 3 хода. **1.Лh1! Лg1! 2.Kрс2-Л:g8 3 Лb1 Л c8 X!**

№ 57 **Kph1, Лh7, n.h5 (3) — Kрb 4, Лg7, n. b3 (3)** кооперативный мат в 4 хода. **1. Л: h7!! h6 2.Лb7 h7 3.Кра3 h8Ф 4. Лb4 Фa1 X!**

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Помещение в закрытых фортификационных сооружениях, защищающее людей и вооружение от воздействия огневых средств противника. 6. Передняя часть шлема, предохраняющая лицо воина от удара холодным оружием. 9. Создатель Царьпушки. 10. Ручная пицаль, имевшая механическое приспособление для воспламенения заряда при выстреле. 11. Общекорабельная работа. 16. Военный конвой, охрана, сопровождение. 17. Суточный перерыв в движении войск при совершении ими длительного марша. 20. Боевое деревянное гребное судно с одним рядом весел и парусами. 21. Футляр с длинной яркой лентой, сбрасываемый с самолета при доставке донесений, распоряжений. 24. Сомкнутое полевое укрепление, подготовленное к круговой обороне. 26. Часть лафета артиллерийского орудия. 27. Вооруженный пароход Черноморского флота, прославившийся во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. 28. Известный русский писатель. 29. Совершение выдающихся по своему

общественному значению действия.

По вертикали:

1. 74-пушечный парусный корабль русского флота. 2. Старинное холодное оружие. 3. Прием, применявшийся в воздушном, морском и танковом бою. 4. Боевой порядок и способ тактических действий в казачьих войсках русской армии. 7. Письменный документ, дающий право вскрывать (закрывать) охраняемый караулом объект. 8. Заграждение, устанавли-

ваемое из деревьев, поваленных одно около другого или крест-накрест вершинами в сторону противника. 12. Должностное лицо в вооруженных силах. 13. Народное название мягкого форменного головного убора личного состава армии до 1941 года. 14. Российский конструктор стрелкового оружия. 15. Существенное преобразование военной системы государства. 18. В древние времена главное Знамя войск. 19. Старейший род российских сухопутных войск. 22. Младший княжеский дружинник на Руси X-XII вв. 23. В русской армии унтер-офицер из дворян. 25. Город-герой. 27. Вооруженный защитник родной земли.

Ответы на кроссворд,
опубликованный в № 12, 1996г.

По горизонтали: 2. Оксана. 8. Мармелад. 9. Карнавал. 10. Ажур. 11. Карандаш. 13. Альманах. 15. Вино. 16. Диканька. 19. Вареники. 22. Натале. 23. Мишура. 24. Паскуале. 28. Снежинка. 31. Джин. 32. Котильон. 34. Гирлянда. 36. Окно. 37. Минотавр. 38. Вернисаж. 39. Иголка.

По вертикали: 1. Лампа. 3. Кудашева. 4. Некрасов. 5. Клава. 6. Салазки. 7. Казачок. 12. Неон. 14. Море. 17. Клаус. 18. Креол. 20. Атман. 21. Игрун. 25. "Айболит". 26. "Урал". 27. Единорог. 28. Снеговик. 29. Жезл. 30. Квадрат. 33. Икона. 35. Ярило.

Подготовил
Е. ДРАЧЕВ.

Объявляют набор на первый курс

Санкт-Петербургский военный институт,
198075, г. Санкт-Петербург, 75
Пермский военный институт,
614108, г. Пермь, 108

Владикавказское высшее военное командное Краснознаменное училище,
362005, г. Владикавказ, 5.

Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище,
410023, г. Саратов, 23

Новосибирское высшее военное командное училище,
630114, г. Новосибирск, 114

Военные образовательные учреждения профессионального образования готовят офицеров для внутренних войск МВД России. На учебу принимаются граждане Российской Федерации из числа военнослужащих, проходящих службу по призыву, независимо от их военной специальности и срока службы; военнообязанные, отслужившие установленный срок военной службы по призыву; военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, по истечении двух лет службы на контрактной основе в возрасте не старше 23 лет, а также юноши из числа гражданской молодежи в возрасте от 17 до 21 года, добровольно изъявившие желание обучаться в военных образовательных учреждениях профессионального образования, имеющие среднее образование, годные к учебе по состоянию здоровья и успешно сдавшие вступительные экзамены.

Военнослужащие, желающие поступить в военный институт (военное училище), подают рапорт по команде до 1 апреля года поступления, а военнообязанные и гражданская молодежь — заявление в районные (городские) военкоматы или отделы внутренних дел по месту жительства до 1 мая года поступления.

К рапорту (заявлению) прилагаются: автобиография, анкета, служебная (производственная, школьная) характеристика, копии свидетельства о рождении и документов о среднем образовании (учащиеся средних школ представляют справку о текущей успеваемости), три фотокарточки (размером 4,5х6 см) без головного убора, заверенные печатью воинской части или военного комиссариата.

Паспорт, военный билет или документ о прописке и подлинные документы о среднем образовании предъявляются кандидатом в приемную комиссию военного образовательного учреждения профессионального образования по прибытии.

Все поступающие сдают конкурсные вступительные экзамены:

— в Санкт-Петербургском военном институте, в высших военных командных училищах — по русскому языку и литературе (письменно), основам Конституции Российской Федерации, отечественной истории (устно), физической подготовке (практически);

— в Пермском военном институте — по русскому языку и литературе (письменно), по математике и физике (устно), физической подготовке (практически). Поступающие на интендантский факультет вместо экзаменов по физике сдают экзамен по химии (устно); на факультет кинологии — вместо экзаменов по математике и физике сдают экзамены по химии и биологии (устно).

Для определения физической подготовленности кандидаты из числа военнослужащих подвергаются практической проверке по упражнениям Военно-спортивного комплекса, а гражданская молодежь — по бегу на 100 и 1000 м, подтягиванию на перекладине.

С военнообязанными, отобранными кандидатами для поступления на учебу, по прибытии в военное образовательное учреждение проводятся учебные сборы с 1 по 15 июня года поступления.

Начало вступительных экзаменов для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, — 16 июня, а для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и гражданской молодежи — 10 июля.

Вызванные для вступительных экзаменов обеспечиваются бесплатным проездом, общежитием и питанием.

Лицам, окончившим военные образовательные учреждения, присваивается воинское звание “лейтенант” и выдается диплом российского образца с присвоенным квалификацией:

— в Санкт-Петербургском военном институте, в высших военных командных училищах — “офицер внутренних войск с высшим военно-специальным образованием, юрист”;

— в Пермском военном институте — “офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер по эксплуатации автомобильной техники” (автобронетанковый факультет); “офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер по эксплуатации вооружения” (факультет артиллерийского вооружения), “офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер-экономист” (интендантский факультет); “офицер с высшим военно-специальным образованием, биолог-кинолог” (факультет кинологии).

Срок обучения — 5 лет.

В период обучения курсанты обеспечиваются питанием, обмундированием и денежным содержанием по установленным нормам. В конце зимнего семестра им предоставляются двухнедельные каникулы, а в конце каждого учебного года — тридцатидневный отпуск. Проезд по железной дороге к месту отпуска и обратно оплачивается военным образовательным учреждением.

492

МАРТ

АПРЕЛЬ

ФЕВРАЛЬ

МАЙ

ЯНВАРЬ

ИЮНЬ

пн	6	13	20	27	
вт	7	14	21	28	
ср	1	8	15	22	29
чт	2	9	16	23	30
пт	3	10	17	24	31
сб	4	11	18	25	
вс	5	12	19	26	

сб	1	8	15	22	29
вс	2	9	16	23	30
пн	3	10	17	24	31
вт	4	11	18	25	
ср	5	12	19	26	
чт	6	13	20	27	
пт	7	14	21	28	
сб	8	15	22	29	
вс	9	16	23	30	

пн	3	10	17	24	31
вт	4	11	18	25	
ср	5	12	19	26	
чт	6	13	20	27	
пт	7	14	21	28	
сб	1	8	15	22	29
вс	2	9	16	23	30

пн	7	14	21	28	
вт	1	8	15	22	29
ср	2	9	16	23	30
чт	3	10	17	24	
пт	4	11	18	25	
сб	5	12	19	26	
вс	6	13	20	27	

пн	5	12	19	26	
вт	6	13	20	27	
ср	7	14	21	28	
чт	1	8	15	22	29
пт	2	9	16	23	30
сб	3	10	17	24	31
вс	4	11	18	25	

пн	2	9	16	23	30
вт	3	10	17	24	
ср	4	11	18	25	
чт	5	12	19	26	
пт	6	13	20	27	
сб	7	14	21	28	
вс	8	15	22	29	

7997

ИЮЛЬ

пн	7	14	21	28	
вт	1	8	15	22	29
ср	2	9	16	23	30
чт	3	10	17	24	31
пт	4	11	18	25	
сб	5	12	19	26	
вс	6	13	20	27	

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
МВД РОССИИ

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

ДЕКАБРЬ

пн	1	8	15	22	29
вт	2	9	16	23	30
ср	3	10	17	24	31

АВГУСТ

пн	4	11	18	25	
вт	5	12	19	26	
ср	6	13	20	27	
чт	7	14	21	28	
пт	1	8	15	22	29
сб	2	9	16	23	30
вс	3	10	17	24	31

СЕНТЯБРЬ

пн	1	8	15	22	29
вт	2	9	16	23	30
ср	3	10	17	24	
чт	4	11	18	25	
пт	5	12	19	26	
сб	6	13	20	27	
вс	7	14	21	28	

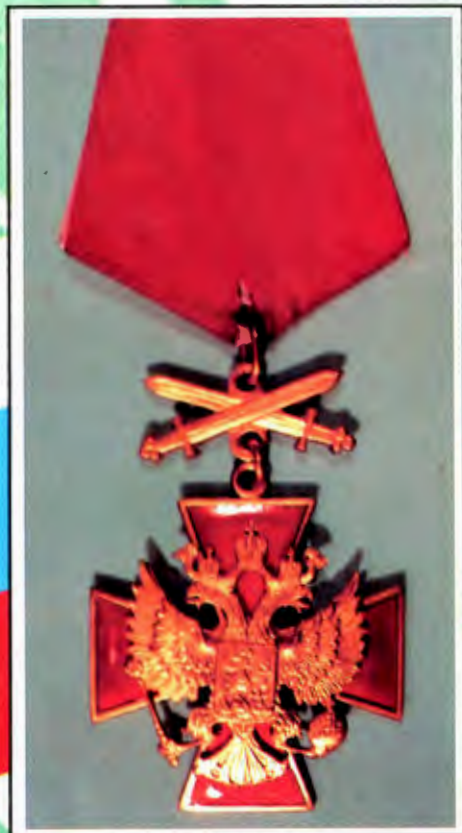
ОКТАБРЬ

пн	6	13	20	27	
вт	7	14	21	28	
ср	1	8	15	22	29
чт	2	9	16	23	30
пт	3	10	17	24	31
сб	4	11	18	25	
вс	5	12	19	26	

НОЯБРЬ

пн	3	10	17	24	
вт	4	11	18	25	
ср	5	12	19	26	
чт	6	13	20	27	
пт	7	14	21	28	
сб	1	8	15	22	29
вс	2	9	16	23	30

Орден “За заслуги перед Отечеством”

Из статута ордена “За заслуги перед Отечеством”

1. Орденом “За заслуги перед Отечеством” награждаются граждане за особо выдающиеся заслуги перед народом, связанные с развитием российской государственности, достижениями в труде, укреплением мира, дружбы и сотрудничества между народами, значительный вклад в дело защиты Отечества.
2. Орден “За заслуги перед Отечеством” имеет четыре степени... Высшей степенью ордена является I степень.
3. Орден “За заслуги перед Отечеством” I степени с орденой цепью является символом президентской власти и возлагается на Президента Российской Федерации как главу государства.
5. Военнослужащие за отличия в боевых действиях награждаются орденом “За заслуги перед Отечеством” с изображением мечей.